

№ 1 (2022)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.

Политика. Право

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Казак Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)

Доможир Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)

Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александров Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права

Берговская Ирина Николаевна, кандидат философских наук, директор Института истории и права

Васильева Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Дроздов Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Ильяш Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции КГУ (профессор кафедры гражданского права Башкирского государственного университета)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Курков Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Тарасова Любовь Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права

Федоров Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Гаврилук Наталия Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, и.о. зав. кафедрой истории Института истории и права

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: + 7 961 124 45 15

E-mail: VKU3@tksu.ru**УЧРЕДИТЕЛЬ:**

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бороненков И.Е. КАЛУЖАНЕ В СОСТАВЕ ТУЛЬСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕ- СКОГО ПОЛКА (ИЮНЬ – ИЮЛЬ 1941 г.)	4
Гаврилюк Н.П. ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЭТНОИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ МАР- КЕРЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА	9
Кометчиков И.В., Голубева А.Н. ЖИЗДРА И ЖИЗДРИНСКИЙ РАЙОН В ПЕРИОД ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941 – 1943 гг.)	15
Кометчиков И.В., Кукушкин В.М. РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕТВЕРТОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИ- ТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (1946 – 1950 гг.)	21
Курков В.В. УРОКИ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И США В АФГАНИСТАНЕ: ИСТОРИ- ЧЕСКИЙ РИКОШЕТ «ВОЙНЫ ПО ДОВЕРЕННОСТИ»	29
Курков В.В., Никишин Б.А. ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I: К ВОПРОСУ О ПАРАДОКСАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	34
Мытник Е.В. УПРАВЛЕНИЕ В БЕССАРАБИИ В 1818 – 1828 гг.: ОСОБЕННОСТИ, ПРАВОВАЯ ОСНО- ВА ДЛЯ ЛИКВИДАЦИИ АВТОНОМИИ	40
Тарасова Л.В. ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ В РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ ЭЛЛИНОВ АРХАИЧЕСКОГО И КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ	44
Штена А.В., Митрушкина М.А. РОЛЬ КАЛУЖСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНО- ГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА В 1921 – 1925 ГГ. В ТРУДАХ М.А. КАСАТКИНА	54

ПОЛИТИКА

Гаврилюк Н.П., Гуреев Я.В. АСТРОПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	60
Гаврилюк Н.П., Голубева А.Н. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	64
Курков В.В., Лапина Д.О. ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА: ИСТОРИЯ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИ- ВЫ	68
Нгуен Тхи Тхао Куинь, Курков В.В. ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	74

ПРАВО

<i>Александров А.Ю.</i> ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	81
<i>Васильева Т.В.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИИ	86
<i>Ильяш А.В.</i> УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА ПРИ ДОПРОСЕ СВИДЕТЕЛЯ, ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО): КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	90
<i>Ильяш А. В., Грачева И. В.,</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: PRO ET CONTRA.....	93
<i>Красина Е.Н.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	96
<i>Магомедова Е.А., Зайцева М.А.</i> К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	100
<i>Семенова Н.К.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АТТЕСТАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ	104
РЕЦЕНЗИИ	
<i>Белова И.Б.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА: ЕЛИСЕЕВ А.И. САМАРСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК: 5.6.1 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ. – САМАРА: САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА, 2022. – 229 с.	109
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	114

ИСТОРИЯ

УДК 908

И.Е. Бороненков

КАЛУЖАНЕ В СОСТАВЕ ТУЛЬСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ПОЛКА (ИЮНЬ – ИЮЛЬ 1941 г.)

В статье отражен процесс формирования коммунистического добровольческого полка на территории Тульской области РСФСР в конце июня – начале июля 1941 г. и участие в нем коммунистов и комсомольцев территорий, переданных в 1944 г. в состав вновь образованной Калужской области. Такие полки были созданы в большинстве прифронтовых областей СССР, однако в Тульской области он был создан одним из первых. Полк состоял исключительно из коммунистов и комсомольцев. Это обстоятельство во многом определило его возрастной состав и боевой путь.

Ключевые слова: Тульский коммунистический добровольческий полк, архивная коллекция, Тульский обком ВКП(б), партийный архив, коммунисты, комсомольцы, Косая гора, Ярцево, политбоец.

I. E. Boronenkov

KALUGA CITIZENS AS PART OF TULA COMMUNIST VOLUNTEER REGIMENT (JUNE – JULY 1941)

The article reflects the process of forming a communist volunteer regiment on the territory of Tula region of the RSFSR in late June-early July 1941 and the participation in it of Communists and Komsomol members from the territories transferred to the newly formed Kaluga region in 1944. Such regiments were created in most of the frontline regions of the USSR, but in Tula region it was one of the first. The regiment consisted exclusively of Communists and Komsomol members. This circumstance largely determined its age composition and combat path.

Keywords: Tula Communist Volunteer Regiment, archive collection, Tula Regional Committee of the CPSU(b), party archive, Communists, Komsomol members, Kosaya Gora, Yartsevo, political fighter.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области – далее ГАДНИКО располагает большой коллекцией документов по истории Великой Отечественной войны. Фонды личного происхождения, организаций и учреждений отражают трагические и героические события военных лет.

Архивом сформированы коллекции документов: о калужанах – военачальниках, Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы, о событиях Великой Отечественной войны на территории Калужской области. Запечатленные документальные источники отражают и начальный этап войны, прежде всего события лета 1941 г.

К началу Великой Отечественной войны Калужской области еще не существовало, а её районы входили в состав Московской, Орловской, Смоленской и Тульской областей. В состав последней входил и будущий областной центр – Калуга. Следовательно, распоряжения, инструкции и директивы ру-

ководство города и районов, входивших в состав Тульской области, получало прежде всего от Тульского обкома ВКП(б).

С первых дней войны руководители органов власти на местах стали получать большое количество директив, связанных с переводом страны на военные рельсы. Началась мобилизация военнообязанных, автотранспорта и лошадей. Следующим шагом стало создание истребительных батальонов. Это происходило централизованно на основании Постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и решения Тульского обкома ВКП(б). Вскоре, по инициативе Ленинградского обкома ВКП(б) началось формирование народных ополчений.

Несмотря на принятые меры, боевые действия развивались стремительно, и немецкие войска продвинулись вглубь территории СССР на значительное расстояние. Поэтому уже 29 июня 1941 г. выходит директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых об-

ластей, в число которых входила и Тульская область. Среди прочего, в ней указывалось, что: «Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма» [1, с. 38 – 39].

Еще до издания этой директивы Тульский обком ВКП(б) принял решение о посылке на фронт коммунистов и комсомольцев. Этот факт отражен в протоколе заседания бюро Тарусского районного комитета (РК) ВКП(б) Тульской области от 28.06.1941 г. [2]. Именно этот документ стал первым источником официальных сведений об отправке коммунистов и комсомольцев на фронт, находящийся на хранении в ГАДНИКО. Так образом, началось оформление процесса формирования будущего Тульского коммунистического добровольческого полка.

Стоит отметить, что сведения о калужанах – участниках Тульского коммунистического добровольческого полка фактически отсутствовали в исследовательской литературе. В изданной в 1979 году партийным архивом Тульского обкома КПСС книге второй хроники «Путь борьбы и побед» сообщалось, что полк на территории Тульской области был сформирован 24 – 27 июня 1941 г. [3, с. 248]. Однако никаких подробностей о территориальной принадлежности бойцов в ней не приводилось. Книга попала в поле зрения сотрудников партийного архива Калужского обкома КПСС, которые начали поиск сведений об участниках полка.

Между калужскими и тульскими архивистами завязалась переписка, которая не сразу дала положительный результат. В первоначальных ответах Тульский партархив отвечал, что документов о формировании полка в его фондах не имеется, но оговаривалось, что о существовании полка известно от руководителей Тульской области в годы войны [4].

Параллельно в процессе собирательской работы калужские архивисты установили связь с Матвеевой Любовью Васильевной – женой Матвеева Александра Яковлевича, командира 6-й роты полка, погибшего в боях за Ярцево 25 июля 1941 г. Она передала в архив характеристику на своего мужа, подписанную командиром взвода, его помощником и партгором батальона полка. Характе-

ристика была заверена Тульским горкомом КПСС [5]. В документе описаны не только личные качества А.Я. Матвеева, но и краткая история полка.

Кроме того, в архив обратился Серафим Васильевич Чернов, заявивший о том, что он был бойцом полка и установил контакт с председателем совета ветеранов полка – Михайловым Александром Семеновичем. На основании этого был сделан повторный запрос в Тульский партархив. В результате был получен список коммунистов и комсомольцев, отобранных для службы в Красной Армии по городу Калуге и районам нынешней Калужской области, входившим на начало войны в состав Тульской области [6]. Всего в списке значится 207 человек.

Надо сказать, что полк носил название коммунистического и добровольческого не просто так, поскольку все отобранные в его состав бойцы и командиры были членами и кандидатами в члены ВКП(б), или комсомольцами. Большинство из них не попало под первую волну призыва, а потому имело возможность продолжить работу по месту жительства. Однако, из воспоминаний калужан – участников полка, хранящихся в ГАДНИКО, мы знаем, что для них выбор не стоял, и возможность отстоять Родину с оружием в руках они воспринимали как священный долг [7].

Списки калужан – участников полка полученные партархивом, носили порайонный характер. Это позволило нам соотнести их содержание с документами Калужского горкома и райкомов ВКП(б) конца июня 1941 г. В уже упомянутом выше протоколе Тарусского райкома ВКП(б) от 28 июня 1941 г. значится 8 из 12 бойцов полка, перечисленных в списках Тульского партархива. В протоколе Дугненского РК ВКП(б) от 1 июля 1941 г. перечислены все 9 из 12 человек, указанных в общем списке, в том числе Матвеев и Чернов, которых мы упоминали выше [8]. Протокол Бабынинского РК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. зафиксировал всех бойцов из общего списка [9].

Между тем, самое большое количество бойцов полка из имеющегося списка – 146 были жителями собственно г. Калуги и её пригородов. К сожалению, протокола Калужского ГК ВКП(б), аналогичного протоколам районных комитетов не сохранилось. Зато в его фонде сохранились списки коммунистов и комсомольцев, подавших заявления о посылке их на фронт [10]. Списки для комсо-

мольцев и коммунистов были сформированы и утверждены на заседании бюро горкома отдельно. В них содержится гораздо больше фамилии, чем в итоговом списке калужан, прошедших отбор.

Решение городских властей не было окончательным и согласовывалось с областным руководством, о чем говорит и протокол № 4 общего внеочередного собрания парторганизации управления Московско-Киевской железной дороги от 29 июня 1941 г., в котором обсуждалось решение ЦК ВКП(б) по добровольному призыву коммунистов на фронт [11]. Из 16 публично изъявивших пойти на фронт лишь 5 обнаружены в общем списке бойцов полка.

Тот факт, что не все указанные в протоколах лица были в конечном итоге зачислены в полк, объясняется строгостью отбора, который по Калужскому кусту районов проводил 30 июня 1941 г. в клубе имени Андреева секретарь Тульского обкома ВКП(б) Александр Васильевич Калиновский.

В документах Тульского партархива бойцы полка проходили как коммунисты и комсомольцы, отобранные для службы в РККА. Официальных документов, в которых указывалось бы, что призванные из районов нынешней Калужской области коммунисты и комсомольцы действительно были в составе Тульского коммунистического добровольческого полка, в архиве нет.

Тем не менее, на основании приведенных выше документальных источников, а также письма председателя совета ветеранов полка – Александра Семеновича Михайлова, который как боец упоминается в общем списке по Тульской области, можно утверждать, что все включенные в список калужане действительно стали бойцами полка. Это подтверждается сведениями, приведенными в сборнике военно-исторических документов А.Н. Лепехина «Тульский коммунистический добровольческий полк» [12, с. 21 – 38].

Заслуживает внимания не только количественный, но и возрастной состав бойцов полка. Среди отобранных калужан было немало родившихся еще в XIX веке, в том числе тех, кто по возрасту не подлежал призыву. Самым старшим из них был директор мебельной фабрики № 1 Кулаков Семён Антонович, 1892 г. рождения. Среди отобранных комсомольцев было несколько несовершеннолетних юношей 1924 года рождения.

Всего в состав полка, как уже упоминалось выше, вошло 146 жителей Калуги и ее

пригородов. Жителей Тулы в полк было зачислено 393 человека. Примечательно, что по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г. в Калуге проживало около 80 тысяч жителей, а в Туле чуть меньше 240 тысяч [13, с. 367]. Из этого следует, что в процентном соотношении количество калужан и туляков в составе полка было практически одинаковым. Выходит, что калужане, как и граждане всего Советского Союза, активно включились в борьбу против немецких захватчиков.

Отобранные в состав полка калужане отправились в Тулу в конце июня – начале июля 1941 г. Точной даты в официальных документах нет, а в воспоминаниях участников полка, фигурируют разные даты. От 29 июня до 4 июля 1941 г. По прибытии в Тулу калужан отправили для подготовки в Тульское оружейно – техническое училище, которое впоследствии стало артиллерийским. Училище было базой для подготовки будущего полка. Но непосредственное размещение и обучение бойцов проходило на полигоне Осоавиахима на Косой горе, которая теперь входит в состав Тулы.

Важно отметить, что основной задачей изначально была подготовка именно политбойцов, которые при зачислении в действующую армию должны были не только воевать, но и заниматься в дальнейшем политической подготовкой красноармейцев. Поэтому в полк брали коммунистов и комсомольцев, и за ними было закреплено название «политбоец».

Подготовка, которая фактически включала в себя курс молодого бойца, проходила на протяжении примерно полумесяца. Резкое ухудшение обстановки на Смоленском направлении (Смоленск был оккупирован немецкими войсками 16 июля – Авт.) привело к необходимости срочно искать резервы. Ситуация была настолько тяжелой, что сформированный Тульский коммунистический добровольческий полк пришлось срочно перебрасывать в район Ярцево.

По воспоминаниям участников полка, хранящимся в ГАДНИКО, 18 июля полк был построен, принял присягу, заслушал напутствие первого секретаря Тульского обкома ВКП(б) Василия Гавриловича Жаворонкова и пешком проследовал через всю Тулу до Рязского вокзала (в некоторых воспоминаниях указывается Московский). По ходу шествия полк приветствовали простые туляки. Путь полка проходил по железной дороге через Алексин, Калугу и Вязьму. Там бойцы впер-

вые увидели последствия войны: разбитые пути, эшелоны, здания. Впервые попали под бомбежку.

Сведения о прибытии полка под Ярцево разнятся, однако известно, что свой первый и для многих его участников последний бой полк принял 25 – 27 июля 1941 г. Обстановка так обострилась, что политбойцам были выданы винтовки, и они оказались на передовой в составе соединений 16-й армии под командованием К.К. Рокоссовского [14, с. 69].

В результате кровопролитных боев против гораздо более оснащенных немецких соединений, политбойцам все же удалось выбить немцев из Ярцево. Контроль над городом советские войска сохраняли вплоть до начала Московской битвы в октябре 1941 г. Из 12 рот полка в которых, по воспоминаниям А. С. Михайлова, было до 3000 человек, в живых осталось не больше, 20, получивших различные ранения. В их числе был и Серафим Чернов, воспоминания которого стали ценным документальным источником о полке.

До нас дошли воспоминания 15-ти калужан – бойцов полка. Это связано с тем, что не все прибывшие в Тулу коммунисты и комсомольцы были отправлены в Ярцево. Некоторые были распределены по другим частям или отправлены в военные училища для дальнейшей подготовки. Часть бойцов получили ранения до активной фазы сражения, или в начале боев за Ярцево и были эвакуированы в тыл для лечения. Впоследствии некоторые из них погибли на других участках фронта, но те из них, кто выжил, оставили свои воспоминания для потомков.

Список литературы:

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3: 1941–1952 г. – М.: Политиздат, 1968. – 751 с.
2. ГАДНИКО. Ф. П-32. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.
3. Путь борьбы и побед: хроника Тульской организации КПСС 1883–1978. Кн. 2: 1938–1978 / Редкол.: И.Х. Юнак (отв. ред.) и др. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1978. – 335 с.
4. ГАДНИКО. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 14. Л. 7-8.
5. ГАДНИКО. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 14. Л. 4-5.
6. ГАДНИКО. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-26.
7. ГАДНИКО. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 31. Л. 37.
8. ГАДНИКО. Ф. П-51. Оп. 1. Д. 66. Л. 237.
9. ГАДНИКО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 196. Л. 208.
10. ГАДНИКО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 189. Л. 60-64.
11. ГАДНИКО. Ф. П-7698. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-3.
12. Лепехин, А.Н. Тульский коммунистический добровольческий полк / А.Н. Лепехин: изд-во «Тула». – Тула, 2021. – 256 с.

Работа, проделанная калужскими архивистами по поиску и упорядочиванию информации о Тульском коммунистическом добровольческом полке, не была напрасной. Архив получил собрание документов о полке в том числе воспоминания его участников.

Боевому пути Тульского коммунистического добровольческого полка был посвящен специальный альбом, хранящийся в ГАДНИКО. В рамках подготовки и проведения мероприятий, посвященных 35-летию освобождения Калуги от немецко-фашистских захватчиков в Калуге, на стене концертного зала была установлена мемориальная доска в честь добровольцев коммунистов и комсомольцев [15]. В Туле, на месте подготовки политбойцов на Косой горе установлена памятная стела.

К сожалению, мемориальная доска в Калуге была утрачена в ходе работ по капитальному ремонту концертного зала в начале этого столетия. Однако, благодаря неравнодушной позиции Александра Никитовича Лепехина – представителя Тульского землячества в Москве, а также калужских архивистов и краеведов есть шанс на её скорое восстановление на прежнем месте.

Таким образом, документальные источники Государственного архива документов новейшей истории Калужской области отражают события связанные с созданием, формированием и боевым крещением Тульского коммунистического добровольческого полка. Сосредоточенная в настоящее время в архиве источниковая база может служить основой для исследовательской и краеведческой работы, организации выставок и экскурсий.

13. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.

14. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. – М.: Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»; Воениздат, 1997. – 479 с.

15. ГАДНИКО. Ф. П-2. Оп. 139. Д. 15. Л. 52-57.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области, Калуга, РФ

УДК 394

*Н.П. Гаврилюк***ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЭТНОИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ
МАРКЕРЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА**

В статье предпринята попытка проанализировать специфику формирования полиэтничных обществ на примере Приднестровского региона. В качестве этноидентифицирующих критериев рассматриваются элементы традиционной культуры, в том числе сама история, семейная и календарная обрядность, язык, фольклор.

Ключевые слова: традиционная культура, идентификация, идентичность, маркеры, этноидентификация, поликультурное общество, полиэтничное общество, «суперэтническая общность», надэтническая общность.

*N.P. Gavrilyuk***ELEMENTS OF TRADITIONAL CULTURE AS ETHNO-IDENTIFYING MARKERS IN
CONDITIONS OF SOCIETY POLYETHNICITY**

The article attempts to analyze the specifics of the formation of multiethnic societies using the example of the Transnistrian region. Elements of traditional culture, including history itself, family and calendar rituals, the language, and folklore are considered as ethno-identifying criteria.

Key words: traditional culture, identification, identity, markers, ethno-identification, polycultural society, polyethnic society, «superethnic community», supra-ethnic community.

Каждое новое столетие ставит перед обществом, в целом, и, перед отдельным индивидуумом, в частности, достаточно каверзные вопросы, ответы и решение которых, могут, как привести человечество к стабильному развитию, так и ввергнуть его в хаос. Все чаще мы сталкиваемся с тем, что некогда обыденные вопросы и практики, в том числе взаимодействие людей в рамках одного населенного пункта, были делом отдельного субъекта этого общества, или группы людей, они не становились объектами и предметами специальных научных исследований, направлениями деятельности международных организаций. Неужели мы перестали понимать друг друга? Нужны ли нам советы и инструкции по выстраиванию отношений с соседями, коллегами, даже если они относятся к другому этносу, или этнической группе? Тема взаимодействия граждан внутри страны, народов на планете становится в последние годы темой международных конференций, ложится в основу государственных программ и направлений деятельности международных организаций, в том числе ООН.

Дискуссионными являются вопросы о перспективах развития полиэтничных и многоэтнических (несмотря на то, что практически таковых нет) обществ, важности благоприятного климата и условий при взаимодействии представителей различных этнических групп, при планировании развития государ-

ства, разработки стратегий социально-экономического и политического развития страны и т.д.

Как показывает практика, наблюдающиеся в последние десятилетия стремительная политизация этничности, взрывы национализма, этнической и конфессиональной ксенофобии способны вызвать самые разрушительные последствия для международной безопасности в будущем, особенно если они сопряжены с незнанием и непониманием истоков и содержания существующих этнополитических проблем. Поэтому проблемы национализма и политики идентичности, поиск рациональной формулы сосуществования этнических общностей в границах одного национального государства и эффективных методов урегулирования конфликтов, возникших на этнической или конфессиональной почве, составляют в настоящее время один из центральных пунктов в общественной мысли. Неслучайно сегодня говорят об «этническом повороте» в исследовании международных отношений, проблем безопасности и в других научных исследованиях [1, с. 8].

Изучение вопроса о взаимодействии этносов и этнических групп практически невозможно без исследования практики соотношения себя, или группы людей, с тем или иным этносом, этнической группой. Как показывают исследования последних лет, среди

критериев, выступающих в качестве определяющих принадлежность к этнической группе, выступают: территория проживания, принадлежность к группе родителей, язык общения, элементы традиционной культуры, на-

личие документов, в том числе свидетельства о рождении в котором указана национальность (многие ставят знак равенства между национальностью и этническим происхождением) и др. (Рисунок 1).

Критерии определения этнической принадлежности

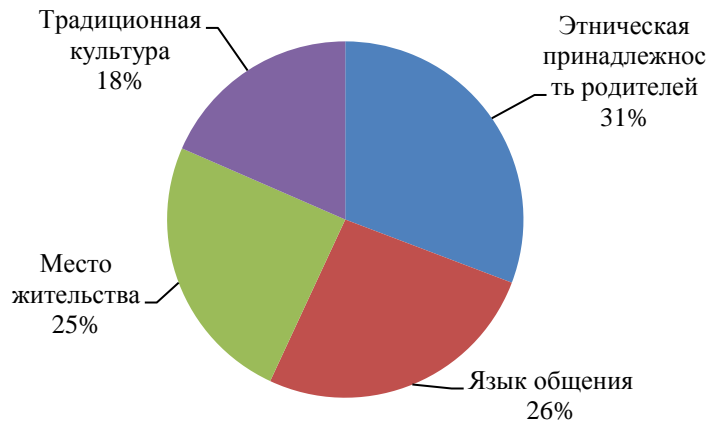

Рисунок 1

Примечательно, что набор критериев зависел от возраста и пола респондентов. (Рисунок 2).

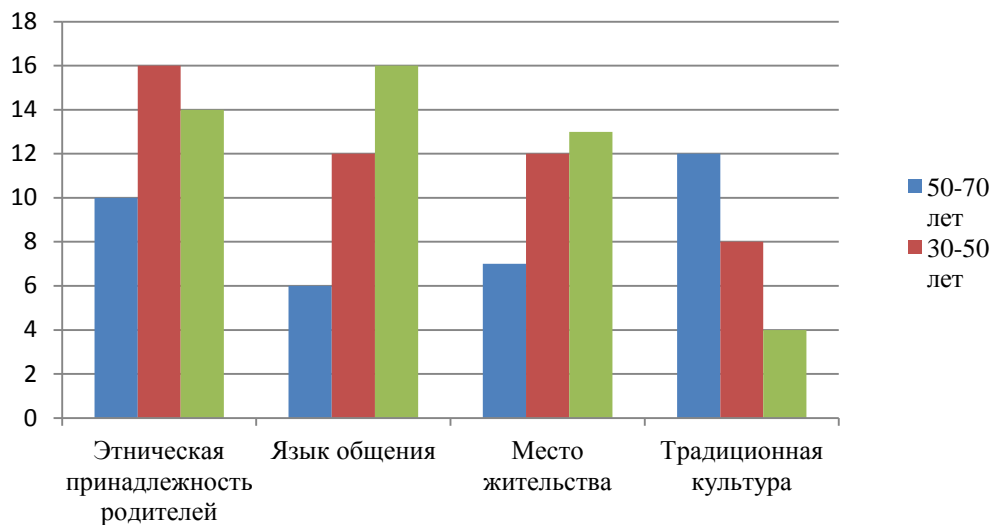

Рисунок 2

В рамках заявленной темы мы попытаемся разобраться, насколько важен и значим процесс идентификации, в частности этнической, в условиях полиэтничности общества и как выстраивается иерархия принципов и критериев при соотношении человека (группы людей) с определенным сообществом и (или) культурой.

У проблемы соотношения человека с определенной группой людей и типом культуры давняя история. На основании исследований отечественных и зарубежных антропологов,

этнологов, психологов, историков, социологов и т.д., мы приходим к заключению, что систему этнодифференцирующих критериев и признаков формирует целый комплекс представлений о своей и чужих этнических группах. В качестве этноопределителей могут выступать самые разные признаки: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство.

Остановимся на каждом из предполагаемых этнодифференцирующих маркеров и попытаемся проследить не только изменение его характеристики, но и место в иерархии ценностей общества при самоопределении и определении извне (это немаловажный момент, так как на определенных этапах истории человечества существенно различается набор признаков при самоидентификации и идентификации другими людьми/народами).

Заявленную тему, мы рассмотрим на примере полиэтничного Приднестровского региона. Приднестровье отличает тот факт, что ни один из проживающих здесь народов не может претендовать на статус коренного, автохтонного. В различные периоды времени, начиная еще с античности, эти земли осваивались и заселялись разными народами в процессе кочевья. Начиная с XVI в., когда отмечается интенсивное освоение и заселение территории Приднестровья, формируются две этнографические зоны – Северная и Южная. В Северной этнографической зоне, в процессе взаимодействия представителей восточнославянской культуры (украинцев) и восточно-романской, отмечается в большей степени влияние украинского традиционного уклада жизни. На юге Приднестровья ситуация противоположенная, наблюдается в большей степени влияние молдавской культуры [3, с. 20]. Но, так или иначе, независимо от национальной и религиозной принадлежности, жителей края объединяли традиционные занятия: земледелие и отчасти скотоводство, необходимость взаимопомощи в процессе обустройства и организации досуга. На наш взгляд именно условия совместного, практически одновременного, освоения и заселения территории, общие проблемы и пути решения, привели к тому, что на территории Левобережного Поднестровья, в границах современной Приднестровской Молдавской Республики, не были отмечены столкновения и конфликты на этнической и национальной почве. Исследования подтверждают дружеские и добрососедские отношения всех народов, проживающих на этой территории. Это обстоятельство само по себе играет чрезвычайно важную роль и является ключом к пониманию современной ситуации в Приднестровье и рассмотрению его как «суперэтнической общности» [3 с. 142].

При анализе практики взаимодействия народов на различных этапах истории, невольно задаешься вопросом, а что же служило сдерживающим фактором и не приводило

к столкновениям на этнической почве народов, относящихся к разным культурным и языковым группам. Исследуя, проблему межкультурного и межэтнического взаимодействия, среди причин возникновения конфликтов на внутригосударственном уровне выступают: давность проживания этноса на территории, количественный состав, исторические события и др. Относительно Приднестровья, как уже было отмечено, территория региона не является исторически родиной ни одного из проживающих ныне этносов. Основываясь на анализе ранних источников, можно отметить, что «свой отпечаток на развитие Левобережного Поднестровья оставили и кочевники (киммерийцы, скифы, а затем сарматы), закрывшие на Днестре путь на восток фракийским племенам даков, гетов, одрисов, бесов, трибаллов, являвшихся отдаленными пращурами некоторых народов Юго-Восточной Европы, в том числе молдаван». Не обошла территорию края и греческая колонизация, приведшая к распространению эллинистической цивилизации на землях Приднестровья [3 с.18].

Как показывает практика, в условиях отсутствия научной трактовки термина «традиционная культура», важно правильно подобрать набор признаков и компонентов, которые могли бы выступить в качестве неотъемлемых составных частей традиционной культуры в широком понимании этого слова.

Анализ источниковой базы по теме статьи, а также результаты исследований в области этнологии, этнографии, культурологии позволяют нам выявить некоторые критерии, которые могут быть рассмотрены в качестве этноидентифицирующих, связанных напрямую с традиционной культурой народа.

Как уже было отмечено, полиэтничное Приднестровье – это симбиоз славянской и романской культур, с элементами культуры этнических общностей армян, немцев, евреев и т.д. Все этносы и этнические общности, проживающие на исследуемой территории, связывает следующий набор так называемых представлений и показателей:

1. Представления об историческом прошлом. С учетом данного показателя, нельзя сказать, что у народов Приднестровья достаточно продолжительное общее историческое прошлое. Как уже отмечалось, складывание этнографических зон на территории края имеет свою специфику и характеризуется в основном взаимодействием представителей восточнославянского этноса – украинцев

и русских с представителями восточно-романского этноса – молдаван. Для истории взаимодействие на протяжении всего лишь нескольких столетий это не показатель, однако, даже на протяжении последних четырехсот лет мы наблюдаем формирование единого этнокультурного массива, который значительно отличается от соседних территорий и регионов. В этих условиях происходит объединение наиболее устойчивых форм и элементов традиционной культуры, которые прошли некую «этнокультурную фильтрацию», основанную на общих видах хозяйственной деятельности, верованиях, семейных традициях.

2. Способы ведения хозяйства. Как показывает практика, именно через общие виды хозяйственной деятельности выявляются схожие черты в традиционной культуре, устанавливается тесное межкультурное взаимодействие, выявляется надэтнический компонент, который может быть рассмотрен как идентифицирующий, с точки зрения принадлежности к культуре определенной территории. Народы, проживающие на территории Приднестровья, объединяет земледелие, как преобладающий вид хозяйственной деятельности. По результатам полевых исследований в рамках этнологической практики можем заключить, что необходимость обрабатывать землю, совершенствовать практику выращивания различных культур, привела к складыванию добрососедских отношений и мирному взаимодействию. Как отмечают дореволюционные исследователи: «Отчужденность немцев в этой местности от русского населения прямо бросается в глаза». Но, тем не менее, между немецким населением и представителями других национальностей на протяжении XIX в. устанавливались определенные связи, складывавшиеся в основном в процессе совместного труда. Немецкие крестьяне восприняли от окружающего населения методы обработки кукурузы, выращивания винограда, разведения овец [2, с. 99.]. В одном из документов, подготовленном в 1864 г. армянами из Черновцов, писалось: «Везде, где мы осели, мы взаимно связались с народом, оказавшим нам свое гостеприимство» [5, с. 101].

3. Нормы поведения, ценности и т.д. Взаимодействие этнических культур – объективный процесс, имеющий глубокие исторические корни, результатом которого является формирование общенациональных культурных ценностей многонационального народа

Приднестровья. Именно этническая культура и этнокультурные традиции народов Приднестровья являются незыблемым гарантом формирования нравственных основ государства, гражданского общества. Этнокультурное взаимодействие выступает в качестве одного из условий создания демократической государственности, а, следовательно, и механизма реализации прав и свобод личности, выраженное в политической консолидации общества.

Роль обозначенного критерия, как этноидентифицирующего можно рассматривать с различных точек зрения. Во-первых, для каждого этноса и этнической группы характерен определенный набор норм и практик поведения, свойственный только этой культуре. Примером может служить анализ традиционной культуры болгарского народа, проживающего на территории Приднестровья. Среди особенностей, можно выявить особую роль женщины в семье и обществе, подтверждением этому являются сохранившиеся праздники – праздник Бабы Марты, День повитух (Бабин день). Во-вторых, данный критерий может выступать не как этноразделительный, а как объединяющий, направленный на формирование той самой «суперэтнической общности». Важную роль в культуре современного приднестровского общества играют элементы традиционной культуры, выраженные в использовании предметов быта и интерьера, передаваемых из поколения в поколение, принадлежавшие и заимствованные, для удобства молдаванами у украинцев, русских у поляков или у немцев и т.д., а также обрядовые и ритуальные действия, исполнение которых имеет свою функциональную направленность и особенность.

4. Язык. Исторические события 1989 – 1992 годов привели к тому, что на территории Приднестровья, единственном месте в мире, сохранился молдавский язык на кириллической графике. Этот факт делает уникальным не только регион, но и сам народ, говорящий и обучающийся на этом языке. Ниже приведен отрывок из отчета Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики, отражающий количественный состав организаций образования, осуществляющих обучение на одном или нескольких официальных языках республики.

«Для реализации государственной политики по выбору языка обучения и воспитания в 2021 году было обеспечено функцио-

нирование организаций дошкольного и общего образования на трех официальных языках.

В 2021 году в организациях дошкольного образования обучались на русском языке 19 161 детей (92,8%), на молдавском языке – 1 404 (6,8%), на украинском языке – 92

(0,4%). Динамика количества детей, обучающихся на официальных языках за период 2017 – 2021 годы представлена в таблице № 1.

Учебный год	Всего воспитанников	Количество обучающихся на языках					
		Русский		Молдавский		Украинский	
		детей	%	детей	%	детей	%
2017-2018	22568	20818	92,2	1659	7,4	91	0,4
2018-2019	22691	20994	88,5	1592	11,2	105	0,3
2019-2020	22475	20746	92,3	1648	7,3	81	0,4
2020-2021	21354	19853	93,0	1429	6,7	72	0,3
2021-2022	20657	19161	92,8	1404	6,8	92	0,4

Таблица 1.

В 2021 году в качестве второго официального языка изучали русский язык – 1 090 (5,2%) детей, молдавский язык – 9 182 (44,4%) детей; украинский – 1 906 (9,2%) детей,

динамика за период 2017 – 2021 годы представлена в таблице № 2. Второй официальный язык изучается со средней группы.

Год	Всего воспитанников	Количество изучающих II официальный язык					
		Русский		Молдавский		Украинский	
		детей	%	детей	%	детей	%
2017	22568	1118	5	9457	42,0	2199	9,8
2018	22691	1027	6,8	9394	41,7	2028	7,1
2019	22475	1465	6,5	10687	47,6	2328	10,4
2020	21354	1001	4,7	10449	48,9	1812	8,4
2021	20657	1090	5,2	9182	44,4	1906	9,2

Таблица 2.

Из общего количества организаций общего образования 76,0 % осуществляют образовательный процесс на русском языке; 15,8 % на молдавском языке; 1,9 % на украинском языке. Кроме того, в республике функционируют 6,3 % русско-молдавских школ.

вание на русском языке, на 0,2%; при этом уменьшение количества учащихся, получающих образование на молдавском языке на 0,2%.

В 2021 году наблюдалось увеличение численности учащихся, получающих образо-

Динамика изменения численности учащихся организаций общего образования в разрезе по языкам обучения представлена в таблице № 3.

Язык обучения	Численность учащихся в ООО в разрезе языков обучения				
	2017-2018	2018-2019	2019-2020	2020-2021	2021-2022
Русский	40909	41250	41511	41983	41760
	90,7%	91,3%	91,9%	92,5%	92,7%
Молдавский	3721	3522	3243	2998	2865
	8,3%	7,8%	7,2%	6,6%	6,4%
Украинский	456	416	400	405	408
	1,0%	0,9%	0,9%	0,9%	0,9%
Итого	45086	45188	45154	45386	45033

Таблица 3.

5. Религиозные верования. Данный критерий, большинством исследователей, рассматривается как один из главных, т.к. единая религия способствует формированию самого мира ценностей и менталитета. Жители исследуемого региона, в большинстве своем исповедуют православие. Последние 5-7 лет (зависит от района) стал распростра-

няться католицизм, что выражено в строительстве костелов и организации приходов. Но даже в этих условиях нет предпосылок для назревания конфликтов, разделения на почве вероисповедания. Ярким примером служит населенный пункт Рашков, одно из самых древних селений, датируемое 1408 годом, в котором проживают русские, укра-

инцы, евреи, молдаване, поляки и в котором действуют костел, православный храм, к разрушенной синагоге приезжают представители еврейской культуры.

6. Фольклор в узком смысле слова. Из всех перечисленных критериев, скорее всего, лишь фольклорные источники могут выступать в качестве более явного этноидентифицирующего фактора, т.к. колядки, песни, поговорки, компоненты календарной и семейной обрядности, каждому этносу, этнической группе и соответственно культуре, свойственны свои. Конечно, при сборе материалов, в рамках этнологической практики, мы сталкиваемся с результатами народного творчества, содержащими заимствования из соседних населенных пунктов и культур, соответственно.

Подводя итоги, важно отметить, что результаты складывания особой надэтнической общности в Приднестровском регионе, являются подтверждением того, что отдельные этнические элементы, в том числе традиционной культуры, влияли, в разной степени, как на процессы интеграции, так и на процессы ассимиляции.

Исследования последних лет, в области этнического и культурного взаимодействия народов, проживающих на территории Приднестровья, результаты интеграции и ассимиляции в разных районах республики, подтверждают особенность Приднестровского края с точки зрения освоения и заселения

территории, взаимодействия, на протяжении нескольких столетий, народов, отличных друг от друга по виду хозяйственной деятельности, вере, культуре, языку. Но, несмотря на столь существенные различия, на территории Левобережного Поднестровья, в границах современной Приднестровской Молдавской Республики, никогда не возникали этнические конфликты, и, даже в реалиях сегодняшнего дня, не существует предпосылок для этого. На протяжении 30 лет существования республики неоднократно намечались тенденции навязать национальные экстремистские идеи и политику борьбы за самостоятельность отдельных народов. Однако, даже несмотря на условия непризнанности, экономические кризисы, народ Приднестровья не поддавался на эти провокации. В связи с этим возникает вопрос, а что же отличает Приднестровскую Молдавскую Республику от соседней Украины, которая на протяжении последних лет, переживает не только потерю собственной государственности, но и утрату своей истории и уникальной культуры, от Республики Молдова, предавшей забвению несколько сот лет своей истории в угоду политики румынизации и обещаниям стать частью Европы. Ответ, скорее всего, кроется именно в особой практике межкультурного взаимодействия, сохранении и использовании элементов традиционной культуры, выступающих связующим звеном не только в пространстве, но и во времени.

Список литературы:

1. Ачкасов, В.А. Этнополитология: учебник для бакалавров / В.А. Ачкасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 495 с.
2. Ананян, Ж. А. Армянская колония Григориополь / Ж.А. Ананян. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969. – 275 с.
3. Гаврилюк, Н.П. Традиционная календарная обрядность населения Левобережного Поднестровья / Н.П. Гаврилюк: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – СПб, 2015. – 208 с.
4. Гаврилюк, Н.П. Этнокультурное образование в условиях полиэтничности общества (на примере системы образования Приднестровской Молдавской республики / Н.П. Гаврилюк: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, 30 октября 2018, Чебоксары // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. – № 13-2. – 2018. – С. 113 – 115.
5. Грабовецкий, В. В. Армянские поселения на западноукраинских землях / В.В. Грабовецкий // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1961. – С. 92 – 109.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

*И.В. Кометчиков, А.Н. Голубева***ЖИЗДРА И ЖИЗДРИНСКИЙ РАЙОН В ПЕРИОД ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941 – 1943 гг.)**

Оккупация Жиздринского района продлилась с 5 октября 1941 г. по 16 августа 1943 г. За этот период времени район был почти полностью уничтожен, население было подвергнуто жесточайшим нападкам со стороны немецких оккупантов и сократилось более чем в 2 раза. Местное население вело упорную борьбу с противником. Восстановление района заняло продолжительное время.

Ключевые слова: Жиздринский район, гитлеровская оккупация, немецкие захватчики, оккупационный режим, партизанское движение, освобождение, Великая Отечественная война

*I.V. Kometchikov, A.N. Golubeva***ZHIZDRA AND ZHIZDRA DISTRICT DURING HITLER OCCUPATION (1941 – 1943)**

The occupation of Zhizdra district lasted from October 5, 1941 to August 16, 1943. During this period the area was almost completely destroyed, the population was subjected to the most severe attacks from the German invaders and decreased by more than 2 times. The local population waged a stubborn struggle with the enemy. The restoration of the area took a long time.

Key words: Zhizdra district, Hitler occupation, German invaders, occupation regime, partisan movement, liberation, Great Patriotic War

Гитлеровский оккупационный режим и его последствия для малых городов России – один из наименее изученных сюжетов истории Великой Отечественной войны. Он долгое время оставался в тени таких более крупных проблем, как подготовка и проведение в СССР открытых процессов в отношении гитлеровских военных преступников, подготовка и ход Нюрнбергского трибунала [11] и других судебных процессов против высокопоставленных гитлеровцев [7]. Однако, как представляется, изучение оккупационного режима и сопротивления ему в масштабе отдельного города и района важно акцентом на деталях, которые неизбежно утрачиваются, если речь идет о событиях большого исторического масштаба и значения. Именно в этих деталях зачастую можно в полной мере увидеть всю глубину трагедии населения оккупированных территорий и величие подвига по освобождению от оккупации. Много свидетельств об этом содержится в делопроизводственной документации партийных и советских структур регионального и районного звена, воспоминаниях участников партизанского движения, жителей городов и сел, в статистических данных об ущербе, причиненном оккупантами населению, экономике и культуре.

Одним из сотен малых городов и поселков РСФСР, которые гитлеровцы оккупировали к осени 1941 г., была Жиздра – тогда центр одного из районов Орловской области. Оккупация района продлилась с 5 октября

1941 г. по 16 августа 1943 г. Как и населению прочих захваченных советских территорий, его жителям была уготована страшная участь. Согласно гитлеровскому плану «Ост» оккупированные территории сельской местности должны были превращаться в полноценные рейхстаги (имперские округа), для чего планировалось установить границы территорий, создать в них единую власть, установить жесткий контроль за поведением людей, голодом, наследственно-биологической селекцией и другими способами резко сократить коренное население [4].

Каким город и район были до войны? В довоенное время Жиздра была центром типичного сельского района на Западе РСФСР, основным профилем экономики которого было сельское хозяйство. Жемчужиной городского ландшафта был дендрарий, получивший «Малую золотую медаль» на Парижской выставке 1900 г. Накануне войны в районе проживало 47,6 тыс. чел., в том числе 11,1 тыс. чел. – в Жиздре. На территории одного городского и 20 сельских советов располагались 9 415 дворов населения. В районе было 136 колхозов, 2 МТС, птицеводхоз, пять заводов. В районе насчитывалось 9 371 государственных, общественных и индивидуальных зданий: в городе – 1 114, на селе – 8 257, два техникума, три средние школы, 13 неполных средних школ, 47 начальных школ, в которых обучалось свыше 8 тыс. учащихся [3; 10, с. 18].

Заняв город, гитлеровцы сразу же установили жестокий оккупационный режим, сопровождающийся бесчеловечным отношением и произволом по отношению к населению. Немецкие войска пренебрегали элементарными правами местных жителей, под предлогом борьбы с партизанами уничтожали целые населенные пункты. Так, в д. Полюдово 10 человек были заживо сожжены, 37 – расстреляны; в с. Овсорок расстреляли 62 человека; в с. Лукавец подверглись мучениям и расстрелу 76 жителей, а в г. Жиздра – 12 мирных граждан. Всего по району было расстреляно 758 человек, среди них 433 – мирные граждане и 325 военнопленных [1, с. 140 – 149].

Немецкими захватчиками было введено территориально-административное деление, в основном совпадавшее с ранее существовавшим. Во главе всей власти в районе была комендатура под руководством немецких офицеров. Через нее проходили все приказы и распоряжения оккупационных властей. В г. Жиздра функционировала управа, которой руководил бургомистр, в волостях верховодили старшины, в деревнях и селах – старосты, назначенные гитлеровцами из числа местных жителей.

Оккупанты стремились установить тотальный контроль над местным населением, для чего провели регистрацию граждан. Для каждого жителя вводились особые карточки, в которых указывались фамилия, имя, отчество, место и год рождения. Учитывались и особые приметы, такие, как рост, цвет волос и глаз. После прохождения регистрации житель получал удостоверение личности [12, с. 62 – 63]. Вводилось ограничение передвижения: без разрешения оккупационной власти запрещалось перемещаться из мест постоянного проживания, перемещение в другие населенные пункты было возможно лишь при наличии пропуска и в сопровождении полицейского. Хождение в лес за дровами, ягодами и грибами запрещалось. Был установлен комендантский час, в соответствии с которым с 17:00 до 5:00 запрещалось нахождение на улице [10, с. 25].

Немецкими оккупантами было организовано обучение детей. В г. Жиздре были открыты три школы с общим контингентом учащихся 427 человек и две начальные школы в районе (в Полюдово и Акимовке), однако школы просуществовали не более 6 месяцев. Обучение велось в основном в 1 – 2 классах, отмечалась низкая посещаемость. В

программу был включен Закон Божий, учащимся прививался антисемитизм, стяжательство, что противоречило советским устоям. Для работы в школе оккупанты на добровольной основе и под угрозой смерти привлекали учителей. Истинное же свое отношение к делу просвещения гитлеровцы показали, отступая из района, когда ими были подорваны и сожжены все здания школ [3].

Особое внимание оккупанты уделяли внедрению своей идеологии, для чего была создана рота пропаганды. Старост и полицейских обязывали проводить коллективные читки коллаборационистской газеты «Речь». Объявлялось и о создании спортивных, музыкальных и хореографических кружков, с помощью которых также должна была распространяться гитлеровская идеология [6, с. 322 – 323].

Как и в других оккупированных местностях, население Жиздры и района принудительно «трудоустраивалось». Для городского населения вводилась регистрация на бирже труда. Условия работы были крайне тяжелыми, а зарплата – символической – всего несколько немецких марок в день. Регистрация трудоспособных облегчала поиск кандидатов для угона на принудительные работы в Германию. Уклонявшиеся от принудительного труда и регистрации регулярно подвергались облавам [12, с. 67].

Не меньше страдало и сельское население. Колхозы и совхозы подверглись разграблению, имущество и земельные участки местных жителей признавались собственностью Третьего рейха. Сельскому населению надлежало платить денежный и натуральный налог. Значительная часть продовольствия просто отбиралась гитлеровцами в результате произвольных поборов и грабежей [6, с. 57 – 58]. За время своего хозяйствования оккупанты практически полностью уничтожили в городе и районе животноводство: угнали и уничтожили 4 604 голов крупного рогатого скота, 7 575 свиней, 13 680 овец, много домашней птицы [1, с. 149].

Население регулярно подвергалось жестоким издевательствам и физическому насилию. Так, в феврале 1942 г. в г. Жиздре была расстреляна семья Миловановых, состоявшая из 7 человек, за то, что 8-летний Виктор Милованов якобы украл у немца пачку сигарет. В собственных домах была сожжена семья Лопатиных. Пыткам подвергались лучшие представители советской интеллигенции. Учителя Овсорокской школы Суе-

тин и Саунин были расстреляны за связь с партизанами. Перед расстрелом их раздели и разули, подвергли пыткам, после чего тела еще несколько дней не разрешали хоронить. Молодого врача Р.А. Жиц, совершившую попытку уйти к партизанам, немцы подвергли долгим и мучительным пыткам. Жиц упорно молчала, тогда немцы отрубили девушке руки, затем отрезали уши, отрубили ноги и потом застрелили [10, с. 42].

Только в 1943 г. из района были угнаны в немецкое рабство 3 875 человек, спастись удалось лишь тем, кто укрылся в лесу [10, с. 31]. К моменту освобождения в районе осталось 3 023 чел. (6,3% от общего количества населения), в городе – 1 014 чел., в селе – 2 009 [3]. Общие же людские потери, которые район понес в результате войны и оккупации, составили более 25 000 человек. Уцелевшие жители прожили зиму 1943 – 1944 гг. в шалашах и землянках, голодали, так как при отступлении немцы угнали почти весь скот, а большинство посевов уничтожили. Общий материальный ущерб, нанесенный захватчиками району, оценивается в 602,7 млн руб [1, с. 149].

Жители Жиздры и района не были пассивными наблюдателями зверств оккупантов. С первых месяцев оккупации в районе развернулось активное партизанское движение. Этому благоприятствовало его географическое положение и ландшафт, наличие развитой дорожной сети. По территории района проходили Московско-Киевская железная дорога, большаки Брянск–Жиздра, Людиново – Жиздра, что обуславливало его важное военно-стратегическое положение. Зоной базирования партизанских отрядов стала Брянско-Жиздринская лесополоса. Уже в сентябре 1941 г. был сформирован Жиздринский партизанский отряд во главе с начальником районного отдела (РО) НКВД Я.И. Поздняковым, состоявший из партийных работников и сотрудников РО НКВД [2], часть его бойцов окончила школы НКВД. Отряд просуществовал до 15 октября 1941 г.: часть его состава погибла в боях, а часть отступила в советский тыл. Однако партизанская борьба на территории района на этом не прекратилась.

Жителем с. Овсорок учителем А. Маркеленковым была создана группа из 12 подростков, которая впоследствии вошла в партизанский отряд А.И. Виноградова [10, с. 50]. На территории Калужского края отряд начал действовать со второй половины октября 1941 г. К первой годовщине начала Великой

Отечественной войны на счету Орджонекидзеградского (Бежицкого) объединенного партизанского отряда им. А.И. Виноградова было уже 2 100 уничтоженных гитлеровца, 12 танков, 1 танкетка, 7 орудий, 18 железнодорожных эшелонов, 160 автомашин с немцами и техникой, 11 мостов. Бойцы отряда вырезали несколько тысяч метров линий связи, добыли 4 «языков», сожгли 6 застав, 13 самолетов, 29 раз обстреляли гарнизоны противника [2]. Однако основной специализацией отряда было совершение диверсий на железнодорожных магистралях. Партизаны занимались розыском снарядов, авиабомб, мин, добычей из них взрывчатки, которая затем использовалась для изготовления в лесных условиях собственных мин [2].

Одной из наиболее успешных операций, проведенных партизанами, считается операция «Ночь под Рождество», целью которой являлось предотвращение поступления вооружения по железнодорожной ветке Брянск – Сухиничи путем выведения из строя железной дороги [10, с. 53 – 55]. Известным советским партизаном, Героем Советского Союза Д.Н. Медведевым была разработана тактика, в соответствии с которой удары планировалось наносить по нескольким направлениям. Были созданы четыре партизанские группы.

Первая группа во главе с Медведевым на перегоне Зикеево – Брянск взорвала железнодорожный мост юго-западнее Зикеева в результате чего образовался затор из вражеских поездов. Советская авиация провела ряд ударов, уничтожив десятки вагонов и сотни гитлеровцев. Второй группой были установлены четыре тяжелые мины по железнодорожной ветке Киров–Рославль, что стало причиной схода с пути немецкого воинского эшелона. Отряд возглавили комиссар Г. Н. Кулаков и начальник штаба Герой Советского Союза М.И. Сипович. Третья группа во главе с Пуклиным организовала нападение на ст. Судимир, в результате чего было сожжено здание вокзала, истреблен караул, а также заминировано железнодорожное полотно, из-за чего взорвался гитлеровский эшелон с военной техникой.

Четвертой группе было поручено совершить нападение на Жиздру. Результатом стало разоружение охраны и взятие полицейского управления и комендатуры, получение списка адресов местных полицейских, а также захват сейфа с полумиллионом советских рублей, несколькими десятками тысяч не-

мецких марок и важными документами. При уходе из города партизанам удалось также сжечь лесопильный завод, поставлявший немцам строительный материал для фортификационных сооружений, уничтожить несколько автомашин и захватить оружие [2]. В результате операции две важные железнодорожные магистрали были выведены из строя, на несколько дней была прервана связь немецкого тыла и передовой.

Бывший командир Орджонекидзеградского (Бежицкого) отряда П.А. Рыжков отмечал высокий вклад жиздринцев в боевую работу отряда. Так, в одном из своих писем он вспоминает, что А. Корнева из д. Леденево приняла личное участие в пуске под откос двух вражеских эшелонов, Д. Ракчеев из д. Стайки стал участником трех железнодорожных катастроф и дальних разведок, орденоносец из д. Овсорок С. Саунин отличился участием в шести крушениях гитлеровских эшелонов. Автор писем отмечает, что жиздринские партизаны пользовались заслуженной славой. Так, уроженец д. Вяземка Ф. Артамонов в группе с М. Гудаковым разбил 2 автомашины врага, захватил два вражеских пулемета, участвовал в семи диверсиях на железной дороге. После минирования железнодорожной линии в марте 1943 г. был вынужден трое суток провести под открытым небом без еды, однако не оставил своего товарища, которому оторвало ногу, доставил его в д. Овсорок к врачу, чем спас ему жизнь, за что был награжден орденом «Отечественной войны» I степени [2].

Партизанская борьба не была бы успешной без помощи населения. Жиздринцы передали партизанам несколько сот голов рогатого скота, обеспечивали продуктами и теплой одеждой. Была налажена связь между местными жителями и партизанскими отрядами, передавались сведения о нахождении немецких гарнизонов и сил, располагавшихся в районе, что способствовало совершению удачных для партизан операций [3].

В результате контрнаступления под Москвой Красная армия отбросила врага на 100 – 250 км от столицы. С освобождением Калуги линия фронта переместилась к Думиничскому, Людиновскому и Кировскому районам, а Жиздринский район к началу 1942 г. оказался в прифронтовой зоне.

2 января 1942 г. две стрелковые дивизии (324-я и 239-я) 10-й армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова подступили к Сухиничам, но бои за город приняли затяжной

характер. Другие дивизии этой армии (323-я, 325-я, 328-я, 326-я, 330-я) двинулись на Мещовск, Мосальск, Жиздру, Людиново, Киров [5, с. 5 – 6]. Директива командования фронта требовала от войск продолжать наступление, изматывая противника, однако ее выполнение натолкнулось на нехватку сил для широких наступательных операций [5, с. 11 – 12]. Но и гитлеровские войска были измотаны и вынуждены перейти к обороне. Укрепляя оборонительные рубежи, немцы совершенствовали систему огня, проводили минирование местности и т. д.

Летом 1942 года состоялась попытка наступления на жиздринском направлении войсками 16-й армии К.К. Рокоссовского и 10-й армии Ф.И. Голикова. Однако тогда успех не был достигнут и был получен приказ перейти к обороне.

Февраль – март 1943 г. ознаменовался ликвидацией Ржевско-Вяземского выступа, что означало снятие угрозы наступления немецких войск на Москву и появление предпосылок к активизации боевых действий на жиздринском направлении. Командование Западного фронта приняло решение наступать утром 22 февраля 1943 г., для чего были выделены 207-я и 49-я стрелковые дивизии, 23-я танковая бригада полковника М.К. Скубы, 102-й истребительно-противотанковый батальон майора И.П. Иванникова, 703-й истребительно-противотанковый полк и 542-й минометный полк резерва Главного командования. 23 февраля советским войскам удалось овладеть населенными пунктами Ясенок, Жеребовка, Пузановка и Палики [10, с. 62].

Однако в марте немцами в этот район была переброшены части танковой дивизии СС «Великая Германия», начались кровопролитные бои за Верхнее и Нижнее Ашково. Наибольшие потери противник нес в боях за Кретову (Крестьянскую) гору. Совинформбюро сообщало, что только за два дня боев немецкие войска потеряли 2 тыс. солдат и офицеров, 27 орудий, 70 пулеметов, 116 танков. Потери Красной Армии также были велики и составили 1 955 человек. Всего с 19 по 23 марта потери немецких войск составили 140 танков, 72 орудия, 203 пулемета, 137 минометов, 8 тысяч убитых солдат и офицеров [5, с. 20 – 21].

В данный период гитлеровское командование занималось разработкой плана «Цитадель» – наступательной операции на Орловско-Курском выступе, в связи с чем ко-

мандование группы армии «Центр» не могло осуществлять переброску сил в направлении Жиздры. Гитлеровцы были вынуждены перейти к обороне.

12 июля части 50-й армии генерала И.В. Болдина перешли в наступление на рубеже Речица-Зикеево с задачей овладеть г. Жиздра. Наступление с севера начали 17-я стрелковая дивизия А.П. Лукина и 980-й артиллерийский полк Ю.Б. Пономарева. В результате наступления 19 июля советские войска овладели селом и железнодорожной станцией Зикеево, освободили 30 населенных пунктов, а 110-я и 296-я немецкие пехотные дивизии были вынуждены отступать к Жиздре, понеся потери.

Немецким командованием было принято решение перебросить 616-й восточный батальон и 42-й саперный с целью сохранения Жиздры в своих руках [5, с. 28 – 29]. Жиздра основательно была подготовлена гитлеровцами к обороне: построены дзоты, связанные между собой траншеями, подступы к городу окружили проволочные заграждения и цепь минных полей, организовано большое количество огневых точек.

Бои за Жиздру приняли ожесточенный характер, так как ее потеря привела бы к угрозе для Брянской и Кировской группировок врага. Однако после освобождения Орла и Белгорода 5 августа судьба гитлеровской обороны у Жиздры была предрешена, гитлеровские части получили приказ об угоне населения в Германию и сожжении города.

6 августа 1943 г. подразделения 413-й стрелковой дивизии 50-й армии начали боевые действия по освобождению Жиздры. В ходе уличных боев в особенно отличился командир отделения автоматчиков 1324-го стрелкового полка сержант Г.В. Васянов, награжденный орденом «Красная Звезда». В окопных и уличных боях он лично уничто-

жил 15 немцев. В первой половине 16 августа 1943 г. город был полностью очищен от оккупантов. Совинформбюро сообщило: «Наши войска после ожесточенных уличных боев 16 августа очистили г. Жиздру от немецко-фашистских захватчиков» [5, с. 31 – 35].

В ходе боев, проходивших на территории района, погибло более 9 100 советских воинов, прах которых покоится в 24 братских и индивидуальных могилах. В борьбе с гитлеровцами также приняло участие много жиздринцев. В военные годы с территории района в Красную армию было призвано 4 168 человек, 786 из них числятся пропавшими без вести. Район дал стране пять Героев Советского Союза.

За время оккупации Жиздра была почти полностью разрушена, в районе уцелело лишь 328 домов, были уничтожены все предприятия и социально-культурные учреждения. В первые дни после освобождения была восстановлена производственная деятельность 36 колхозов, которыми осенью 1943 г., несмотря на все трудности, был убран урожай и засеяно 1 595 га, были восстановлены 2 МТС и птицесовхоз. Началась работа по восстановлению жилых домов, были построены 24 школы, две больницы, 5 медпунктов и др. Даже оказавшись в тяжелейшем положении, жиздринцы смогли собрать более 600 тыс. руб. на формирование танковой колонны [3]. Восстановление Жиздринского района длилось продолжительное время, что стало следствием огромного масштаба разрушений и значительных потерь за время войны и оккупации.

В 2018 г. г. Жиздре было присвоено почетное звание «Города воинской доблести» за мужество, стойкость и массовый героизм советских солдат в сражениях, проходивших на территории района.

Список литературы:

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: Сборник архивных документов / Гл. ред. М.А. Добычина, отв. сост. Н.В. Зиновкина. – М.: Фонд "Связь эпох": Издательский центр "Воевода", 2020. – 548 с.
2. ГАДНИКО. Ф. 4573. Оп. 1. Д. 133, 262.
3. ГАДНИКО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 8.
4. Генеральный план «Ост». URL: <https://liewar.ru/dokumenty/265-generalnyj-plan-ost.html?start=1> (Дата обращения 28.11.2022).
5. Ивашкин, Д.И. На Жиздринском направлении / Д.И. Ивашкин. – Жиздра, 2000. – 70 с.
6. Когда бушуют грозы. Калужский край в годы Великой Отечественной войны / под общ. ред. А.П. Бекасова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 343 с.
7. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: Наука, 1975. – 238 с.

8. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.) / под общ. ред. Е.А. Болтина. – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.

9. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт. – М.: Юридическая литература, 1987–1999.

10. События Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) в Жиздринском районе / Сост. канд. ист. наук М.А. Добычина, канд. филос. наук И.Н. Берговская, Н.П. Фадеева. – Калуга: Издательство «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2008. – 106 с.

11. Судебный процесс по делу Верховного Главнокомандования вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрнберге 28 октября 1948 г. / пер. с нем. Г.В. Клычаковой, вст. ст. Б.Г. Тартаковского, под ред. Д.С. Карева. – М.: Прогресс, 1964. – 360 с.

12. Суровые сороковые. Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / редколл.: К.В. Чеченков, В.Я. Филимонов, Д.Э. Миронов. – Калуга: Калужский гос. ин-т развития образования, 2015. – 271 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

*И.В. Кометчиков, В.М. Кукушкин***РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕТВЕРТОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ (1946 – 1950 гг.)**

В статье на основе законодательных материалов, делопроизводства партийных и советских органов, статистики из фондов Государственного архива Калужской области и Государственного архива документов новейшей истории Калужской области анализируется выполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства области в 1946–1950 гг. Рассмотрено влияние последствий оккупации на восстановительные процессы, начало возрождения хозяйства региона в годы войны, принятие четвертого пятилетнего плана, ход выполнения плановых показателей в промышленности и сельском хозяйстве региона.

Ключевые слова: четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства, Калужская область, последствия гитлеровской оккупации, Запад РСФСР.

*I.V. Kometchikov, V.M. Kukushkin***IMPLEMENTATION OF FOURTH FIVE-YEAR PLAN FOR RESTORATION AND DEVELOPMENT OF KALUGA REGION NATIONAL ECONOMY (1946 – 1950)**

The article is devoted to the analysis of the five-year plan of restoration and development of national economy in Kaluga region in 1946–1950 on the basis of legislative documents, records of party and Soviet organs, statistics from the funds of the State Archives of Kaluga region and the State Archive of the documents of Kaluga region modern history. There is considered the influence of the occupation on the reconstruction processes, the beginning of the economy revival in the region during the war years, the adoption of the fourth five-year plan, the progress of realization of the planned indicators in industry and agriculture of the region.

Key words: Fourth Five-Year Plan for the Restoration and Development of the National Economy, Kaluga region, the consequences of Hitler occupation, Western RSFSR.

На первой после войны сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 г. был принят «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» Согласно данному законодательному акту основной задачей послевоенной пятилетки считалось восстановление пострадавших районов страны, восстановление довоенного уровня производства и дальнейший его рост, восстановление и расширение посевных площадей, ввод в строй новых объектов промышленности и транспортной инфраструктуры. В 2021 г. исполнилось 75 лет принятию четвертого пятилетнего плана, ставшего важной вехой новейшей истории страны и региона. Настоящая статья посвящена предпосылкам, ходу и результатам реализации пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Калужской области – одной из областей Нечерноземного центра РСФСР, наиболее пострадавшей от последствий боевых действий и гитлеровской оккупации [1, с. 8 – 9].

В советской научной литературе, представленной, прежде всего, такими изданиями, как «Очерки истории Калужской организации КПСС» и «История Калужской партийной организации (Иллюстрированный

очерк)», тема реализации в области четвертого пятилетнего плана освещалась панегирически, как путь борьбы и побед трудящихся во главе с областной организацией КПСС. Мало что сообщалось о проблемах при реализации плана первой послевоенной пятилетки, не анализировались ее итоги [3, с. 289 – 304; 28, с. 166 – 184]. В современных исследованиях, таких как «Калужский край в XX веке: исторические очерки», представлен более взвешенный подход, дана панорама состояния региональной экономики в послевоенные годы [5, с. 311 – 330], однако вопрос реализации в области четвертого пятилетнего плана не получил специального освещения. В настоящей работе мы постараемся восполнить данный пробел.

Ход восстановления и развития региональной экономики в 1946 – 1950 гг. отразился в законодательных актах и делопроизводственной документации партийных и советских органов, отложившихся в фонде Калужского обкома КПСС, делопроизводстве и статистических материалах областной плановой комиссии и областного статистического управления, в опубликованных статистических сборниках развития промышленности и сельского хозяйства региона.

Оккупация немецкими войсками территории Калужского края длилась с сентября 1941 г. по сентябрь 1943 г. Врагом был нанесён огромный ущерб, который только по промышленности оценивался в сумму более чем 500 млн руб., а в целом по экономике региона – в 16 млрд рублей. Оккупантами были разрушены все крупные промышленные предприятия, разорены или уничтожены 3,5 тыс. колхозов, сожжены сотни деревень, подорвана транспортная система [2, с. 291; 4, с. 289].

На освобожденных территориях нынешней Калужской области восстановление промышленности шло тяжело. Большинство ресурсов направлялось на выпуск продукции для фронта. Так, Людиновский локомотивостроительный завод только в апреле 1945 г. частично перешел на выпуск мирной продукции. На других предприятиях ощущался кадровый голод, нехватка ресурсов. В целом план 1945 г. промышленностью Калужской области был выполнен только на 83,7%. Падение объема валовой продукции промышленности в 1945 г. по сравнению с 1940 г. составило 60%. Производительность труда за тот же период снизилась на 20%, а число рабочих сократилось на 50% [3, с. 290; 4, с. 14].

Еще более тяжелой была ситуация в сельском хозяйстве. Значительно сократилось количество рабочих рук, существовала острая нехватка живого и механического тягла. Несмотря на все трудности, в 1944 г. область досрочно выполнила годовой план хлебозаготовок. В 1945 г. сельское хозяйство получило дополнительную помощь семенами, горючим, запасными частями, что позволило выполнить план сева яровых культур на 101,9%. Однако уборочная кампания показала исчерпание ресурсов израненной войной села. К 25 октября 1945 г. план хлебозаготовок был выполнен на 47%, заготовки картофеля – на 20%, овощей – на 40%. Причинами невыполнения колхозами государственных планов были нехватка рабочих рук, низкая дисциплина и производительность труда, подчас низкая квалификация многих работников сельского хозяйства. Трактора МТС простаивали из-за незначительных неисправностей, которые трактористы ускоренных выпусков не могли устранить самостоятельно. Не хватало запасных частей для техники. Как следствие, был медленным ее ремонт. В колхозах было мало живого тягла, которое к тому же нерационально использовалось. Низка была мотивация к труду многих кол-

хозников, не желавших работать за ничего не стоивший трудодень [5, с. 311; 6, л. 131, 137; 7, л. 13, 30, 33, 56, 60].

В целом восстановление экономики в период войны шло медленными темпами, что прежде всего объяснялось тяжёлыми последствиями оккупации, разрухой, уничтожением многих предприятий, рисками ведения сельского хозяйства в условиях сильного минирования сельхозплощадей. Сказывалась нехватка квалифицированных кадров вследствие военных потерь, истребления и угона населения в Германию. Замедляла восстановительные процессы ориентация экономики на военное производство, диктовавшая первоочередное восстановление предприятий тяжёлой промышленности, остаточное обеспечение ресурсами других сфер экономики, тотальный дефицит многих видов материальных ресурсов, запчастей для техники.

Решить все эти проблемы предполагалось с принятием четвертого плана восстановления и развития народного хозяйства, акцент в котором был сделан на восстановлении регионов, значительно пострадавших от войны. Целью принятого в марте 1946 г. пятилетнего плана являлось восстановление довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства и его повышение в значительных размерах. В сфере промышленности планировалось: 1. Строительство в г. Калуге турбинного завода. 2. Окончание строительства комбината Синтетических душистых веществ (СДВ). 3. Начало строительства новой ГЭС на р. Оке в 1949 г. 4. Строительство мелькомбината и хлебозавода в г. Калуге. 5. Увеличение выработки кирпича до 30 млн шт. в год. 6. Строительство в г. Калуге стекольного завода к 1947 г. 7. Восстановление всех промышленных предприятий, разрушенных во время войны. 8. Общее увеличение объёма валовой продукции промышленных предприятий области в 12,5 раз. В сфере топливно-энергетической промышленности предполагалось к 1950 г. увеличить добычу угля до 50 тыс. тонн в год, торфа – до 18 тыс. тонн [8, л. 4 – 7; 9, л. 6, 9].

В сельском хозяйстве планировалось: 1. Увеличить посевные площади на 365 тыс. га (на 40,1%) и довести их до 990 тыс. га. 2. Увеличить посевные площади под овощи на 110% 3. Увеличить поголовье: крупного рогатого скота – до 368 тыс. голов, свиней – до 235 тыс. овец и коз – до 475 тыс. голов, птицы – до 300 тыс. голов, лошадей – до 64,4 тыс. голов. План предусматривал рост сред-

ней урожайности до 12 центнеров с гектара. В колхозах предстояло построить 274 электростанций, полностью ликвидировать последствия немецкой оккупации. [8, л. 11 – 13; 9, л. 15 – 16].

Как можно видеть из приведённых данных, для ситуации, в которой оказалась Калужская область к началу первого года послевоенной пятилетки, план предусматривал амбициозные задачи.

Теперь следует рассмотреть практические мероприятия по достижению плановых показателей. В 1946 г. большинство промышленных предприятий области выполнили план по производству продукции. Так, Людиновский локомотивостроительный завод выполнил план на 107%, производство локомотивов было увеличено в 4 раза. Спичечная фабрика «Гигант» им. Ворошилова выполнила план досрочно. В числе выполнивших план были Кировский завод строительного фаянса, Кировский чугунолитейный завод, Кондровская бумажная фабрика, Боровская суконная фабрика «Красный Октябрь». Отстающими в 1946 г. были предприятия МПС СССР: из девяти заводов план не выполнили восемь. В целом предприятия данного министерства выполнили план лишь на 65%. Калужский литейно-механический завод выполнил план на 89,5%. В целом же план промышленного производства 1946 г. был выполнен предприятиями области на 96,9%, прирост промышленного производства составил 22,7% по сравнению с 1945 г. Было выпущено валовой продукции на 210 млн 44 тыс. руб., прирост к 1945 г. составил 32 млн руб. По показателю выполнения плана в 1946 г. область заняла в СССР 58-е место.

План восстановления промышленных предприятий, пострадавших в годы войны, был выполнен на 60%. При плане ввода в эксплуатацию в 1946 г. 81 тыс. м² производственных площадей фактически введено лишь 47 тыс. м² [10, л. 22 – 27, 58; 11, л. 34, 138; 12, л. 12].

Как можно увидеть из приведённых данных, в сфере промышленности в 1946 г. возникали серьёзные трудности. Основными их экономическими причинами были нехватка строительных материалов и запасных частей для станков и техники, перебои с электроэнергией. Потребность в ней промышленных предприятий удовлетворялась только на 50 – 60%. Достижению плановых показате-

лей мешала и нехватка рабочей силы, особенно квалифицированных специалистов.

Существовали и организационные причины срыва многих плановых показателей, в частности, сбой нормального ритма работы многих предприятий, «штурмовщина», нерациональное использование оборудования, большое количество которого не было смонтировано. Нередкими были факты плохого руководства предприятиями со стороны администрации, злоупотребления должностными полномочиями [10, л. 30, 31, 33; 13, л. 11; 14, л. 1; 15, л. 8, 12; 16, л. 1].

В 1947 г. основной задачей для индустрии области стало увеличение выпуска продукции на 34%. Большинство предприятий области выполнили годовой план ее производства. В числе передовиков, перевыполнивших план, были Людиновский локомотивостроительный завод, Калужский машиностроительный завод, спичечная фабрика «Гигант» и многие другие предприятия [3, с. 293; 10, л. 36, л. 14 – 22, 38]. Не справились с выполнением плана 1947 г. Кондровская (59,2% плана), Троицкая (55,3%), Полотняно-Заводская (41,5%) бумажные фабрики, Калужский завод им. Тельмана, Кировский завод строительного фаянса, Думинический труболитейный завод и некоторые другие предприятия. Вновь были сорваны сроки строительства комбината СДВ и Калужского турбинного завода из-за нехватки стройматериалов, рабочей силы и необеспеченности транспортом. Продолжала сохранять остроту проблема нехватки электроэнергии, из-за чего третий год подряд не смог выполнить план Дугнинский литейно-механический завод, завод № 672, трест «Калугастрой», Кондровская бумажная фабрика.

По итогам 1947 г. промышленностью области план в очередной раз не был выполнен: валовой продукции было произведено на сумму 232 млн 162 тыс. руб. (97,5%) вместо планировавшихся 237 млн 100 тыс. руб. На 1 января 1948 г. промышленное производство в области составляло 60% довоенного уровня. При темпах роста промышленности, достигнутых к началу 1948 г., уровень довоенного производства мог быть достигнут лишь к 1950 г. Общий прирост промышленного производства к 1946 г. составил 23,6% [3, с. 293; 17, л. 5, 6, 8; 18, л. 6, 12; 19, л. 87, 153].

В 1948 г. основной задачей промышленности было увеличение валового выпуска продукции не менее чем на 25% по сравнению с 1947 г. Семимесячный план 1948 г.

предприятиями Калужской области был выполнен на 106,1%. Несмотря на значительные успехи и перевыполнение плана некоторыми предприятиями, ввод в строй новых промышленных объектов все еще не обеспечился [20].

К 1949 г. ситуация в сфере промышленного производства выправилась. За март промышленность области заняла 6-е место в СССР по выполнению плана производства продукции. К июню 1949 г. промышленность области достигла среднемесячного уровня производства, запланированного на 1950 г. Заводы – Сукремльский чугунолитейный, Людиновский локомотивостроительный, КЭМЗ, машиностроительный завод МПС, Кировский чугунолитейный завод, спичечная фабрика «Гигант» и ряд других предприятий выполнили пятилетний план по объему производства. План по промышленному производству в 1949 г. индустрией области был выполнен досрочно. К концу года план был выполнен на 108%, прирост производства составил 31% к 1948 г. Однако более 50 промышленных предприятий не выполнили годовой план производства и недодали продукции на 20 млн рублей [21, л. 178; 22, л. 13; 23, л. 28, 110, 112].

Неудовлетворительной оставалась ситуация в строительстве: трест «Калугастрой» продолжал систематически срывать планы ввода в строй новых объектов по причине плохого руководства и отсутствия помощи со стороны Министерства строительства СССР. План строительства нового кирпичного завода в г. Калуге не был выполнен. Вновь срывались сроки строительства комбината СДВ и КТЗ. В 1949 г. планировалось начать строительство новой ГЭС на р. Оке в районе д. Анненки. План ее возведения был утвержден в 1939 г. и предусматривал затопление 94 тыс. га сельхозугодий и 10,2 тыс. дворов населения. Однако этот проект так и не был реализован. Можно предположить, что это было связано, в первую очередь, с причинами экономического характера [24, л. 1; 25, л. 4, 5; 26, л. 10; 27, л. 3, 10].

К началу 1950 г. валовый выпуск промышленной продукции предприятиями области составил 115% довоенного уровня. Несмотря на это, в области было около 100 предприятий, которые не выполняли план. Причинами этого, с точки зрения официального документа, были «поверхностное руководство предприятиями и слабое внимание со стороны обкома и райкомов партии», за чем обычно скрывались неудовлетворительное руководство и нехватка материальных ресурсов. К концу 1950 г. выпуск промышленной продукции достиг 126% довоенного уровня, что говорит о том, что в сфере промышленного производства область в целом справилась с пятилетним планом. Этому немало поспособствовал ввод в строй в 1948 г. новой ТЭЦ в г. Калуге, что позволило решить в городе проблему с электроэнергией [4, с. 21; 23, л. 72, 90].

Однако область провалила план ввода в строй новых промышленных предприятий: не был достроен комбинат СДВ, стекольный завод в г. Калуге, не было начато строительство ГЭС на р. Оке. Не были полностью восстановлены разрушенные в годы войны предприятия. Основной причиной провала плана явилась плохая работа строительных организаций, связанная как с нехваткой квалифицированных кадров и строительных материалов, так и с плохим руководством ими со стороны вышестоящих организаций [28, с. 175].

Сложнее была ситуация в сельском хозяйстве. В 1946 г. перед ним стояла задача увеличения посевных площадей до 547,7 тыс. га. Область с этим не справилась. Ни один район не выполнил план весеннего сева (посевы яровых культур составили 67,3% плана). Колхозами план сева был выполнен лишь на 67%, посевные площади составили 506,4 тыс. га. План по сдаче хлеба государству удалось выполнить на 63,3%. План по увеличению поголовья сельскохозяйственных животных не был выполнен ни одним районом, что можно видеть по таблице 1 [29, л. 208; 30, л. 84; 31, л. 101; 32, л. 19; 33, л. 17; 34, л. 95].

Таблица 1 – Выполнение плана по животноводству в 1946 г. [30, л. 98]

Наименование	План, тыс. гол.	Выполнение плана, тыс. гол.	Выполнение плана, %
Крупный рогатый скот	39	36,3	93,2
Свиньи	25	14,9	59,8
Овцы и козы	100	70,7	70,7
Птица	135	56,7	42,2

Причины невыполнения плана в сельском хозяйстве Калужской области были теми же, что и в 1945 г., что приводило к срывам планов весеннего сева, уборки урожая и, как следствие, срыву планов поставок хлеба, картофеля, овощей и других продуктов. Стоит отметить, что на урожайность значительно повлияла засуха 1946 г. План посева озимых под урожай 1947 г. областью был выполнен только на 83,4% [30, л. 90; 33, л. 17].

В 1947 г. перед колхозами области была поставлена задача увеличения посевных площадей до 512,7 тыс. га. Весенний сев 1947 г. проходил напряженно и был выпол-

нен на 78,1%. Колхозам не хватило около 11 тыс. тонн семян. Продолжали наблюдаться те же проблемы, что и в предыдущие годы. Однако несмотря на это, в 1947 г. область досрочно выполнила план хлебозаготовок. Общий прирост посевных площадей составил всего 8,7 тыс. га. Посевные площади колхозов в 1947 г. составляли лишь 438,8 тыс. га, или 53% довоенного уровня. Ситуация в сфере животноводства также оставалась крайне тяжелой: на 1 января 1948 г. оно не достигло довоенного уровня ни по одному из показателей [18, л. 4; 19, л. 87; 33, л. 90; 34, л. 126; 35, л. 5; 36, л. 76].

Таблица 2 – Состояние сельского хозяйства Калужской области на 1 января 1948 г. [18, л. 4, 5]

1. Механизация

Наименование	Количество техники до войны, ед.	Количество техники на 01.01.1948 г., ед.
Трактора	2523	1506
Комбайны	168	455

2. Животноводство

Наименование	Количество скота до войны, голов	Количество скота на 01.01.1948 г., голов
Лошади	109,4 тыс.	28,7 тыс.
Крупный рогатый скот	286,2 тыс.	261,8 тыс.
Свиньи	214, 2 тыс.	58,9 тыс.

План 1948 г. предусматривал довести уровень посевных площадей до 588,5 тыс. га. В этом году, несмотря на сохраняющиеся проблемы, план весеннего сева был выполнен, хоть и не в установленные агротехнические сроки. Площадь посева увеличилась на 47,1% по сравнению с прошлым годом. План хлебо- и картофелезаготовок в 1948 г. был выполнен досрочно. Колхозы области сдали сверх плана 150 тыс. пудов хлеба. Стоит отметить тот факт, что 13 районов не выполнили план сдачи хлеба, 12 районов – картофеля. Годовой план по развитию животноводства был в очередной раз сорван вследствие недостатка кормов, плохого ухода и падежа скота. В целом по области посевные площади в 1948 г. увеличились на 34,5% [21, л. 52; 38, л. 191; 39, л. 51, 63, 93; 40, л. 127].

В 1949 г. планировалось довести площадь пашни до 917,8 тыс. га. С весенним севом область справилась успешно: он был закончен на 20 дней раньше, чем в 1948 г. При этом сохранялась тенденция перевыполнения плана одними районами и провала другими. План по развитию животноводству в целом колхозами области был выполнен: по поголовью крупного рогатого скота – на 114,2%, овец – на 128,5%, свиней – на 118,1% дово-

енного уровня. План озимого сева был перевыполнен [40, л. 87; 41, л. 21, 114].

К 1950 г., несмотря на увеличение посевных площадей с 1947 г. на 200 тыс. га, сельское хозяйство области по основным показателям все еще не достигло довоенного уровня. Посевных площадей было освоено только 793,5 тыс. га, что составляло 80% довоенного уровня. Был достигнут довоенный уровень поголовья крупного рогатого скота, свиней и овец. Поголовье лошадей составляло меньше половины довоенного уровня [23, л. 174].

Тяжесть положения в сельском хозяйстве иллюстрирует тот факт, что даже к 1960 г. посевные площади не достигли довоенных показателей, что было обусловлено как объективными причинами (нехваткой семян, сельхозтехники, автотранспорта, запасных частей, горюче-смазочных материалов, засоренностью значительных площадей взрывоопасными предметами, нехваткой рабочих рук, квалифицированных кадров), так и общей установкой политического руководства страны и региона на приоритетное развитие индустрии, для которой деревня выступала донором ресурсов [42, с. 30].

Таким образом, восстановление довоенного уровня региональной экономики шло

напряженно и неравномерно по ее отраслям, что во многом объяснялось тяжестью ущерба, нанесенного области войной. Несмотря на все усилия, область не смогла одинаково успешно достичь всех плановых показателей.

Значительных успехов добилась только промышленность, которая сумела превзойти довоенный уровень производства на 26%. Динамика ее валового продукта представлена в таблице 3:

Таблица 3 – Валовая продукция промышленности Калужской области в ценах 1926/1927 гг. [11, л. 6].

Год	Валовая продукция, руб.
1940	445 млн 230 тыс.
1944	191 млн 796 тыс.
1945	178 млн 092 тыс.
1946	210 млн 044 тыс.
1947	258 млн 988 тыс.
1948	н. св.
1949	460 млн 520 тыс.
1950	562 млн 118 тыс.

Трудности с вводом в эксплуатацию новых предприятий и восстановлением старых были связаны, в первую очередь, с недостаточной мощностью, обеспеченностью рабочей силой, стройматериалами и координацией работы строительных организаций.

Положение в сельском хозяйстве оказалось гораздо более тяжёлым: восстановление посевных площадей шло медленно, к 1950 г. задачи пятилетнего плана не были выполнены: посевные площади увеличились до 793,5 тыс. га вместо планировавшихся 990 тыс. га, колхозная деревня полностью так и не пришла в себя от последствий войны. Не был выполнен в полном объёме план электрификации сельского хозяйства. Несомненным успехом калужской деревни было достижение в 1947 г. запланированной средней урожайности 12 центнеров с гектара, а также довоенного уровня поголовья крупного рогатого скота, овец и свиней.

Несмотря на все трудности, созданное в области в годы четвертой пятилетки определило отраслевую структуру ее экономики и сформировало фундамент ее роста до конца советской эпохи.

Список литературы:

1. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. – М.: ОГИЗ, 1946. – 50 с.
2. Когда бушуют грозы. Калужский край в годы Великой Отечественной войны / под общ. ред. А.П. Бекасова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 343 с.
3. Очерки истории Калужской организации КПСС. – Тула: Приокское книжное издательство, 1968. – 410 с.
4. Народное хозяйство Калужской области. Статистический сборник. – Калуга, Госстатиздат, 1959. – 191 с.
5. Калужский край в XX веке: исторические очерки / И.Б. Белова и др.; редколл. В.Я. Филимонов, М.А. Казак, Д.Э. Миронов. – Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2014. – 408 с.
6. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. 55. Оп. 8. Д. 68. Протоколы № 3–5 пленумов обкома ВКП(б). 1945 г.
7. ГАДНИКО. Ф. 55 Оп. 8. Д. 67. Протокол №2 пленума обкома ВКП(б). 1945 г.
8. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 209. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Калужской области. 1946 г.
9. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 6. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Калужской области на 1946 – 1950 гг. 1946 г.
10. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 208. Политико-экономическая справка о Калужской области по состоянию на 1 января 1947 г. (с приложением материалов). 1946 – 1947 гг.
11. ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 615. Основные показатели работы промышленности
12. ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 3. Д. 15. Основные итоги работы промышленности за 1946 г.
13. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 275. Справка и докладная записка райкомов ВКП(б) о ходе восстановления Кировских заводов строительного фаянса и чугунолитейного, о подготовке к зиме Людиновского локомотблестроительного завода. Рассмотрение отделом сведения о залежах же-

лезной руды на территории области, о выпуске важнейших изделий промпредприятиями, копии приказов Министерства и облуправления о переселении рабочих и служащих из землянок. 1946 г.

14. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 278. Докладная записка Дзержинского РК ВКП(б) о ходе восстановления Кондровской бумажной фабрики и здания районного дома культуры. Докладная записка Юхновского РК ВКП(б) о выполнении заготовки и вывозки леса за 1У квартал 1946 г.

15. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 206. Переписка обкома партии с ЦК ВКП(б), Советом Министров СССР, Госпланом СССР, Министерствами СССР и РСФСР по вопросам восстановления и развития промышленных предприятий области. Постановление совещания руководителей промышленности и транспорта области по докладу секретаря обкома ВКП(б) т. Орлова. 1946 г.

16. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 277. Информация Людиновского РК ВКП(б) в обком партии о состоянии строительства шахты в районе. Записка областной конторы «Сельэлектро» о ходе выполнения постановления бюро обкома ВКП(б) от 7 мая 1946 г. «О плане электрификации сельского хозяйства области». 1946 г.

17. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 341. Переписка с ЦК ВКП(б), с Советами Министров СССР и РСФСР, Министерствами и ведомствами, предприятиями по вопросам восстановления и развития промышленности, улучшения снабжения предприятий материалами, топливом, электроэнергией. 1947 г.

18. ГАКО. Ф. Р-3469. Оп. 1. Д. 498. Отчёт о работе отраслей народного хозяйства Калужской области.

19. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 532. Докладные записки и информации райкомов ВКП(б) о работе промышленных и коммунальных предприятий области, о ходе лесозаготовок, о работе Сушинской угольной экспедиции. 1948 г.

20. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 454. Рапорт и письма т. Сталину о выполнении промышленностью области обязательств и планов по лесозаготовкам. Обращение работников лесной промышленности области ко всем рабочим и служащим лесного хозяйства страны. 1948 г.

21. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 556. Протоколы № 6 – 7 пленумов обкома ВКП(б). 1949 г.

22. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 578. Информации, письма в ЦК ВКП(б) с просьбой упорядочить план лесозаготовок в области, о ходе переселения колхозников в Карельскую ССР. Письма рабочих и колхозников области И.В. Сталину о досрочном выполнении принятых социалистических обязательств. 1949 г.

23. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 684. Протокол 3-й областной партийной конференции. 1950 г.

24. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 573. Докладные записки, письма в ЦК ВКП(б), Совет Министров СССР о недостатках в выполнении постановления Совета Министров СССР от 13 февраля 1949 г. «О мерах помощи по восстановлению г.Калуги», о строительстве автомобильных дорог, развитии судоходства. Справка о водно-энергетических ресурсах области. 1949 г.

25. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 575. Письма в ЦК ВКП(б), Министерства СССР о неудовлетворительном ходе работ строительства комбината СДВ, Калужского турбинного и Сукремльского чугунолитейного завода, Ермолинской платочной фабрики, теплоэлектростанции, Кондровской бумажной фабрики и оказании им помощи в ускорении работ. 1949 г.

26. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 595. Справка треста Гидроэнергопроект о возможности строительства электростанции на р. Оке у г. Калуги. 1949 г.

27. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 596. Паспорт проектируемой на р. Оке Калужской гидроэлектростанции. 1949 г.

28. История Калужской партийной организации (Иллюстрированный очерк). – Тула: Приокское книжное издательство, 1978. – 256 с.

29. ГАКО. Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 10. План восстановления и развития народного хозяйства Калужской области на 1946 г.

30. ГАКО. Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 12. Отчёты о выполнении плана развития хозяйства и культурного строительства за 1946 г.

31. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 286. Отчёты, справки, докладные записки и сведения райкомов ВКП(б) о состоянии и развитии животноводства (в т.ч. конепоголовья) в колхозах области, о выполнении планов заготовки молока. 1946 г.

32. ГАКО. Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 64. Экономические показатели Калужской области на 1947 г.

33. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 339. Справки, докладные записки, информации в ЦК ВКП(б) о мерах по укреплению колхозов и МТС, о проведении ремонта сельскохозяйственной

техники, о заготовке семян. Письмо колхозников и работников лесного хозяйства т. Сталину с обязательствами выполнить послевоенную пятилетку в четыре года. 1947 г.

34. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8, Д. 317. Протокол №10 пленума обкома ВКП(б). 1947 г.

35. ГАКО. Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 61. Решения Калужского областного исполнительного комитета о государственном плане восстановления и развития народного хозяйства Калужской области в 1946г.

36. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 318. Протокол № 11 пленума обкома ВКП(б). 1947г.

37. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 319. Протокол № 12 пленума обкома ВКП(б). 1947г.

38. ГАКО. Ф. Р-3477. Оп. 1. Д. 66. План восстановления и развития хозяйства Калужской области на 1948г.

39. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 458. Докладные записки, информации и письма в ЦК ВКП(б), Совет Министров СССР о проведении отчётно-выборных собраний в колхозах, о развитии сельскохозяйственного производства, о работе МТС, об оказании промышленными предприятиями области шефской помощи селу, о слёте передовиков сельского хозяйства. Рапорты и письма т.Сталину и в газету «Правда» о выполнении плана весеннего сева, хлебозаготовок. 1948 г.

40. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 441. Протоколы № 4 – 5 пленумов обкома ВКП(б). 1948 г.

41. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 557. Протоколы № 8 – 10 пленумов обкома ВКП(б). 1949 г.

42. Народное хозяйство Калужской области. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1957. – 76 с.

УДК 327.54

*В.В. Курков***УРОКИ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И США В АФГАНИСТАНЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ РИКОШЕТ «ВОЙНЫ ПО ДОВЕРЕННОСТИ»**

Статья посвящена последствиям применения со стороны США стратегии и тактики «войны по доверенности» (proxy war) против советских войск в ходе афганской войны 1979 – 1989 гг. Основное внимание автора обращено на ту роль, которую «война чужими руками» сыграла в качестве одной из причин исторического поражения СССР в Афганистане. Одновременно, анализируется и роль «войны по доверенности» среди факторов роста исламского экстремизма, угрожающего самим США.

Ключевые слова: «война по доверенности» (proxy war); СССР; США; Афганистан; исламский экстремизм и терроризм.

*V.V. Kurkov***LESSONS FROM MILITARY CONFRONTATION BETWEEN USSR AND USA IN
AFGHANISTAN: HISTORICAL RICOCHET OF “PROXY WAR”**

The article is devoted to the consequences of the usage by the United States of the strategy and tactics of the “proxy war” against the Soviet troops during the Afghan war of 1979-1989. The author's main attention is drawn to the role that the “war by proxy” played as one of the reasons for the historical defeat of the USSR in Afghanistan. At the same time, it analyzes the role of the “war by proxy” among the factors of the growth of Islamic extremism that threatens the United States itself.

Key words: “proxy war”; USSR; USA; Afghanistan; Islamic extremism and terrorism.

Особенностью современных международных конфликтов является использование такой разновидности военных действий как опосредованная война (англ. «proxy war»), иначе: «война по доверенности», война чужими руками. В классическом определении, данном Карлом Дойчем в 1964 г., для такой войны характерно противостояние двух держав, которые реализуют свои интересы ведя военные действия, на территории третьей страны и используя в качестве бойцов население этой страны, при этом державы являющиеся спонсорами войны обычно прикрываются внутренним конфликтом в третьей стране, где они ведут военные действия [12].

В противостоянии с Советским Союзом в афганской войне, США применяли стратегию и тактику «войны по доверенности», опробованные ими ранее в Анголе, Сомали и Эфиопии – ставка делалась на афганские исламистские группировки, разжигание джихада и привлечение исламских экстремистов извне [5, с. 259]. Эта тактика в полной мере сработала против СССР, обеспечив поставки вооружения, финансирование для движения моджахедов и единодушное осуждение и изоляцию со стороны мирового сообщества для советской державы, но, в последствии обернулась против самих Соединенных Штатов, породив мощные стимулы для развития

экстремизма и терроризма в мусульманском сообществе и во всем мире.

А. Мамфорд в своей работе обращает внимание на следующие негативные последствия «войн по доверенности» [13]:

1. Пагубная зависимость государств Азии, Африки и Латинской Америки от более мощных держав (можно добавить, что это явление, оформившееся в период холодной войны, в настоящее время распространяется и на страны постсоветского пространства).

2. Более продолжительный и кровавый характер локальных войн, так как более слабую и, казалось бы, обреченную на проигрыш сторону державам-спонсорам достаточно просто усилить до уровня, который обеспечивает достижение пата, ничейной ситуации в данном конфликте.

3. Развитие военного конфликта по непредвиденному для спонсоров сценарию, когда вместо воплощения в жизнь принципа «враг моего врага – мой друг» возникает печальная реальность «обратного удара» (англ. «blowback» в лексике ЦРУ) так как интересы державы-спонсора и непосредственных бойцов (фактически – «пушечного мяса») совпадали лишь на момент наличия общего врага. К такому «обратному удару» Мамфорд относит противоречивые итоги войны 1979 – 1989 гг. в Афганистане для США, когда на фоне американской победы

над советской «империей зла» предоставленные сами себе моджахеды образовали на территории Афганистана тыловые базы для исламских террористов.

В 1998 г. Бжезинский открыто заявлял, что не испытывает сожаления по поводу инициированной им тайной операции по поддержке моджахедов в Афганистане: по его мнению, это был великолепный план – «В результате русские попались в афганскую ловушку ... В тот день, когда Советы официально перешли границу, я написал президенту Картеру: «У нас сейчас есть возможность дать СССР свою войну во Вьетнаме». Действительно, Москва почти 10 лет должна была вести войну, которая была неприемлема для режима, конфликт, который привёл к деморализации и, наконец, распаду Советской империи. Что важнее для мировой истории? Талибан или крах Советской империи? Несколько взбудораженных мусульман или освобождение Центральной Европы и конец холодной войны? [11, р. 241 – 242]. Осознание «обратного удара» или исторического рикошета как последствий такой политики для США пришло 11 сентября 2001 года.

В настоящее время Соединенные Штаты Америки фактически вышли на уровень цивилизационного противостояния с миром ислама. Как отмечают современные исследователи, направленная против США «священная война» мусульман, и в Афганистане, и в Пакистане не снижала своего накала, несмотря на ряд побед одержанных американцами в начале новой афганской войны над режимом Талибана, что демонстрировало полное отсутствие шансов одержать решительную победу над исламским фанатизмом на Среднем Востоке [9, с. 101].

На рубеже XX – XXI вв. фанатизм исламского экстремизма изливается потоком из воюющего уже пятое десятилетие Афганистана на весь мир и является глобальной детерминирующей болезнью стимулирующей религиозную ненависть в мусульманской среде как внутри западного социума, так и в ряде регионов Российской Федерации, в общинах трудовых мигрантов, прибывших в Россию.

Данные негативные последствия многолетней «афганской бойни» выглядят вполне закономерными, в свете фактов которые приводит пакистанский исследователь Ахмед Рашид: в течение 1982 – 1992 гг. почти 35 тысяч исламских экстремистов из 43 государств мира получили военный опыт в рядах

афганских моджахедов; к этому надо прибавить несколько десятков тысяч исламистов, которые обучались в сети радикальных медресе, открытых в период диктатуры генерала Зияя-уль-Хака в Пакистане и прежде всего, в лагерях беженцев на афганской границе – в итоге, не менее ста тысяч мусульманских фанатиков тем или иным способом были подготовлены в Афганистане и Пакистане для ведения джихада [8, с. 180 – 181].

Таким образом, формируется глобальная база пополнения кадров для всевозможных организаций и течений исламского экстремизма и терроризма. В этом плане, более чем справедливым, применительно к Великобритании, представляется констатация современных исследователей, считающих что британская внешняя политика в ходе иракской и афганской войн стала важнейшей причиной резкого роста радикальных настроений в молодежной части мусульманского сообщества в самой Великобритании, что свидетельствует о неспособности английского правительства в своей политике применительно к конфликтам на Ближнем и Среднем Востоке, учитывать важнейшие положения исламского вероучения по вопросам войны и мира давно уже оформившиеся в теорию и практику джихада [7, с. 101]. Эта проблема, как детерминанта долговременных негативных последствий в значительной степени олицетворяет и советскую, и американскую политику в Афганистане.

В Афганистане советские и американские войска по сути столкнулись с одним и тем же противником: исламский экстремизм, моджахеды, талибы – все эти понятия в истории афганских войн вполне логично укладываются в рамки одного поколения афганцев, уже прочно забывших что такое мирная жизнь, и одного ряда военно-политических лидеров (полевых командиров), для которых партизанская война и террористическая деятельность, освященные знаменем джихада, фактически стали формой существования. При этом, советская интервенция в Афганистане породила это потерянное военное поколение, американская помощь в 1980-е годы – вскормила, а современная интервенция США и НАТО – подарила ему новую силу. Самое яркое подтверждение этого – политическая биография Усамы бен Ладена.

Американский спецназовец Марк Оуэн, бывший участником операции по ликвидации лидера Аль-Каиды в 2011 г., впоследствии подчеркивал, что именно при поддержке

США во время советской войны в Афганистане, Усама бен Ладен организовал учебные лагеря для подготовки моджахедов [6, с. 142].

Как отмечает видный отечественный американист В.В. Согрин, Усама бен Ладен, как представитель саудовской элиты, основатель и лидер Аль-Каиды, в 1980-е гг. в Афганистане оказал заметное влияние на процесс организации и пополнения отрядов моджахедов добровольцами-фанатиками со всего мусульманского мира и получал финансовую помощь от американского ЦРУ. После ухода Советской Армии из Афганистана, финансовая помощь от США бен-Ладену быстро сократилась, что породило его недовольство спонсорами из Вашингтона и жалобы на явно недостаточную помощь в восстановлении пребывавшего в руинах Афганистана [9, с. 101].

В итоге, в начале 1990-х гг. Усама бен Ладен радикально изменил свою политическую ориентацию и объявил главной целью джихада Соединенные Штаты Америки и западный мир. С его помощью к власти в Афганистане приходит движение Талибан, он активно разворачивает глобальную антизападную систему террора, протянувшуюся от Балкан и Кавказа на весь Ближний и Средний Восток. В 1993 г. были проведены первые крупные террористические атаки против США как бывшего союзника и спонсора в целом ряде стран Африки. И наконец, 11 сентября 2001 г. последовал жестокий «обратный удар» бен Ладена потрясший важнейшие американские мегаполисы [9, с. 101].

М.П. Требин подчеркивает, что, именно борьба против советского вторжения в Афганистане предопределила судьбу бен Ладена – ознакомительная поездка в Афганистан превратилась в дело всей его жизни – в его джихад сначала против шурави, а потом всего неисламского: на поприще «священной войны с неверными», в которой он лично принимал участие с оружием в руках против советских войск и был несколько раз ранен, началось стремительное восхождение звезды бен Ладена – фактически на его личные деньги и привлеченные с его помощью средства арабских шейхов покупался каждый третий патрон в магазинах автоматов моджахедов, приобретался каждый второй ПЗРК «Стингер», стоивший в то время очень дорого и лишивший советскую авиацию в небе Афганистана ореола неуязвимости [10, с. 402 – 403].

По мнению пакистанского исследователя А. Рашида, именно бен Ладен сыграл огромную роль в создании инфраструктуры для подготовки моджахедов и приобретения вооружения – помимо заметной части оружия и боеприпасов для афганских душманов, которая покупалась на личные деньги этого представителя богатой саудовской династии и средства, собранные с его помощью у еще более богатых шейхов Персидского залива, будущий основатель Аль-Каиды строил дороги и склады для моджахедов, с его участием был сооружен целый подземный город-убежище в районе Хоста, вблизи пакистанской границы, в котором разместились склады оружия, учебный полигон и госпиталь для воинов джихада [8, с. 183].

Американские авторы вынуждены признать, что борьба Усамы бен Ладена против советских войск в Афганистане активно поддерживалась американской стороной. И прежде всего, руководством ЦРУ, которое не замедлило сделать будущего лидера Аль-Каиды своим агентом и в дальнейшем оказывать ему финансовую помощь, – констатирует американский журналист Э. Д. Венгер по итогам своего расследования, которые появилась в американской печати еще до трагедии 11 сентября 2001 г. [10, с. 403].

Исследователи единодушно констатируют определяющее значение периода противостояния с Советской Армией в Афганистане, в жизни бен Ладена, поскольку именно в афганских горах тот кто в будущем станет «террористом №1» убедился в возможности ведения победоносного джихада: показательно что, в интервью журналу «The Time», Усама бен Ладен заявил – «Один день в Афганистане стоит тысячи молитв в обычной мечети» [10, с. 404]. При этом сам бен Ладен позднее открыто заявлял о своем временном союзе с американцами, признавая, что, когда он впервые открыл лагерь для подготовки афганцев-моджахедов и арабских добровольцев, «там пакистанские и американские офицеры обучали добровольцев. Оружие давали американцы, деньги – саудовцы» [8, с. 183].

Советское вторжение в Афганистан стало переломным моментом в жизни еще одного современного противника американцев в этой стране – лидера талибов муллы Мухаммеда Омара. Прослужив несколько лет рядовым муллой в сельской мечети, Омар променял мирную жизнь на служение джихаду, вступив в ряды моджахедов сражавшихся против Советской Армии – тяжелое ранение

в бою против советских войск (он потерял глаз) возвращает его к богослужению (в том смысле, как он его понимал). Будущий лидер талибов проходит обучение в известном медресе Хаканиа (в районе пакистанского г. Пешавар), которое фактически являлось духовным источником движения Талибан. Германский исследователь Хайн Г. Кисслинг тринадцать лет проживший в Пакистане в своей монографии подробно анализирует роль Межведомственной разведки Пакистана в карьере Мухаммеда Омара и становлении движения Талибан [4, с. 178 – 179].

Таким же образом, в период борьбы с советским вторжением, в Афганистане в качестве одного из главных лидеров моджахедов выдвинулся и Гульбеддин Хекматияр – впоследствии один из наиболее фанатичных противников американцев в современном афганском конфликте. По мнению современных исследователей, Хекматияр получая всестороннюю помощь от американцев в период борьбы против присутствия советских сил в Афганистане, в ходе современной афганской войны вел самую активную борьбу против западной коалиции и проамериканского правительства в целом ряде провинций Афганистана, и даже в районе Кабула [1, с. 48].

Милтон Бирдон, бывший в 1986 – 1989 гг. главой резидентуры ЦРУ в Пакистане и работавший с моджахедами признавал впоследствии: «Врагом и очень опасным врагом я считал только Гульбеддина Хекматияра. Ирония заключается в том, что я не смог бы оспорить утверждение о том, что ЦРУ выбрало этого параноика-радикала своим фаворитом и что мы обеспечивали этого человека, который оскорбил президента Соединенных Штатов, всем необходимым для борьбы с Советами» [3, 63 – 64].

Схожую характеристику Хекматияру давал и другой руководитель разведывательной резидентуры США в Пакистане – У. Пикни: «Ты с Гульбеддином мог хлопать друг друга по плечу и обниматься как настоящие товарищи по оружию, и он смотрит на тебя своими угольно-черными глазами, но ты просто знаешь, что единственное, что вас объединяет – это совестная борьба против Советского Союза» [3, с. 64].

Точно такая же трансформация из временного союзника в яростного противника произошла и с Джалалуддином Хакани, партизанские отряды которого – «сеть Хакани», в последней афганской войне характеризова-

лись американскими спецслужбами как одна из основных угроз. Это при том, что в 1979 – 1989 гг. Хакани, в принципе, как и Хекматияр, значился в качестве важного союзника для США в борьбе против советского вторжения. Но затем, в 1996 – 2001 гг., он вполне логично поддержал Талибан, став после падения их режима одним из яростных противников проамериканского правительства Карзая [1, с. 48].

Во внешней политике нашей страны, к сожалению, также накоплен значительный негативный опыт в плане получения «обратного удара» в ходе осуществления опосредованной войны. В условиях холодной войны Советский Союз в 1950-е гг. активно вооружал КНР – это избавило СССР от необходимости направлять свои войска в Корею в 1950 – 1953 гг. (основную тяжесть противостояния с США на корейском фронте вытянули китайские добровольцы), но в 1969 г. в качестве исторического рикошета мы получили пограничный конфликт на о. Даманский. По этому поводу Владимир Высоцкий писал с мрачным юмором:

«При поддержке минометного огня
Молча, медленно, как будто на охоту,
Рать китайская бежала на меня, -

Позже выяснилось – численностью в роту.
...Что обидно – этот самый миномет

Подарили мы китайскому народу» [2, с. 40 – 41].

По данным отечественных исследователей, к середине 1990-х гг. среди арабских ветеранов афганской войны – фанатиков-экстремистов обладавших серьезным военным опытом приобретенным в боях против советских солдат, было не менее пяти тысяч выходцев из Саудовской Аравии, около трех тысяч – из Йемена, тысячи – из Алжира и Египта, сотни – из Туниса, Ирака, Ливии, а также десятки подданных Иордании [5, с. 267]. А ведь Советский Союз немало сделал для вооружения большинства стран из этого списка – Южный Йемен, Алжир, Египет, Ирак, Ливия – были союзниками СССР в вооруженном противостоянии Израилю и «международному империализму». В этом плане в заключении следует обратить внимание на непредсказуемость и политических последствий союза РФ с Исламской Республикой Иран и организацией «Хезболла» в условиях современного сирийского конфликта.

Список литературы:

1. Акмалов, Ш.И. Афганская стратегия администрации Б. Обамы / Ш.И. Акмалов // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 3. – С. 47 – 52.
2. Высоцкий, В. Сочинения. В 2-х т. Т. 2 / В. Высоцкий. – М.: Художественная литература. 1993. – 544 с.
3. Джонс, С. Война США в Афганистане. На кладбище империй / С. Джонс. – М.: Эксмо, 2013. – 480 с.
4. Кислинг, Х.Г. Вера, Единство, Дисциплина (Межведомственная разведка Пакистана) / Х.Г. Кислинг. – М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2021. – 284 с.
5. Кудрявцев, А.В. «Арабские афганцы» (к вопросу о механизмах радикализации исламистских движений) / А.В. Кудрявцев // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. и Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. – М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2004. – С. 258 – 273.
6. Оуэн, М. Морер, К. Нелегкий день / М. Оуэн К. Морер. – Минск: Попурри. 2013. – 256 с.
7. Плещунов, Ф.О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны / Ф.О. Плещунов // Восток. – 2009. – № 1. – С. 100 – 108.
8. Рашид, А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / А. Рашид. – М.: Библион – Русская книга, 2003. – 368 с.
9. Согрин, В.В. Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги / В.В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 92 – 111.
10. Требин, М.П. Терроризм в XXI веке / М.П. Требин. – Минск: Харвест, 2003. – 810 с.
11. Blum, W. Gibbs, N.D. Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect / W. Blum N.D. Gibbs // International Politics 37. – June 2000. – P. 241 – 242.
12. Deutsch, Karl W. External Involvement in Internal War // Internal War, Problems and Approaches in Harry Eckstein (ed) / Karl W. Deutsch. – London: The Free Press of Glencoe. Collier-Macmillan Limited, – 1964. – P. 100-110.
13. Mumford, A. Proxy Warfare / A. Mumford. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 141 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 93

*В.В. Курков, Б.А. Никишин***ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I:
К ВОПРОСУ О ПАРАДОКСАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ГЕОПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В статье анализируется противоречивый характер восточной политики императора Павла I. Особое внимание уделяется павловской политике в Закавказье, истории русско-турецкого морского союза в рамках второй антифранцузской коалиции и плану военной экспедиции в Индию через Среднюю Азию. В итоге сделан вывод об уникальности и нестабильности политического курса, проводимого императором, и в то же самое время его исторической преемственности с политикой предшествующих правителей и логическом продолжении в последующих направлениях геополитики Российской империи.

Ключевые слова: восточная политика; Павел I; Персидский поход; Средиземноморская экспедиция; адмирал Ф.Ф. Ушаков; Ионическая Республика; Картли-Кахетия; Индийский поход.

*V.V. Kurkov, B.A. Nikishin***EMPEROR PAUL I'S EASTERN POLICY:
TO ISSUE OF PARADOXES IN HISTORICAL CONTINUITY OF RUSSIAN EMPIRE
GEOPOLITICS**

The article analyzes the contradictory nature of Emperor Paul I's eastern policy. Special attention is paid to Paul's policy in the Transcaucasus, the history of the Russian-Turkish maritime alliance within the framework of the second anti-French coalition and the plan of a military expedition to India through Central Asia. As a result, a conclusion was made about the uniqueness and instability of the political course pursued by the emperor, and at the same time its historical continuity with the policy of previous rulers and logical continuation in the subsequent directions of the geopolitics of the Russian Empire.

Keywords: eastern policy; Paul I; Persian campaign; Mediterranean expedition; admiral F.F. Ushakov; Ionian Republic; Kartli-Kakheti; Indian campaign.

Восточное направление занимает особое место во внешней политике России в период правления Павла I. Достаточно известна оценка Н.М. Карамзина о том, что Павел I в своей политике не следовал ничему «кроме своей прихоти», и в итоге «россияне смотрели на сего монарха как на грозный метеор» [9, с. 44]. Эта фраза великого историка в полной мере применима к восточной политике этого самодержца, которая была столь же непредсказуема, как и все павловское правление в целом. Однако, настоящий исторический парадокс возникает в связи с тем, что к характеристике восточной политики Павла I в не меньшей степени подходит и пронительное замечание В.О. Ключевского, предостерегавшего от того, чтобы считать этого императора «случайным эпизодом нашей истории ... не имеющим внутренней связи с предшествующим временем и ничего не давшим дальнейшему» [10, с. 173]. Противоречивость и парадоксальность восточного направления политики России в 1796 – 1801 гг. в плане ее исторической преемственности с предшественниками Павла I и влиянием этой политики на последующий геополити-

ческий курс империи представляет историографическую проблему, нуждающуюся в обобщении и суммировании выводов исследователей.

Заметное место в оценках историков занимает политика Павла I в Закавказье. Для современной историографии сохраняют свою актуальность выводы и оценки грузинского историка – князя З.Д. Авалова. Историк отмечает, что на закате царствования Екатерины II русское правительство активно разрабатывало грандиозный план Г.А. Потёмкина относительно Персии. Поводом для войны послужило нашествие на территорию Грузии, находившейся под покровительством России, персидского шаха Ага-Магомет-хана [1, с. 96]. Россия получила законные основания на вступление с оружием в персидские пределы. По замечанию З.Д. Авалова: «Екатерина надеялась украсить конец своего царствования неожиданным и блестящим расширением своих владений в Азии» [1, с. 95].

К декабрю 1796 г. все западное побережье Каспия был завоевано российскими войсками и персидский поход близился к завершению. Однако после смерти императрицы на пре-

стол взошёл Павел I, который поспешил свернуть все внешнеполитические проекты матери [17, с. 62]. Русские войска были выведены из Закавказья. По словам Е.А. Шляпниковой споры о степени необходимости и эффективности данного шага продолжают [14, с. 62].

Е.А. Шляпкинова указывает на то, что отказ Павла I от контроля над западным берегом Каспийского моря позволил персидскому шаху начать наступление в Закавказье. Персидский поход 1796 г. не решил своей главной задачи – присоединения Грузии и Северного Азербайджана. Прикаспийские народы остались без поддержки России.

Через три года после окончания персидского похода 1796 г., императору Павлу I пришлось вновь заняться политикой в Закавказье. Е.А. Шляпкинова подчеркивает, что после того, как умер грузинский правитель Ираклий II «Картли-Кахетия погрязла в феодальных усобицах и дворцовых интригах» [14, с. 62]. Слабость раздробленной Грузии и постоянная иранская угроза остро поставили вопрос о вхождении Грузии в состав Российской империи.

Ещё по трактату 1783 г. Россия обязалась защищать Грузию от внешних врагов. При этом З.Д. Авалов обращает внимание на недействительность покровительства со стороны России, указывая, что население Грузии в период с 1783 по 1801 гг. уменьшилось чуть ли не наполовину, а к 1801 г. Грузия была полностью разорена. Исходя из данной ситуации, Грузия могла считать себя свободной от обязательств в отношении России [1, с. 111]. Но грузинская элита поддержала сохранение старых традиций и предпочла мысль о жизненной необходимости тесного единства с Россией. Грузинские уполномоченные Георгий Авалов, Елизар Палавандов и князь Гарсеван Чавчавадзе разработали план фактического объединения Грузии с Россией.

З.Д. Авалов в общих чертах излагает проект присоединения Грузии к России, на основе которого делает вывод: на первом месте были интересы и нужды России, в то время как грузинская автономия сводилась фактически к нулю [1, с. 113-114]. З.Д. Авалов подчёркивает: «Рядом с умирающим династическим правом императорские манифесты и указы уже создавали постепенно базис для нового строительства; уже готовились бочки охры и налаживались кисти, чтобы перекрашивать Грузию в общеимперский цвет» [1, с. 118].

18 января 1801 г. Восточная Грузия должна была стать частью территории Российской империи. Гибель Павла I ненадолго затормозила процесс присоединения Грузии. Император Александр I не решился сразу взять на свою совесть присоединение Грузии, считая несправедливым присвоение чужой земли и опасаясь последствий [1, с. 117-118]. Вопрос о присоединении Грузии к России вызвал настоящие дебаты в Государственном Совете, которые, в конечном счёте, закрепили за Россией приобретения Павла I в Закавказье.

Таким образом, закавказское направление восточной политики Павла I, несмотря на неожиданное и временное отступление корпуса генерала Зубова в 1796 г., является вполне логичным продолжением каспийских походов Петра Великого и Екатерины II. А павловская политика на Кавказе получит столь же логичное геополитическое продолжение в дальнейшем территориальном расширении Российской империи в регионе при Александре I, Николае I и Александре II.

Принципиально новым событием внешней политики царствования Павла I стало активное участие во второй антифранцузской коалиции с Османской империей в качестве российского союзника. Если при Екатерине II в конце XVIII в. родился «греческий проект», предполагавший освобождение от турок православного населения и образование на Балканском полуострове новой христианской державы, то при Павле I отношения с Османской империей существенно отличались: обе державы пребывали в союзных обязательствах и боролись с революционной Францией. Именно Россия подтолкнула Османскую империю к объединению военно-морских сил для того, чтобы остановить продвижение Наполеона на Ближнем Востоке и победить французский флот и армию на Средиземноморье.

В.Д. Овчинников обращает внимание на то, что после того, как французы захватили Корфу и вступили в Рим, возникла реальная угроза турецким владениям. К тому же, по мнению Г.А. Гребенщиковой, была велика вероятность проникновения французских судов в Чёрное море и высадки десанта на побережье [5, с. 76]. В сложившейся ситуации 12 августа 1798 г. Павел I направил к Черноморским проливам русский флот под командованием знаменитого адмирала Ф.Ф. Ушакова. После длительных переговоров с Османской империей общее командование

соединённой русско-турецкой эскадрой лично принял Ф.Ф. Ушаков [11, с. 106].

В.Д. Овчинников отмечает последовательность в осуществлении русско-турецкого плана, в результате которого французы потеряли весь Ионический архипелаг и полторы тысячи солдат убитыми, ранеными и взятыми в плен [11, с. 107].

Особое внимание В.Д. Овчинников уделяет главной цели экспедиции – крепости Корфу. По мнению исследователя, крепость занимала выгодное географическое положение и была хорошо укреплена. Захватить Корфу с ходу не представлялось возможным. В.Д. Овчинников с досадой отмечает, что для более тесной блокады не хватало сухопутных войск [12, с. 108]. К тому же, как замечает Г.А. Гребенщикова, Ф.Ф. Ушакову приходилось «не упускать из виду ранее освобожденные острова», которые после ухода основных сил находились под охраной лишь малочисленных российских и турецких подразделений [5, с. 83].

Размышляя над целесообразностью штурма Корфу, В.Д. Овчинников с высоты сегодняшних дней склоняется к выводу, что нужно было «все силы бросить на блокаду Египта и уничтожение армии Бонапарта вместе с ним. Тогда, возможно, не было бы всех последующих военных коллизий 1805 и 1812 годов...» [8, с. 108].

По мнению В.Д. Овчинникова, главным фактором, определившим капитуляцию крепости Корфу, была качественно спланированная осада, в результате которой потери со стороны русско-турецких войск были незначительны [11, с. 59]. В.Д. Овчинников считает взятие Корфу – днём «великого торжества адмирала Ушакова» и днём триумфа русского духа, так как в итоге овладения Корфу в руках союзников оказался стратегически важный пункт на пути в Адриатическое море [11, с. 59]. Взятие Корфу серьезно укрепило в странах антифранцузской коалиции моральный настрой на общую победу в войне.

Сразу же после полного освобождения Ионических островов встал вопрос о создании на Архипелаге нового политического устройства. В.Д. Овчинников развивает утвердившееся в историографии мнение, будто Ф.Ф. Ушаков по своей инициативе начал создавать республику на Ионических островах. Историк приводит рескрипт Павла I российскому посланнику в Константинополе, согласно которому инициатива создания республики исходила от императора [11, с. 59].

Однако, как справедливо замечает Г.Н. Андреева, турецкая и русская сторона разошлись в решении конституционного проектирования. Если интересы турок-османов заключались в возвращении Ионических островов в состав их империи, то в интересах России было установить мирную жизнь на островах, и дать возможность создать грекам новое государство [2, с. 13]. По мнению В.В. Дегоева, в этом случае внешнеполитическая польза России «виделась в необходимости противопоставить французской диктатуре на островах национальные представительные учреждения и прослать подлинными освободителями ионических греков» [6, с. 57].

Т.В. Платицина отмечает непростую задачу, вставшую перед адмиралом Ф.Ф. Ушаковым, – «организация самоуправления островов, помощь населению в создании местных и центральных органов власти» [12, с. 124]. С этой задачей, по мнению Т.В. Платициной, флотоводец успешно справился, поскольку в результате его деятельности была создана более чем демократическая для своего времени конституция. Огромный вклад Ф.Ф. Ушакова в создании независимого греческого государства под протекторатом Турции и покровительстве России признают многие исследователи [2, 5, 13, 14]. 21 марта 1800 г. была заключена российско-турецкая Константинопольская конвенция. В.Д. Овчинников констатирует, что на основании этого соглашения Ионические острова получили достаточно широкие права в области самоуправления при сохранении вассальной зависимости от Турции. При этом Российская империя смогла сохранять на острове Корфу свое военное присутствие [13, с. 90].

Однако в многочисленных современных научных публикациях посвященных русско-турецкому союзу и действиям российского флота на Средиземном море в павловскую эпоху, на наш взгляд еще не получила должного анализа проблема исторической преемственности для Российской империи и на этом геополитическом направлении. Это то, о чем писал еще академик Е.В. Тарле, увязывая в единый исторический процесс все три архипелагские экспедиции русского флота [16]. И в этой связи действия эскадры Ушакова при Павле I представляются логичным геополитическим продолжением экспедиции А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова при Екатерине II, и столь же логично будут продолжены в действиях русского флота в Средиземном-

рье в 1805 – 1807 и 1827 – 1829 гг. при Александре I и Николае I.

Наиболее противоречивой в современной историографии представлена политика Павла I в Средней Азии. В конце царствования императора был разработан план совместного похода русско-французских войск в Индию, а также предпринята экспедиция казаков в Среднюю Азию. По мнению И.Ю. Иголкина, «идея завоевания Индии силами казаков воспринимается многими историками как нереальная и труднодостижимая» [7, с. 158]. Целый ряд современных исследователей павловской эпохи в качестве главной детерминанты совместного русско-французского наступления на Индию видят стремление сокрушить колониальное могущество Британской империи [7, с. 158]. Ключевым событием сближения Павла I и Наполеона, согласно И.Ю. Иголкину, стал разрыв России с участниками антифранцузской коалиции. Павел I стал искать союзника для борьбы с Англией и вступил в переписку с первым консулом Наполеоном [7, с. 159]. Смена внешнеполитической ориентации России, по меткому выражению А.Н. Боханова, означала, что «на смену политике идеалов пришла политика интересов» [3, с. 277]. А.О. Мещерякова отмечает, что возможность оформления русско-французского союза была продиктована географическим положением России и Франции, а также отсутствием территориальных противоречий между этими державами [8, с. 42]. И.Ю. Иголкин вслед за другими исследователями считает, что идея захвата Индии принадлежала Наполеону и была им разработана ещё до Египетской экспедиции.

Специалист в области военной истории России В.М. Безотосный занимает другую позицию в данном вопросе. Он выдвигает версию, согласно которой разработчиком проекта была русская сторона [4, с. 13]. В качестве доказательства своей точки зрения В.М. Безотосный приводит ряд аргументов. Исследователь ставит под сомнение, что французская сторона стала бы подчёркивать в проекте свою выгоду. Историк считает, что такую постановку задачи для убедительности могла выдвинуть лишь русская сторона, чтобы польстить будущему партнеру по коалиции. В.М. Безотосный отмечает, что в проекте отражены подробности продвижения по русской территории, что говорит о том, что автор проекта достаточно хорошо представляет реалии географии и тогдашней инфраструктуры России. Исследователь считает,

что предложение французам следовать через российскую территорию налегке, а всё нужное приобрести на русской территории могло исходить только от русской стороны [4, с. 15].

В.М. Безотосный предполагает, что создателем индийского проекта мог являться В.А. Зубов, который как военачальник являлся одним из самых опытных и подготовленных специалистов по Востоку. При этом исследователь отмечает, что это только предположение, основанное на косвенных данных. Прямых доказательств этому нет. Датировать сам проект В.М. Безотосный предлагает началом 1801 г. [4, с. 24-25]. Он отмечает, что источник не был официально утвержден ни одной из сторон. Более того в официальной переписке 1801 г. первого консула и российского императора о походе в Индию документ даже не упоминается. «Именно поэтому большинство исследователей квалифицировали проект как фантастический и нереальный» – считает историк [4, с. 20].

Стремительное ухудшение англо-русских отношений весной 1801 г. подтолкнуло Павла I к походу в Среднюю Азию. Англия и Россия вплотную приблизились к состоянию войны. В этих сложных условиях Павел I приказывает начать поход донских казаков с целью открытия пути в Индию через просторы Средней Азии [4, с. 26]. И.Н. Плешаков обращает внимание на дороговизну несостоявшегося похода (было выделено 1 млн 670 тыс. руб.). По мнению исследователя, огромные издержки на непродуманное предприятие способствовали опустошению государственной казны [15, с. 50]. Командование экспедицией в Среднюю Азию было возложено на атамана Донского казачьего войска В.П. Орлова. В.М. Безотосный подчеркивает, что «всё делалось экспромтом, без какой-то предварительной скрупулезной или капитальной подготовки и с большим налетом дилетантизма и откровенного легкомыслия» [4, с. 27 – 28]. В частности, историк отмечает тот факт, что В.П. Орлову была выдана одна карта только «до Хивы и Амурской реки», а дальше казакам следовало ориентироваться по местности. По мнению В.М. Безотосного, поход, скорее всего, превратился бы в военную катастрофу, поскольку отряд В.П. Орлова мог годиться только для разведывательных задач, но никак не для завоевательных целей [4, с. 29 – 30].

Иной точки зрения придерживается А.О. Мещерякова. Оценивая возможные результа-

ты Индийского похода, исследовательница поддерживает взвешенную оценку Н.Я. Данилевского и считает, что, невзирая на исход похода, последствия от него были бы самыми губительными для английского могущества в Индии. Сам факт похода подрывал веру англичан в неприкосновенность английской территории [8, с. 45]. Однако независимо от того насколько авантюрным или реальным был задуманный Павлом I военный поход в Индию, этот план возник отнюдь не на пустом месте: организованная Петром Великим экспедиция князя А. Бековича-Черкасского в 1716 – 1717 гг. при весьма скромных силах все же дошла до Хивы, хотя и была затем уничтожена хивинским ханом. То есть первый шаг в этом геополитическом направлении Российская империя сделала задолго до Павла I. В этой же связи можно вспомнить и принятие в российское подданство при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне Младшего и Среднего жузов Казахстана в 1731 и 1740 – 1743 гг. При этом, обычно представляемая в качестве неожиданной авантюры, павловская

идея экспедиции в Индию через Среднюю Азию, тем не менее получит дальнейшее геополитическое воплощение в систематическом завоевании региона Российской империей в XIX в., в целом ряде уже более реальных русских военных планов наступления на Британскую Индию и англо-русском стратегическом противостоянии известном в мировой истории как «Большая игра».

В итоге, можно сделать вывод о противоречивом и парадоксальном характере восточной политики Павла I. Прежде всего, следует подчеркнуть ее уникальность и новизну при крайней нестабильности и непредсказуемости политического курса, проводимого императором. И одновременно необходимо констатировать вполне понятную историческую преемственность с политикой предшествующих правителей и логическое продолжение павловской политики в последующем продвижении Российской империи по тем геополитическим направлениям, которые определились в 1796 – 1801 гг.

Список литературы:

1. Авалов, З.Д. Присоединение Грузии к России / З.Д. Авалов. – СПб.: ЗАО «Журнал "Звезда"», 2009. – С. 95 – 118.
2. Андреева, Г.Н. Об особенностях конституционного процесса на Ионических островах и черновике письма В.С. Томары А.Я. Италинскому от 2/13 ноября 1799 года / Г. Н. Андреева // Новый ракурс. – 2020. – № 1. – С. 10 – 27.
3. Боханов, А.Н. Павел I / А.Н. Боханов. – М.: Вече, 2010. – 448 с.
4. Безотосный, В.М. Наполеоновские планы: проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта / В. М. Безотосный – М.: Русские витязи, 2017. – 76 с.
5. Гребенщикова, Г.А. Россия и Турция на этапе перемен: военно-политический союз при императоре Павле / Г. А. Гребенщикова // Клио. – 2013. – № 1 (73). – С. 73 – 86.
6. Дегоев, В.В. Внешняя политика Павла I: патология или преемственность? / В. В. Дегоев, П. Н. Шабельский-Борк // Старый Кирибей. Павловский гобелен: Сб. ст. – М., 2011. – С. 54 – 65.
7. Иголкин, И.Ю. О походе русско-французских войск в Индию / И. Ю. Иголкин // Вестник Воронежского государственного университета (ВГУ). Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2, ч. 1. – С. 158 – 161.
8. Мещерякова, А.О. Внешняя политика Павла I и идея «Русского Константинополя» / А. О. Мещерякова // Русско-Византийский вестник. – 2020. – № 1 (3). – С. 37 – 47.
9. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
10. Ключевский, В.О. Сочинения: В 9 т. – Т.5. Курс русской истории. Ч. 5 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
11. Овчинников, В.Д. Ионическая эпопея адмирала Ушакова / В. Д. Овчинников // Родина. – 2010. – № 7. – С. 105 – 109.
12. Овчинников, В.Д. Ионическая эпопея адмирала Ушакова / В. Д. Овчинников // Родина. – 2010. – № 8. – С. 58 – 61.
13. Овчинников, В.Д. Адмирал Ф.Ф. Ушаков – создатель Ионической республики / В.Д. Овчинников // Морской сборник. – 2014. – № 5. – С. 85 – 90.
14. Платицина, Т.В. Принципы устройства республиканского управления Ионическими островами в конце XVIII – начале XIX вв. / Т.В. Платицина // Вестник Екатеринбургского Института – 2014. – № 1 (25). – С. 124 – 127.

15. Плешаков, И.Н. Император Павел I: «Через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие» / И.Н. Плешаков // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 12. – С. 48 – 51.
16. Тарле, Е.В. Три экспедиции русского флота / Е.В. Тарле. – М.: Воениздат, 1956. – 460 с.
17. Шляпникова, Е.А. Персидский поход русских войск 1796 года / Е.А. Шляпникова // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 5. – С. 59 – 62.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 342.25

*Е.В. Мытник***УПРАВЛЕНИЕ В БЕССАРАБИИ В 1818 – 1828 гг.: ОСОБЕННОСТИ, ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ ЛИКВИДАЦИИ АВТОНОМИИ**

Правовые характеристики государственного управления в Бессарабии с момента ее вхождения в состав Российской империи, обладая общими чертами, все же отличались от управления иными присоединенными территориями, отражая непростую политическую ситуацию, требовавшую осторожных, поэтапных управленческих действий со стороны центральной власти. В течение 1812 – 1818 гг. государственно-управленческую деятельность Империи характеризует тенденция сохранения автономистских начал в Бессарабии.

В рамках данной статьи рассматриваются особенности управления в Бессарабии во временной промежуток 1818 – 1828 гг., когда создались правовые предпосылки и основы для ликвидации автономии Бессарабии в составе Российской империи.

Ключевые слова: присоединение Бессарабии, Бессарабская область, управление в Бессарабии, ликвидация автономии.

*E.V. Mytnik***ADMINISTRATION IN BESSARABIA IN 1818 – 1828: FEATURES, LEGAL BASIS FOR ELIMINATION OF AUTONOMY**

The legal characteristics of state administration in Bessarabia from the moment of its accession to the Russian Empire, while possessing common features, nevertheless differed from the administration of other annexed territories, reflecting a difficult political situation that required careful, phased administrative actions on the part of the central government. During 1812-1818, the state and administrative activities of the Empire were characterized by the tendency to preserve autonomist principles in Bessarabia.

This article examines the features of government in Bessarabia within the period 1818-1828, when the legal prerequisites and foundations for the elimination of the autonomy of Bessarabia within the Russian Empire were created.

Key words: annexation of Bessarabia, Bessarabia region, administration in Bessarabia, elimination of autonomy.

Расширение границ Российского государства осуществлялось на протяжении многих веков. Присоединение Бессарабии позволило укрепить Юго-Западные границы Российской империи. Этот процесс был начат значительно ранее, но получил свое логическое завершение с подписанием в 1812 году Бухарестского мира.

Управленческая деятельность российского правительства в отношении присоединенной территории характеризовалась сохранением местного права, государственно-правовых традиций с последующей постепенной инкорпорацией в общеимперское право и управление.

Правовые основы управления на территории Бессарабии представляли интерес на протяжении всего периода исторического развития. Это нашло отражение в трудах Л.А. Кассо, А. Накко, а также в более поздних исследованиях И.А. Анцупова, Н.В. Бабилунги, П.Н. Батюшкова, А.П. Боршевского, И.Г. Будака, Я.С. Гросула, В.Я. Гросула, Т.А.

Деминой, В.И. Жукова, С.К. Захарии, В.В. Ивановского, А.В. Калякиной, Г.К. Федорова и др.

Исследование вопросов автономии Бессарабии в составе Российской империи и причин ее ликвидации продолжает оставаться актуальным и дискуссионным, поскольку управление империи характеризовалось противоречивым характером с точки зрения теории и практики управленческой деятельности. Необходимость применения оптимальных методов управления на отдаленной территории стимулировала центральную власть к постоянному поиску механизмов интеграции окраинных территорий.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей управления Бессарабией с 1818 по 1828 годы, когда произошло нормативное закрепление ранее сложившихся временных правил управления, получение Бессарабией статуса самостоятельной области Российской империи, а так-

же фактическое ограничение власти молдавских бояр.

Управление Бессарабией в рассматриваемый период не стало исключением с точки зрения противоречивого характера деятельности царской власти.

Так в 1818 г. произошло важное событие, связанное с принятием Устава образования Бессарабской области, который предопределил управленческую политику на данной территории на следующее десятилетие.

С принятием данного Устава Бессарабия получила статус области в составе Российской империи, Александр I устанавливал, что Бессарабская область сохраняет свой народный состав и получает особый образ управления. Управление областью закреплялось за подольским военным генерал-губернатором.

Согласно Уставу Бессарабская область подразделялась на Хотинский, Ясский, Оргеевский, Бендерский, Аккерманский и Измаильский уезды (цинуты), а центром области стал Кишинев.

Для управления областью учреждался Верховный совет в составе: Президента – главного начальника области подольского военного генерал-губернатора, членов областного Правительства (4 человека: гражданский губернатор, вице-губернатор, два председателя уголовного и гражданского судов), депутатов (в количестве 6, избираемых из числа дворян на 3 года, утвержденных военным генерал-губернатором) [2, с. 223].

Для управления распорядительными, исполнительными, казенными, экономическими, апелляционными, уголовными, следственными, гражданскими, имущественными вопросами и вопросами размежевания земель учреждался Областной Верховный Совет в составе не менее 6 человек, разрешавший все дела в пределах подведомственности. Его решения были окончательными и немедленными к исполнению, обжаловать их можно было лишь путем подачи жалобы через министра юстиции или генерального прокурора в Государственный Совет Российской империи.

Правителем области назначался гражданский губернатор, который находился в полном подчинении подольского военного генерал-губернатора. В своей деятельности он должен был руководствоваться российскими положениями, регламентирующими должности гражданских губернаторов.

Бессарабское областное правительство под руководством гражданского губернатора выполняло функции исполнительной власти. Оно состояло из двух экспедиций: исполнительной и казенно-экономической. За экспедициями закреплялось право вести следствие, рассматривать и исполнять дела второй степени важности.

Уставом устанавливалось, что вторая часть областных органов состояла из уголовного (в составе председателя, трех советников и одного заседателя) и гражданского судов (в составе председателя и четырех советников).

Кроме того, Уставом предусматривалось сохранение молдавского языка в делопроизводстве и при разрешении уголовных и гражданских дел.

По аналогии с Российской империей Устав ввел должности областного и уездного прокураторов. Их деятельность основывалась на имперских правилах в отношении губернского прокурора и уездного стряпчего, с имплементацией их к местным условиям Бессарабской области на основании специальных инструкций [2, с. 227].

В отличие от иных губерний Российской империи для Бессарабии устанавливалось, что областной прокуратор, подчинявшийся наместнику, назначался императорской властью, а уездные прокураторы назначались верховным советом по представлению областного прокуратора.

Глава «О правах и преимуществах жителей» Устава подразделила жителей Бессарабии на следующие состояния: духовенство; дворянство; бояринашей; мазылов; рупташей; купцов и мещан; царан или поселян земледельцев; цыган, принадлежащих короне и помещикам; евреев [2, с. 229]. Уставом молдавским боярам предоставлялись права российского дворянства.

Все вышеизложенное позволяет отметить, что Уставом 1818 г. декларировалось сохранение местного права, а также были узаконены привилегии и сохранены права молдавских бояр. Тем самым новая система управления сохраняла прежнюю классовую основу социальных отношений.

С 1818 по 1819 годы открывались областные и уездные учреждения, также постепенно должна была быть организована работа самоуправления на началах автономии области, которая полностью подчинялась бы царю и его наместнику.

Однако административное управление, несмотря на предпринимаемые меры, не улучшилось существенным образом. Сохранились злоупотребления чиновников, длительное рассмотрение дел во всех инстанциях, волокита. Из 200 дел, поступающих ежегодно в Областной Верховный Совет, решалось не более 13, что наглядно показывает стремление и работоспособность молдавских чиновников [1, с. 219].

В 1820 г. реагируя на сигналы о беспорядках, злоупотреблениях со стороны чиновничьего аппарата, наместник учреждает специальный комитет для ревизии казенно-экономической экспедиции, в этом же году проводится ревизия исполнительной экспедиции. В 1821 г. назначена комиссия для исследования деятельности в полицейских учреждениях. По результатам проводимых проверок ряд канцелярских чиновников были сняты с должностей и отданы под суд.

В 1820 г. назначен новый наместник И.Н. Инзов, который продолжая политику по усилению царской власти, осуществил проверку родословных списков, в результате примерно одна треть молдавских дворян была лишена права участия в дворянских выборах.

В 1823 г. И.Н. Инзова на посту наместника сменил граф М.С. Воронцов, известный сторонник унификации форм управления. Бессарабское дворянство возлагало надежды на его поддержку в развитии местного самоуправления.

С приходом на должность наместника М.С. Воронцовым осуществляются существенные изменения в законодательстве, направленные на удаление нежелательных лиц из аппарата управления и упразднения Верховного Совета как органа, показавшего неготовность управлять областью. В 1824 г. отменяется выборность исправников дворянством, а в 1825 г. отменяются судебные полномочия Верховного Совета Бессарабской области.

Занимаясь реорганизацией управления Бессарабской области, М.С. Воронцов в 1826 г. внес законопроект на рассмотрение царю, который в 1828 г. был одобрен и опубликован как «Учреждение для управления Бессарабской области», которым предусматривалась ликвидация автономии Бессарабии [3, с. 197 – 204].

«Учреждение для управления Бессарабской областью» предусматривало полную ликвидацию коллегиальной деятельности, аннулирование автономных начал в пользу централизации власти. Верховная власть аккумулировалась в руках новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Упразднился институт наместника. Бессарабия на общем основании с другими губерниями включалась в состав Новороссийского генерал-губернаторства.

Новое областное управление должно было состоять теперь из: областного совета, областного правления, казенной палаты, областных судов (уголовного, гражданского, совместного).

Возглавлял область гражданский губернатор. Верховный Совет Бессарабской области преобразовывался в областной совет – совещательный орган при генерал-губернаторе, который больше не имел никакого влияния на судебные дела.

Итак, административное управление Бессарабкой областью с 1818 по 1828 годы характеризовалось противоречивым положением. Так, в Бессарабии устанавливалась организация управления по образцу центральных губерний с одной стороны, а с другой стороны, она имела сходство с Польшей и Финляндией, имеющих самостоятельное политическое управление.

Устав 1818 г., несомненно, узаконил положения, которые действовали с 1813 г., но и параллельно создавал основу для централизации и усиления самодержавной власти в Бессарабии.

Особенности в управлении выражались в функционировании Верховного Совета, образованного из числа молдавских бояр, осуществлявшего функции административного и судебного органа. Вместе с тем, путем закрепления применения имперских законов и губернских форм правления Уставом 1818 г. было ограничено применение местного права и местных особенностей.

Это позволяет сделать вывод, что процесс ликвидации автономии Бессарабии начался с 1818 г. и получил свое логическое завершение в 1828 г., с принятием «Учреждения для управления Бессарабской области».

Список литературы:

1. Кассо, Л.А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области / Л.А. Кассо. – М.: печатня А. Снегиревой, 1913. – 236 с.
2. Устав образования Бессарабской области. Кишинев. 30 апреля 1818 г. № 27357 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 35. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 632 с.
3. Учреждение для управления Бессарабской области. 29 февраля 1828 г. № 1834 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. 3. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1648 с.

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Приднестровская Молдавская Республика (Республика Молдова), Тирасполь

УДК 94(38)

*Л.В. Тарасова***ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ В РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ
ЭЛЛИНОВ АРХАИЧЕСКОГО И КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ**

Статья посвящена рассмотрению эволюции религиозного сознания эллинов на протяжении архаического и классического периодов, акцентируя внимание на выявлении в нём иррациональных и рациональных элементов.

Автор приходит к выводу, что в трансформации верований просвещённых слоёв эллинов можно выделить три этапа. Первому – до конца архаического периода – присуща иррациональность; затем происходит постепенная рационализация религиозных взглядов, а со второй трети V века и до конца IV века до н.э. отмечается возврат к иррациональному восприятию богов на качественно ином уровне. При этом так называемая народная религия оставалась в рамках рассматриваемого периода практически неизменной.

Ключевые слова: Древняя Греция, религиозное сознание, олимпийский пантеон, культ героев, сакральная практика, жречество.

*L.V. Tarasova***IRRATIONAL AND RATIONAL IN RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF
HELLENES OF ARCHAIC AND CLASSICAL PERIODS**

The article is devoted to the evolution of the religious consciousness of the Hellenes during the archaic and classical periods, focusing on the identification of irrational and rational elements in it.

The author comes to the conclusion that three stages can be distinguished in the transformation of the beliefs of the Hellenes enlightened layers. The first one – until the end of the archaic period - is characterized by irrationality; then there is a gradual rationalization of religious views, and from the second third of the V century to the end of the IV century BC, there is a return to the irrational perception of the gods at a qualitatively different level. At the same time, the so-called folk religion remained unchanged during the period under review.

Key words: Ancient Greece, religious consciousness, Olympic pantheon, cult of heroes, sacred practice, priesthood.

В данной статье предпринята попытка проследить эволюция на протяжении архаического и классического периодов истории Древней Греции религиозного сознания эллинов в контексте соотношения в нём иррациональных и рациональных элементов. Необходимо сразу оговориться, что греческая религия неоднородна. Как минимум, в ней выделяют два уровня – народную религию, которая до конца классического периода оставалась практически неизменной, и религию просвещённых слоёв полиса, прежде всего, аристократии [10, с. 36 – 37; 13, с. 15, 17 – 18; 14, с. 8 – 9]. Именно в рамках второго уровня шёл процесс трансформации верований, отразившийся более всего в письменных источниках – сочинениях античных авторов: философов и историков. Требуется пояснения и контекст, в котором используется термин «рациональность». Применительно к менталитету древнего эллина речь не идет об атеизме и материализме в современном их понимании, а скорее об элементах критическо-

го отношения к религиозным текстам и сакральной практике.

Тема исследования продиктована в определенной степени дихотомией греческой цивилизации. – С одной стороны, в современном антиковедении стало общим местом считать эллинский полис религиозным феноменом, ибо сакральный компонент пронизывал все сферы жизни древних греков на различных уровнях – частном и публичном. С другой, одной из особенностей эллинской цивилизации исследователями называется её рационализм, проникающий, в том числе и в область религиозного сознания.

Приступая к рассмотрению иррациональных и рациональных аспектов в духовной жизни эллинов, представляется необходимым выделить характерные черты древнегреческой религии и особенности её формирования. – Прежде всего, в Элладе не сложилось единой системы религиозных представлений и обрядов. За исключением нескольких общеэллинских святилищ (Дельфы, Ди-

димы, Додона) и игр (Олимпийские, Истмийские, Немейские), чей авторитет признавался каждым полисом, единственным связующим элементом эллинского культа оставалась мифология. Опять же с известными оговорками. Потому что при почитании двенадцати главных олимпийских обитателей, жители каждого полиса отдавали предпочтение одному или нескольким из них, корректируя его «биографию» в собственных интересах. Помимо этого эллины поклонялись многочисленным местным героям, для чего создавались специальные культовые мифы, обосновывавшие присутствие героя в мифологической иерархии [18, с. 393 – 394].

Такая аморфность структуры и многочисленность богов древнегреческой религии объясняется, во-первых, длительным периодом её формирования, от верований пеласгов III тысячелетия до н.э., во-вторых, привнесением в неё новых божеств, в связи с переселением народов и расширением ойкумены, вследствие чего учащались контакты с «варварскими» народами.

Следует отметить, что у эллинов не существовало термина, соответствующего современному понятию «религия». Это объясняется тем, что не было чёткого разделения между светской и сакральной сферами жизни полиса. В отличие от древневосточных государств, где уже в начале III тысячелетия до новой эры формируется институт «профессионального» жречества, владеющего значительными храмовыми землями, – своеобразное «государство в государстве», – оказывающее сопротивление складывающейся одновременно или чуть позже светской власти, – в Элладе этого не произошло [3, с. 154; 18, с. 414; 19, с. 43]. Более того, для домикенского периода и первой половины II тысячелетия до н.э. можно говорить об отсутствии храмового строительства. Это связано с тем, что основное содержание религии составляли фетишизм – обожествление природы (камней, деревьев и пр.) – и культ предков, что отразилось в постройке монументальных гробниц ахейцами. С последним был связан культ героев, настолько древний, что уже в архаический период имена многих из них будут забыты [2, с. 29]. Однако места их погребения останутся по-прежнему почитаемыми [14, с. 26 – 27, 30]. Интересно предположение Ю.В. Андреева, который связывал возникновение поклонения героям с правом этноса на первенство, либо привилегированное положение среди других народов. Такое

стремление у эллинов было вызвано психической травмой, нанесенной событиями конца бронзового века (II тыс. до н.э.). С этого времени они начинают ощущать собственную ущербность в сравнении с поколениями «прежних людей» и поклоняться им [3, с. 168–169].

Как указывает К. Антоначчо, в табличках, написанных линейным письмом В, встречается термин *ti-ri-se-ro-e*, что означает «великий герой» («the great hero»). По её мнению, преемственности в культе эпохи бронзы и эпохи железа нет, так как в X – конце VIII века до новой эры многие могилы героев микенского периода использовались для захоронения еще раз, уже для «новых» героев» [23, р. 245 – 246]. С другой стороны, в процессе мифотворчества, многие захоронения, относящиеся к III тысячелетию, будут заброшены в ахейский период и станут вновь почитаемыми с середины VIII века до н.э. Так, в Элевсине будут почитаться могилы пеласгической эпохи, как место захоронения семи аргосских героев, ходивших на Фивы [2, с. 10, 27 – 28].

Что касается храмов, то их строительство по времени совпадает с созданием микенских цитаделей и приходится на XVI – XIII века до новой эры [15, с. 86]. Однако, как отмечают исследователи, культовые отправления совершались не только в святилищах, но и в мегаронах. Этот факт и прослеживающийся по табличкам жесткий контроль дворца за количеством продуктов, выделенных для жертвоприношений, свидетельствуют о главенствующей роли басилеев в отправлении культа [5, с. 128, 207 – 218]. Более того, существует мнение, что сакральная деятельность басилеев превалировала над их военными и экономическими функциями [27, р. 3 – 4].

Олимпийский пантеон складывается в общих чертах с приходом дорийцев [2, с. 36 – 40]. Он развивается в контексте индоевропейской мифологии, где присутствует трёхчленная вертикальная структура (небо – земля – нижний мир), пантеон состоит из двенадцати божеств, что соответствует сочетанию горизонтальной структуры мира (четырёх сторон света) и вертикальной. К общеиндоевропейскому наследию относится ряд космогонических мифов и мифы, связанные с деяниями первого культурного героя, научившего людей труду, даровавшего огонь и прочие блага цивилизации [18, с. 408 – 409]. Преемственность божеств ахейской и дорий-

ской эпох прослеживается только в именах небожителей, функции которых в конце II тысячелетия до н.э. поменяются. В частности, упоминаются Афина, Посейдон (в своем женском аналоге Посидаея), Зевс, Гера и Гермес [5, с. 195 – 196, 199]. Микенский культ развился под сильнейшим влиянием Крита, а самобытность Эллады в большей степени проявилась в почитании усопших предков [5, с. 217].

Уже начиная с периода «темных веков», наблюдается тесное взаимопроникновение сакрального и светского элементов. Цари, а позже должностные лица полиса, сами совершают жертвоприношения; жреческие должности – далеко не всегда наследственные, а иногда и выборные [3, с. 298 – 299; 13, с. 53]. В принципе, любой гражданин имел право совершать богослужебные обряды, и в первую очередь это, конечно, относилось к *pater familiae* [13, с. 50]. Следует отметить, что наиболее древние и важные для полиса культы отправлялись жрецами, чья власть передавалась-таки по наследству, а о жреческой коллегии Дельф можно говорить как о профессиональной. Эта традиция сложилась еще в микенский и гомеровский периоды, а отправление таких культов было прерогативой исключительно аристократических родов [14, с. 63 – 64; 15, с. 90 – 91].

При отсутствии понятия «религия» у эллинов существовали термины, обозначающие сферы сакральной практики. Например, τὰ πρὸς τοὺς θεοὺς относился к культу предков и совершению жертвоприношений, то есть более соотносился с ритуальной практикой; τὰ ἱερά использовался, в основном, в связи с объектами культа – храмами, святилищами, статуями божеств, священнодействиями; наконец, τὰ θεῖα означал собственно действие божества и его последствия, мог также относиться и к деятельности людей, например, исполнению клятв и выполнению предписаний оракула [16, с. 34]. На основании этого перечня видно, что ритуал, обрядность, традиция, а не канонический текст, были главными составными частями религии, в том числе и по отношению к мифологии. Тем более что мифология, по мнению греков, не была дарована человечеству свыше, но создана смертными. Как писал Геродот: Гомер и Гесиод «разделили между ними [богами] почести и круг деятельности и описали их образы» (II, 53).

Следствием того, что у древних греков не было четкой иерархии богов, а также не

было строго определенных догматов веры, стала терпимость к различным взглядам на религию. А это вело, во-первых, к появлению новых, прежде всего восточных культов, которые получали сначала статус частных, а затем – государственных. Например, Страбон указывал, что афиняне как в других отношениях, так и в отношении к богам были друзьями иностранцев, то есть легко принимали чужеземные культы (X, 471). Во-вторых, своеобразная веротерпимость эллинов прослеживается и в драматургии, в частности в комедиях, где боги часто изображались самым недостойным образом. В-третьих, у эллинов не существовало магистратов, которые наблюдали бы за исполнением гражданами религиозных обязанностей [13, с. 16 – 17].

К иным отличительным признакам верований эллинов следует отнести отсутствие понятия религиозной веры, так как боги являлись не предметом веры, а объективной реальностью [13, с. 21], а также коллизии религии и этики, где последняя изначально вовсе не санкционировалась религией, а была автономной, внешней величиной. Их сближение будет постепенным и произойдет лишь во времена Эсхила [16, с. 36 – 38]. Как указывал В.В. Латышев, только в V веке до н.э. сформируется убеждение, что боги служат представителями нравственных начал и это является для полиса «важным средством обеспечения уважения к гражданским установлениям» [13, с. 15].

Любое начинание в частной и общественной жизни было тесно связано с религией, требовало религиозной легитимации, но, зачастую возникал обратный эффект, когда мифы и пантеон изменялись вместе с политической ситуацией и социально-экономическими переменами. Примером таких структурных изменений в верованиях служит синойкизм [22, с. 85; 25, р. 149 – 150]. – Античными авторами как пример синойкизма весьма подробно описаны реформы Тесея в Афинах (Plut. Thes., 24 – 25; Thuc., II, 14 – 16; Strab., IX, 1, 20), приведшие к объединению населения Аттики вокруг святилища на акрополе в X в. до н.э. [1, с. 237].

Говорить о сознательной корректировке и политизации мифа на стадии протополиса и объединения в городской центр представляется преждевременным. Безусловно, с приходом на Балканский полуостров новых племен региональные мифы меняют свое содержание. – Примером такого регионального мифа может служить предание о Форонее.

Согласно рассказу Павсания (II, 15, 4), Первым человеком в Арголиде был Фороней, его отцом был Инах. Этот Инах вместе с Кефисом и Астерионом (все трое – речные боги) решили спор между Посейдоном и Герой о том, кто будет покровительствовать Арголиде, в пользу Геры. – В этой информации характерно указание божеств олимпийского пантеона. Таким образом, миф возникает после прихода дорийцев. Вместе с тем, предание связывает почитание рек автохтонным населением и ахейские верования с дорийскими: Инах в мифологии выступает как речной бог, сын Океана и Тефиды [9, с. 150 – 152]. Космогонические же представления были во многом заимствованы пришельцами у ахейцев. Итак, «Фороней, сын Инаха, был тем, кто впервые соединил людей в общество, а до тех пор они жили разобщено, каждый сам по себе, и то место, где они впервые собрались, было названо городом Форониконом» (Paus., II, 15, 4). По сообщениям Гигина и Аполлодора, Фороней был первым, кто научил применять огонь, похищенный Прометеем. Позднее он женился на нимфе Кердо, правил всем Пелопоннесом, учредил поклонение Гере. По его смерти, сыновья Пеласг, Иас и Агенор разделили Пелопоннес между собой (Hug. Fab., 143, 274; Apollod., II, 1, 1). Внук Фороней по дочери, Аргос, дал нынешней Арголиде свое имя (Paus., II, 16, 1).

В этом многоплановом мифе присутствует, во-первых, почитание огня автохтонным населением Пелопоннеса, во-вторых, ахейский космогонический элемент: раздел Пелопоннеса между тремя братьями напоминает раздел царства Крона между Зевсом, Посейдоном и Гадесом. А, возможно, он отражает раздел Пелопоннеса на три части, существовавший еще до прихода сюда ахейцев [9, с. 153]. В-третьих, здесь присутствует дорийский элемент – поклонение Гере. Наконец, вполне вероятно, что речь здесь может идти о двух этапах синойкизма: слиянии демонов и основании полиса.

В вопросе о взаимовлиянии гражданской практики и культа в истории древней Греции ключевой является проблема – насколько осознанно эллины трансформировали в первую очередь свою мифологию, а во вторую – обрядовую практику, в связи с изменениями структуры общества и государства.

Дискуссия о соотношении рационального и иррационального в сознании эллинов не завершена, а точки зрения диаметрально

противоположны. Так М. Финли утверждает, что религиозность греков носила исключительно внешний характер и не влияла на политическую жизнь общества. Скорее можно говорить о манипуляции святынями в политических целях [24, р. 26 – 27, 93 – 95]. Однако большинство исследователей склоняются к иной точке зрения. Например, Ч. Сурвину-Инвуд писала: «Религия стала полисной идеологией, сформировала его структуру и наполнила смыслом все его элементы» [28, р. 304]. Сходное положение было высказано Ю.В. Андреевым: «...и в IV в., и ещё позже религия продолжала сохранять свое фундаментальное значение в жизни греческого общества в качестве своего рода духовного стержня, скреплявшего изнутри его основную структурную единицу – полис, и это значение она не утратила до тех пор, пока не прекратил свое существование сам полис» [3, с. 309].

Наиболее вероятным решением проблемы удельного веса рационального и иррационального в эллинском мировоззрении видится подход к греческой религии как сложному, многокомпонентному целому, где наряду с активным, постоянно участвующим в общеэллинских мероприятиях (но численно небольшим) слоем аристократов и *homines novi*, выдвинувшихся из демоса, который как раз и развивает рациональное начало в политике, философии и культуре в целом, присутствует инертная масса крестьянства, сохраняющая традиционные народные верования, которые иррациональны по определению, вплоть до эпохи эллинизма [14, с. 6 – 8].

Как уже было отмечено, религия эллинов характеризуется отсутствием догматов и этим она отличается от современных мировых религий. Роль «священного писания» играла мифологическая традиция, но она догмой вовсе не являлась [19, с. 43]. Безусловным авторитетом для древних греков, в частности, в вопросах воспитания, являлись поэмы Гомера и Гесиода [17, с. 45 – 48], но они не были истиной в последней инстанции. Поэтому греческая мифология находилась в постоянном «движении», трансформируясь вместе с изменениями в общественном сознании.

Уже в произведениях поэтов архаического периода, по времени своего творчества недалеко отстоящих от Гесиода, появляются нотки скепсиса в отношении правдоподобия мифов, изложенных в «Геогонии» и рассказываемых аэдами. Гесиод, в отличие от Го-

мера, делает акцент на роли Зевса, как регулятора справедливости (*δίκη*), отца и защитника богини Дике, персонифицирующей это понятие [16, с. 248]. Однако уже в конце VII века до н.э. Семонид Аморгский (fr.1 West), а чуть позже Феогнид (Theogn. 205 sqq., 373 sqq., 743 sqq.), жалуются на несправедливость богов. Солон сомневается в истинности сказаний ээдов (fr. 21 Diehl), а Стесихор, начиная переработку мифов, успевших стать традиционными, пишет «Палинодию» с новой трактовкой мифа о Елене Прекрасной (Stesich. Fr. 15 – 16 Page). В первой половине V века в одах Пиндара ярко проявляется стремление к переработке мифов на этической основе, где богам оказываются чужды человеческие страсти, как это было у Гомера. «Хула на богов – недоброе ремесло... – восклицает Пиндар, – Будьте, боги, чужды браням и битвам!» (Ol. IX, 30).

Сомнениями в истинности информации ээдов делится логограф Гекатей из Милета, живший на рубеже VI – V веков до н.э. – Свой труд он начинает следующими словами: «Я пишу это так, как это представляется мне истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смехотворны, как мне кажется» (Hecatai. FGrHist.1 F1). И Гекатей предпринимает попытки корректировки мифов, дабы сделать их более правдоподобными. Однако, по замечанию Ф. Виппехта, чудеса в повествовании Гекатея не исчезают полностью, а только уменьшается их количество [31, с. 45]. Этот же подход присущ и Геродоту, а вот Фукидид создает первую профанную историю, в которой стремится происходящее объяснить естественными причинами [19, с. 427 – 428].

С середины VI века до н.э. начинается критика мифологии и отдельных сторон культовой практики философами-досократиками, которые скептически относились к картине мира, нарисованной Гесиодом, и искали «естественного» объяснения существующего миропорядка [10, с. 261 – 264]. При этом Фалес (DK 11 A1, A3, A12b, A23), Анаксимандр (DK 12 A12, A17), Анаксимен (DK 13 A10) и даже Ксенофан (DK 21 A32, B1) не отвергали существования богов [30, р. 88]. Тем более они не планировали, как предполагал В. Йегер, создать новое учение о богах [26, р. 45 – 46]. Их просто не устраивали мифологические схемы Гомера и Гесиода. Хотя, пожалуй, именно Гесиод, систематизировавший мифы о происхождении и взаимоотношениях богов, был предтечей

космогоний философов VI – начала V веков до н.э., пытавшихся объяснить существующий мир с позиций рационализма [26, р. 44].

Причины «ревизии» мифологической традиции, а вслед за ней и культовой практики, следует усматривать в изменениях общественного сознания, в свою очередь вызванных кризисом полиса [8, с. 406; 20, с. 60 – 64], когда все чаще в умах эллинов возникает дилемма: олимпийские боги есть охранители общественной нравственности или они «этически бескачественны» по Гомеру, то есть, не связаны никакими этическими принципами в отношении людей?

Ответ на этот вопрос будут искать мыслители и драматурги V века до н.э., итогом их поисков станет создание новых образов богов Олимпа, которые выступают и носителями высоких моральных качеств, и их охранителями. Внешне облик богов также изменится: со скульптурных изображений богов и героев исчезает полуулыбка, присутствовавшая на лицах статуй богов и героев в архаический период. – По мнению Дж. Тэннера, различие стилей в архаическую и классическую эпохи объясняется не только совершенствованием навыков скульпторов, но и тем обстоятельством, что в архаику как культ, так и изобразительное искусство находились «под контролем» аристократии (controlled and appropriated). Курсы, являвшиеся вотивными посвящениями божествам от знати, намеренно натуралистичны, что, по мнению исследователя, представляет «чувственный базис для взаимоотношений «жертвователю – божество» [29, р. 55 – 70, 84].

К началу классического периода лица божеств «олимпийски» спокойны, им чужды человеческие страсти, боги надличностны, они дистанцированы от человечества [3, с. 154], и эта их удаленность, для верующего, представляется граничащей с безразличием к судьбам мира. Таким образом, цель, поставленная интеллектуалами, была осуществлена – религия и этика были слиты в одно целое, – однако основную массу граждан такой симбиоз вовсе не устроит. – Бедствия Пелопоннесской войны, например эпизод с эпидемией чумы в Афинах, будут восприниматься эллинами если не как божья кара, то уж точно как божественное невнимание. Прямым следствием такой метаморфозы религиозного сознания станет возвращение к иррационализму в вере, поиску пути к спасению, прежде всего, собственной души, обращение к

восточным культам, как то Матери богов, Кибеле, или Сабазису [13, с. 18; 14, с. 166].

Непрерывно надо учитывать насколько глубоко новые представления о богах укоренились в умах эллинов. Трансформация религиозных представлений произошла, прежде всего, среди тогдашних интеллектуалов (не в последнюю очередь под влиянием софистов) [10, с. 274; 20, с. 62 – 63] и, отчасти, среди городских жителей, посещавших театральные представления. Эти две категории граждан и будут поражены «кризисом веры» на рубеже V – IV вв. до н.э. Что касается сельского населения, то среди него продолжали сохраняться традиционные религиозные взгляды [14, с. 8].

Столь резкие изменения в ментальности эллинов происходили на фоне общего кризиса полиса, охватившего все сферы общественного бытия. – Экономическая жизнь конца V – IV века до н.э. характеризовалась интенсивным развитием больших рабовладельческих хозяйств. В городах этот процесс происходил особо активно, где рост крупного ремесленного производства стимулировал развитие торговли и ростовщичества [20, с. 35 – 44]. Лисий в речи «Против хлебных торговцев» указывал на увеличившийся разрыв между состояниями олигархов и граждан полиса, обладающих скромным достатком: «Их интересы (хлеботорговцев – Л.Т.) противоположны интересам других: они всего больше наживаются тогда, когда при известии о каком-нибудь гражданском бедствии продают хлеб по дорогим ценам» (XXII, 14). Закономерным следствием этих процессов стала поляризация собственности. Имущественная дифференциация охватила не только полисы, вроде Афин, чьим основным источником богатства были занятия ремеслом и торговлей, но и аграрные полисы, такие как Спарта. Следствием принятия около 400 года до н.э. закона Эпитадея о свободе дарения и завещания клеров спартиатами, стало резкое сокращение числа граждан до менее чем тысячи (Arist. Pol., II, 6, 10 – 11). В стремительном и резком расслоении общины на богатых и бедных каждая группа граждан была склонна винить противоположную сторону, а не объективный ход вещей. Как указывал Платон, в полисах «заключены два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому»

(Resp., IV, 422e – 423b). Аналогичную картину рисует и Аристотель (Pol., IV, 3, 15).

Обострение социальных противоречий находило свое выражение в самых различных формах. Демос выступал с требованиями передела земли и сложения долгов, которые были так же актуальны в период архаики, что выливалось в стихийные выступления (Plat. Resp., VIII, 566 a–e; Legg., III, 684 d–e; Dem., XVII, 15). Нувориши стремились установить олигархическое правление путем прямого захвата власти (Xen. Hell., III, 2, 27 – 30; III, 3, 12 – 15; Diod., XV, 57 – 58). Характерным признаком накала страстей являлось нарушение религиозных запретов в ходе стасиса. Алкмеониды надолго остались «оскверненными» после Килоновой смуты – их поступок был объявлен вопиющим святотатством. Но после религиозных преступлений Пелопоннесской войны нарушение общеэллинических установлений в сакральной сфере широко распространяется и остается безнаказанным. Так, Ксенофонт приводит пример смуты в Коринфе в 392 г. до н.э., когда на готовящийся заговор аристократов, имевший целью выход из антиспартанской коалиции и вступления в союз со Спартой, демос ответил избением знати (Hell., III, 12 – 13). Зачинщиками стасиса были нарушены сразу несколько религиозных установлений: временем выступления заранее был избран праздник в честь Артемиды, участники были вооружены, а ищущие спасения у алтарей не получили пощады. – Столетием прежде каждый из таких проступков был бы квалифицирован как скверна и лег позором на потомков убийц.

В сфере идеологии характерным признаком грядущих перемен стала аполитичность граждан, коснувшаяся как богатых (что проявилось в уклонении от обременительных литургий), так и бедных. Здесь кажется уместным привести цитату из речи Лисия против Филона, новоизбранного члена Совета 500: «Я утверждаю, что быть членом совета у нас имеет право только тот, кто, будучи гражданином, сверх того еще и желает быть им: для такого человека далеко не безразлично, благоденствует ли наше отечество, или нет, потому что он считает для себя необходимым нести свою долю в его несчастиях, как он имеет её и в его счастьях. А кто хоть и родился гражданином, но держится убеждения, что всякая страна ему отечество, где он имеет средства к жизни, тот, несомненно, с легким сердцем пожертвует благом отечества и бу-

дет преследовать свою личную выгоду, потому что считает своим отечеством не государство, а богатство» (XXX, 5 – 6, пер. С.И. Соболевского).

Недовольство политической нестабильностью и сложившимся порядком вещей подталкивали интеллектуалов к поискам путей совершенствования гражданской общины или альтернативы полису. Сократ, а вслед за ним и младшие софисты, видели путь к спасению в нравственном самосовершенствовании человека. Это будет иметь следствием попытки реформ в сфере образования [17, с. 50 – 51]. Платон и Аристотель разработают проекты идеального полиса [12, с. 3 – 26]. Наконец, в творчестве ораторов прозвучат призывы к панэллинизму и монархическому правлению [20, 62 – 63]. Таким образом, классический полис, как политическая модель, выказал свою несостоятельность на рубеже V – IV вв. до н.э.

Конечно, не всё так однозначно. – Необходимо отметить определенную двойственность позиций философов. С одной стороны, появляются призывы к модификации полиса, традиционные духовные ценности подвергаются критике со стороны софистов, с другой, присутствует реминисценция о высокой духовности граждан прошедших времен, о религиозных устоях полиса, хранителем которых является Дельфийское жречество. Так, для одобрения своих инноваций в политике и экономике, планировали обратиться к пифии Платон (*Resp.*, IV, 427 b–c) и Ксенофонт (*Оес.*, 6, 2 – 3). По-прежнему важен авторитет Дельф для политиков IV века, стремящихся заручиться поддержкой общепризнанного оракула. Ясон Ферский собирався захватить Дельфы и лишь затем начать борьбу за гегемонию в Греции (*Xen. Hell.*, VI, 4, 29–30). Филипп Македонский реализовал планы Ясона и добился протектората в Дельфийской амфикионии на пути к завоеванию Эллады [21, с. 61 – 62].

Проявление первых признаков кризиса, переход от «количественных» изменений в верованиях эллинов к «качественным» произошел в течение второй половины V века до н.э. И.Е. Суриков предлагает интересную концепцию содержания этого кризиса, в основных своих чертах базирующуюся на взглядах М.М. Бахтина, который, в свою очередь, рассматривал проблему «ломки» менталитета при переходе от средневековья к Новому времени [7, с. 402 слл.]. По И.Е. Сурикову, «основным содержанием ментального кризи-

са конца V в. до н.э. была трансформация «вертикальной» ориентации картины мира, запечатлевающейся в мироощущении людей, на её «горизонтальную» ориентацию» [16, с. 20].

Для эпох с «вертикальной» картиной мира свойственно осознание существования строгой космической иерархии и ценностной ориентировки пространства: «пространственным ступеням, идущим снизу вверх, строго соответствовали ценностные ступени. Чем выше ступень элемента на космической лестнице, ...тем лучше этот элемент, тем совершеннее его природа» [7, с. 404]. А «горизонтальная» ориентация означала перевод мира в плоскостной аспект и усиление идеи времени. – Ей соответствует переход к антропоцентризму, когда «мерой всех вещей» становится человек. Соответственно, в «вертикальном» мировосприятии, где человек вписан в иерархию некоего целого (род, община, государство), люди существуют для богов (которые являются наиболее совершенной частью этой системы). А «горизонтальной» картине мира присуща иная точка отсчета – человек, поэтому и боги теперь мыслятся существующими для него. Космическая схема мира переносится на человеческие отношения: для обществ первого типа характерно сословное строение общества и, соответственно, им присущ аристократизм. Для обществ второго типа, где люди «уравниваются» между собой, в качестве социально-политического архетипа выступает эгалитарная демократия [16, с. 20 – 21]. (Правда, исследователь, опираясь на взгляды Ж.-П. Вернана, сразу оговаривается, что вовсе не обязательным было соответствие аристократического строя – «вертикальности», а демократического – «горизонтальности» мировосприятия. Это всего лишь идеальная схема, а реальность была гораздо сложнее и многограннее [30, p. 88].)

Проблему менталитета в архаический и классический периоды истории Греции рассматривал и Ф.Ф. Зелинский, который ввел понятия «филономической» и «онтономической» морали [11, с. 34 слл.]. Они вполне сочетаются со схемой, предложенной И.Е. Суриковым. «Онтономическая» мораль, например, признает самодовлеющую ценность индивида и, будучи связанной с «горизонтальным» менталитетом, порождает индивидуализм и диссонанс в обществе. Именно поэтому «горизонтальной» ментальности соответствует идея эсхатологического бессмертия,

личной ответственности и посмертного воздаяния. Для «вертикальной» ментальности – это идея коллективной ответственности и представления о «биологическом» бессмертии человека и его потомков. В соответствии с этим, для «вертикальных» эпох характерны циклические концепции развития общества, а для «горизонтальных» – концепция линейного прогресса [16, с. 21 – 22].

Сходная концепция трансформации религиозной ментальности предложена Я. Ассманом. Используя его подход к изучению религии Древнего Египта в Первый переходный период [4], представляется возможным говорить о сосуществовании двух проявлений религиозности: имплицитной и эксплицитной, при этом первая все более «размывается» и уступает место второй. Я. Ассман, задавшись вопросом, в каких измерениях мыслится возможным контакт человека с богом, обратился к проблеме зарождения в рамках традиционных религиозных представлений теологического дискурса о сути божества. По его мнению, в египетской религии существует два пласта. – Имплицитная (безотчетная) вера подразумевает традиционные верования, почти не меняющиеся на протяжении веков и не нуждающиеся в каких-либо объяснениях и комментариях. Ей присущи три измерения: локальное, или политическое, когда боги существуют в храме каждого города, вселяются в храмовые изображения, а верующие вступают с ними в контакт посредством ритуальных действий; космическое – богов возможно увидеть, так как они присутствуют в космических телах и природных явлениях; мифологическое – слово и миф есть главные способы установления контакта между верующим и божеством [цит. по: 6, с. 4]. Для Эллады, где темпы общественного развития были гораздо выше, нежели в Египте, имплицитный характер религии сохраняется до конца архаического периода, если мы говорим о наиболее развитых полисах. Для консервативного спартанского общества такой характер верований сохраняется на протяжении V века, а для аграрных полисов Северной Греции даже до конца IV века до н.э. – Н. Нильссон обращает внимание на длительное существование «народной» религии, по существу, имплицитной [14, с. 7 – 8].

Согласно версии Я. Ассмана, после распада Древнего царства, на фоне социального кризиса в сознании людей происходит «теологический дискурс» – сомнение в спра-

ведливости богов. Это приводит к появлению четвертого (эксплицитного) измерения в религии, постепенно вытесняющего имплицитные верования, а в начальной стадии этого процесса – сосуществующего с имплицитными пластами. Итак, дискурс, как оторванный от культовой практики процесс разработки представлений о сути божества, приводит к выработке представления о возможности непосредственного контакта каждого человека с избранным им богом и о моральной ответственности перед ним, то есть к «личному благочестию». В дальнейшем, с вытеснением традиционных (имплицитных) верований, все более распространяется представление о трансцендентности божества [цит. по: 6, с. 4].

Помимо приведенных концепций, объясняющих изменения религиозного сознания, в зависимости от политических и экономических факторов, Х. Тумансом недавно была предложена интересная версия о безусловном приоритете политического сознания над сакральным, проявляющимся, по его мнению, с реформ Клисфена [19]. Предложенная схема выглядит стройной и логичной. Представляется, однако, что в концепции Х. Туманса смещен акцент в сторону чрезмерно быстро проникающего в умы эллинов рационализма и не учитывается инертность и рецидивы общественного сознания.

Приведенные версии эволюции религиозного сознания выглядят несколько прямолинейными и упрощенными. Необходимо учитывать, что реальность была гораздо более многоплановой. Э.Р. Доддс указывал, что религиозное развитие порождает «конгломерат традиций», принципом его развития является не агломерация (беспорядочное развитие), а субституция (замещение). – «Новые верования, – считает Э.Р. Доддс, – очень редко полностью стирают те, что были до них: либо старое живет как элемент нового – иногда как непризнаваемый и почти неосознанный элемент, – либо же оба они сосуществуют бок о бок, хотя, будучи несовместимы с точки зрения логики, в то же время принимаются разными индивидами или даже одним и тем же индивидом» [10, с. 259 – 260].

Все вышесказанное свидетельствует об эволюции религиозного сознания древних греков в сторону рационализации мифологии и, как следствие, усиленного вмешательства гражданской власти в сакральную сферу. Это проявилось, например, в 432 г. до н.э., когда

влиятельный афинский прорицатель Диопиф «внес предложение о том, чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, были привлекаемы к суду как государственные преступники» (Plut. Pericl., 32). При этом не стоит умалять роли, которую религия продолжала играть в общественной и частной жизни, ибо полис продолжал оставаться организацией «насквозь сакрализованной» и количество дней религиозных празднеств составляло не менее двух месяцев в году [13, с. 18; 16, с. 34 – 35, 45].

Подводя итоги, в общих чертах эволюцию верований эллинов в контексте соотношения иррационального и рационального следует разделить на три этапа. Первый, наиболее длительный, начинается с приходом дорийских племен, когда формируется олимпийский пантеон из родовых культов при-

шельцев, наложившихся на ионийские и эолийские верования, и культов божеств, привнесенных с Востока. Этому этапу присуща иррациональность. В конце архаического периода, благодаря развитию натурфилософии в малоазийских полисах и в Великой Греции, происходит постепенная рационализация религиозных взглядов: боги теперь выступают как образцы и блюстители этических норм. Этот этап охватывает время с конца VI века до н.э. до первой трети V века. Кризис полисного мировоззрения, который явственно проявляется в ходе Пелопоннесской войны, знаменует собой начало третьего периода, продолжившегося на протяжении всего IV века, вплоть до возникновения эллинистических государств. Его содержание – в возврате, на качественно ином уровне к иррациональному восприятию богов, которые теперь трансцендентны, и пути их неисповедимы.

Список литературы:

1. Андреев, Ю.В. Начальные этапы становления греческого полиса / Ю.В. Андреев // Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2003. – С. 227 – 244.
2. Андреев, Ю.В. Поэзия мифа и проза истории / Ю.В. Андреев. – Л.: Лениздат, 1990. – 223 с.
3. Андреев, Ю.В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю.В. Андреев. – СПб.: Алетейя, 1999. – 401 с.
4. Ассман, Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации / Я Ассман; пер. с нем. Т.А. Баскаковой. – М.: Присцельс, 1999. – 365 с.
5. Бартошек, А. Златообильные Микены / А. Бартошек; пер. с чешс. О.П. Цыбенко. – М.: Наука, 1991. – 353 с.
6. Баскакова, Т.А. Модели религиозного развития ближневосточных обществ (Ассмановская концепция «теологического дискурса» в Египте и вопрос о её применимости к религиозной истории других ближневосточных обществ II – начала I тысячелетия до н.э.) / Т.А. Баскакова // ВДИ. – 1999. – № 2. – С. 3 – 31.
7. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
8. Глускина, Л.М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам Демосфеновского корпуса / Л.М. Глускина // Демосфен. Речи / отв. ред. Е.С. Голубцова и др.; пер. с греч. В. Г. Боруховича и др. Т.П. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – С. 405 – 467.
9. Грейвс, Р. Мифы древней Греции / Р. Грейвс; пер. с англ. К.П. Лукьяненко. – М.: Прогресс, 1992. – 620 с.
10. Доддс, Э.Р. Греки и иррациональное / Э.Р. Доддс; пер. с англ., коммент. и указатель С.В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
11. Зелинский, Ф.Ф. История античной культуры / Ф.Ф. Зелинский; ред. и прим. С.П. Заикина. 2-е изд. – СПб.: Марс, 1995. – 380 с.
12. Кошеленко, Г.А. Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) / Г.А. Кошеленко // Вестник древней истории. – 1975. – № 1. – С. 3 – 26.
13. Латышев, В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 2: Богослужбные и сценические древности / В.В. Латышев. – СПб.: Алетейя, 1997. – 317 с.
14. Нильссон, М. Греческая народная религия / М. Нильссон; пер. с англ. и указатель С. Клементьевой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 218 с.

15. Сергеева, С.Н. Элевсин и Афины (с нач. II тыс. до VII в. до н.э.) / С.Н. Сергеева // Античный мир, Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / под ред. д-ра ист. наук. И.Я. Фроянова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 84 – 108.
16. Суриков, И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной религии / И.Е. Суриков. – М.: Изд-во ИВИ РАН, 2002. – 304 с.
17. Тарасова, Л.В. От *ἀρετή* к *παιδεία*: сакральные аспекты воспитания гражданина в Древней Греции / Л.В. Тарасова // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 1. – 2017. – С. 45 – 53.
18. Токарев, С.А. Религии в истории народов мира / С.А. Токарев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1976. – 575 с.
19. Туманс, Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Х.Туманс. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2002. – 544 с.
20. Фролов, Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть) / Э.Д. Фролов. – СПб. ИЦ «Гуманитарная академия», 2001. – 602 с.
21. Фролов, Э.Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады / Э.Д. Фролов // ВДИ. – 1974. – № 1. – С. 45 – 63.
22. Фролов, Э.Д. Рождение греческого полиса / Э.Д. Фролов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 232 с.
23. Antonaccio, C.M. An Archaeology of Ancestors: Tomb Cult and Hero Cult in Early Greece / C.M. Antonaccio. – Boston – L.: Rowman & Littlefield Publisher, 1995. – 295 pp.
24. Finley, M.I. Politics in the Ancient World / M.I. Finley. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984. – viii + 152 pp.
25. Hansen, M. The Hellenic Polis / M. Hansen // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures / ed. by M. Hansen. – Copenhagen: Cambridge University Press, 2000. – P. 141 – 188.
26. Jaeger, W. Humanism and Theology. – Milwaukee: Marquette University Press, 1943. – 87 pp.
27. Morris, S.P. Imaginary Kings: Alternatives to Monarchy in Early Greece / S.P. Morris // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / ed. by K. Morgan. – Austin: University of Texas Press, 2003. – P. 1 – 24.
28. Sourvinou-Inwood, Chr. What is Polis Religion? / Chr. Sourvinou-Inwood // The Greek City: From Homer to Alexander / ed. by O. Murrey. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – P. 295 – 322.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

*А.В. Штепа, М.А. Митрушкина***РОЛЬ КАЛУЖСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА В 1921 – 1925 ГГ. В ТРУДАХ М.А. КАСАТКИНА**

В статье основное внимание уделено анализу исторических трудов, принадлежащих известному советскому историку М.А. Касаткину, работавшему в 1960-е – 1980-е гг. в должности ректора Калужского государственного педагогического института им. К.Э. Циолковского по проблеме, связанной с ролью коммунистической партийной организации Калужской губернии, в процессе восстановления разрушенного в ходе революционных событий в России и последующей Гражданской войны народного хозяйства. Хронологически затронут так называемый «восстановительный» период, приходящийся на 1921 – 1925 гг., то есть на время осуществления в нашей стране новой экономической политике. Продемонстрирован вклад М.А. Касаткина в изучение социально-экономической истории Калужской губернии 1920-х гг. Констатируется, введенные М.А. Касаткиным в научный оборот архивные материалы и иные источники, позволили историку достаточно объективно и добросовестно, насколько это было возможно в советскую эпоху осветить процессы восстановления разрушенного народного хозяйства на примере Калужской губернии в условиях отказа от политики «военного коммунизма» и перехода к новой экономической политике, продемонстрировав в этом процессе руководящую роль ВКП (б).

Ключевые слова: М.А. Касаткин; Коммунистическая партия; Новая экономическая политика; Калужская губерния; народное хозяйство; 1921 – 1925 гг.

*A.V. Shtepa, M.A. Mitrushkina,***ROLE OF KALUGA PARTY ORGANIZATION IN RESTORATION OF NATIONAL ECONOMY OF REGION IN 1921 – 1925 IN WORKS BY M.A. KASATKIN**

The article focuses on the analysis of historical works belonging to the famous Soviet historian M.A. Kasatkin, who worked in the 1960s -1980s as the rector of Kaluga State Pedagogical institute named after K.E. Tsiolkovsky at the problem related to the role of the communist party organization of Kaluga province in the process of restoring the national economy destroyed during the revolutionary events in Russia and the subsequent Civil War. There is chronologically touched upon the so-called “recovery period”, which falls on 1921-1925, that is the period of a new economic policy implementation. The contribution of M.A. Kasatkin to the study of the socio-economic history of Kaluga province in the 1920s is demonstrated. It is stated, that the archival materials and other sources introduced by M.A. Kasatkin into scientific circulation, allowed the historian fairly objectively and conscientiously, as far as it was possible in the Soviet era, to highlight the processes of restoration of the destroyed national economy on the example of Kaluga province in the conditions of abandoning the policy of “military communism” and transition to a new economic policy, demonstrating the leadership of All-Union Communist Party of Bolsheviks AUCP (b)

Key words: M.A. Kasatkin; Communist Party; new economic policy; Kaluga province; national economy; 1921 – 1925.

Период новой экономической политики был интересен Михаилу Андреевичу Касаткину, как историку партии. Коллективная монография «Очерки истории Калужской организации КПСС» (далее «Очерки») [9], подготовленная в основном преподавателями Калужского государственного педагогического института была издана в 1967 г. Глава V «Калужская партийная организация в период восстановления народного хозяйства», написанная М.А. Касаткиным занимает в книге 45 страниц и охватывает период с 1921 по 1925 гг.

Источниковую базу при написании данной главы составляют материалы двух фондов Партийного архива Калужского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза (КПСС): фонд 1 (Калужский губернский комитет Российской Коммунистической партии большевиков (РКП(б)) и фонд 7 (Калужская районная контрольная комиссия Всероссийской Коммунистической партии большевиков (ВКП(б))). Михаилом Андреевичем была проделана значительная работа по изучению в общей сложности 10 описей и 29 архивных дел. В настоящее время данные фонды относятся к

Государственному архиву новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО).

Среди печатных изданий широко используются автором «Бюллетени Калужского губернского комитета (губкома) РКП (б)» за 1923 – 1925 гг.; Отчёты Калужского губернского исполнительного комитета (губисполкома) за 1921–1925 гг. и иная отчётная документация. Среди материалов периодической печати привлекались публикации в «Известиях Калужского губкома РКП (б)» за 1921 – 1922 гг., в газете «Коммуна» за 1924 – 1925 гг.

Помимо этого, автор в тексте ссылается на «Полное собрание сочинений» В.И. Ленина [7], а также «Статьи и речи» М.И. Калинина [3].

Окончание Гражданской войны и победа Советской власти повлияли не только на политический строй страны, но и на внутренний порядок. В результате военных действий народное хозяйство страны было разрушено и оказалось на уровне царской России второй половины XIX века [9, с. 146]. Ссылаясь на архивные материалы, М.А. Касаткин приводит данные, отражающие состояние экономики Калужской губернии (губерния существовала до 1929 г., а затем её уезды стали районами Московской, Орловской, Смоленской и Тульской областей). Так, к примеру, из 130 промышленных предприятий губернии в 1920 г. работало всего 66 мелких и средних, посевные площади сократились почти наполовину, а у 1/5 части крестьянских дворов не имелось рабочего скота [9, с. 147].

Автор так же указывает на плачевное состояние народного образования, здравоохранения и культуры. Действительно, 1920-е гг. ознаменовались тяжёлым голодом, прокатившимся по губернии. 5 марта 1919 г. Председателем Жиздринского уездного комитета РКП (б) (Уездкома) Соколовым и его сослуживцами была отправлена телеграмма Ленину о задержке на три месяца положенных продуктов, для работников Уездкома и их семей, в телеграмме описывалась ситуация в губернии «голод, болезни, нет еды, одежды, крестьяне и рабочие недовольны соввластью» [Цит. по: 8, с. 122]. Об этих событиях свидетельствует и Председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) М.И. Калинин: «...В 1920 г. в огромной части России и в особенности той части, в которой бедствие разразилось в огромной степени, урожай был настолько сла-

бый, что он дал крестьянству просуществовать только две недели, а в пяти или четырёх губерниях был прямой голод: в Калужской, Тульской, Орловской, Царицынской (ныне – Волгоградская область – Авт.)» [9, с. 147].

Опираясь на данные партийного архива, М. А. Касаткин приводит факты забастовок на Петровском заводе в Калужской губернии в связи с невыплатой заработной платы, а также факты злонамеренных действий хозяев предприятий [9, с. 148].

Политика военного коммунизма, проводимая в Советской России во время Гражданской войны, не соответствовала условиям мирного времени. Продразвёрстка лишала крестьян стимула к развитию своего хозяйства. Недовольство крестьян политикой, проводимой правительством, могло означать одно – союз крестьянства и рабочего класса может быть подорван. В условиях нарастания контрреволюционных сил этот процесс был очень опасен.

Против Советской власти в то время скрытую деятельность вели контрреволюционеры. В одной только Калуге проживали 312 бывших полицейских и офицеров, 64 кадета, 126 эсеров. Эти данные приводит М.А. Касаткин, ссылаясь на партийный архив Калужского обкома КПСС. Например, в Сухиничском уезде эсеры мешали сбору продовольствия, подстрекали крестьян к выступлениям. Бывшие дворяне мешали мероприятиям Советской власти.

Несмотря ни на что, большинство трудящихся губернии самоотверженно трудились на благо России и поддерживали Советы. Одним из примеров могут быть коммунистические субботники. С 1 марта по 1 ноября 1921 г. в субботниках приняло участие 29 740 жителей губернии [9, с. 149].

В центре внимания партийных органов стояла забота о материально-бытовых условиях трудящихся. В начале 1922 г. заработная плата рабочих превысила уровень 1921 г. на 20%. Улучшались бытовые условия – для рабочих были открыты 2 общежития, выделены участки под огороды.

При этом, большой проблемой в 1921 – 1923 гг. являлась безработица. По данным, которые приводит М.А. Касаткин, число безработных во всей губернии было от 2000 до 6000 человек. От общего населения 1 034 227 [10, с. 46] это число составляет 0,5%. С ростом безработицы советской власти пришлось столкнуться в связи с отменой трудовой повинности. Профсоюзы на местах во главе с

партией принимали меры по расширению производства, тем самым стремились к ликвидации безработицы.

Для перехода к социалистическому строительству партийной организации приходилось преодолевать большие трудности, одним из факторов усложнения работы партийной организации было отсутствие кадров. Партийная организация Калужской губернии в начале 1921 г. насчитывала всего 2773 члена и 563 кандидата в члены партии [4, с. 156]. Но несмотря на недостаток партийных кадров, губернская организация всегда выполняла задания ЦК по партийным мобилизациям. На подавление Кронштадского мятежа из Калужской губернии было направлено 20 человек, среди которых был И. Н. Некрасов, член РКП (б) с июня 1917 г., председатель губернского Совета народного хозяйства, член первого райкома г. Калуги Г. Ф. Иванов, В. А. Трубников, в последствии награжденный часами за выполнение разведзадания [9, с. 151].

Острый характер в Калужской губернской организации носила дискуссия о профсоюзах. В ходе дискуссии В.И. Ленин и его сторонники составили платформу, определившую профсоюзы как «школу управления, школу хозяйничанья» [6, с. 294]. На партийной конференции Калужского уезда основная масса поддержала тезисы В.И. Ленина – было подано 43 голоса, а за тезисы оппозиции – 3. В калужской партийной организации дискуссия закончилась поражением оппозиции и антиленинских групп.

Для переподготовки советских и партийных работников ввиду их молодости и неустойчивых взглядов, в Калуге 23 октября 1920 г. была открыта губернская советская партийная школа (губсовпартшкола) [9, с. 152 – 153], первый выпуск которой насчитывал 175 слушателей. В партийных школах подготовка кадров давала возможность улучшать пропаганду среди населения, проводить митинги, лекции и беседы с населением.

Проводившийся в марте 1921 г. X съезд РКП(б) стал, по мнению М.А. Касаткина, серьезным экзаменом для Калужской губернской организации. Решения съезда ознаменовали собой переход к новой экономической политике, правильно разъяснять которую приходилось коммунистам на местах. Опираясь на материалы газеты «Известия Калужского губкома РКП (б)» М.А. Касаткин приходит к выводу, что советские пропаган-

дисты и агитаторы оказались в трудном положении, для чего Калужская партийная организация стала практиковать беспартийные совещания, конференции, собрания, на которых трудящиеся делали шаги навстречу Компартии.

Калужская партийная организация встала перед лицом больших задач – корректное разъяснение сущности НЭПа, повышение производительности труда на предприятиях, упрочение диктатуры пролетариата.

20 февраля 1922 г. Оргбюро ЦК РКП (б) заслушало доклад о работе Калужского губкома партии и приняло постановление, направленное на улучшение работы губернской партийной организации [9, с. 157].

Первоочередной задачей являлась борьба за восстановление промышленности и транспорта. В связи с тяжёлым положением народного хозяйства в губернии губисполком 2 ноября 1921 г. разделил все промышленные предприятия на три группы. Крупные предприятия из первой категории переводились на хозрасчёт и передавались губернскому СНХ; мелкие сдавались в аренду, а оставшиеся предприятия третьей группы временно закрывались.

К декабрю 1922 г. из 123 национализированных в губернии предприятий было переведено на хозрасчёт – 50, сдано в аренду – 32. Наиболее важные для народного хозяйства 8 предприятий были приняты на республиканский бюджет: бумажные фабрики, чугунолитейные и фанерный заводы [9, с. 157].

Всю работу по восстановлению предприятий промышленности и транспорта взял на себя Совнархоз под руководством и с помощью губернской партийной организации. С марта 1920 г. началось восстановление Думиничского чугунолитейного завода, в 1921 г. был запущен Березичский стекольный завод, отремонтирована Полотняно-Заводская бумажная фабрика – на восстановление промышленности в губернии было выделено полтора миллиарда рублей. М.А. Касаткин, опираясь на «Известия Калужского губкома РКП(б)», приводит интересные факты. В период восстановления народного хозяйства 44 % губернского бюджета шло на нужды промышленности, 28,5 % – на транспорт, а на образование расходовалось всего лишь 2 % [9, с. 159].

В 1923 г. в Калужской губернии развернулось строительство электрических станций. В 1923 г. заработали электрические

станции в с. Боброво Калужского уезда, в совхозах «Бегичево» и «Шушуново» Мещовского уезда, «Жуковка» Мосальского уезда. В феврале 1924 г. дала ток электростанция в с. Угодский Завод, названная именем В. И. Ленина. В том же году была пущена электростанция в с. Льва Толстого, в центральном техникуме Наркомата социального обеспечения [9, с. 161].

На страницах «Очерков» М.А. Касаткин проводит анализ восстановления промышленности в Калужской губернии. Он приводит статистику, которая показывает количество рабочих, число предприятий и стоимость продукции за 1913, 1921 и 1924 гг. Так, в 1913 г. на территории Калужской губернии было 98 предприятий с 10 817 рабочими, а в 1924 – 64 предприятия и 11 836 рабочих. Укрупнение предприятий было характерно в тот период для развития промышленности. Данная статистика приводится автором на основании книги «Калужская область за 40 лет» (Калуга. 1957)».

Наряду с промышленностью губернская парторганизация самое серьёзное внимание уделяла работе Калужского участка Сызрано-Вяземской железной дороги. Здесь были заняты 3967 рабочих и значительная часть служащих. Губком нацеливал партийные организации и всех железнодорожников на улучшение технического содержания транспорта, ремонта железнодорожного парка и обеспечение дороги топливом [9, с. 167].

На калужском участке железной дороге велико было влияние партийных органов среди железнодорожников. Это было обусловлено наличием значительной партийной прослойки среди рабочих. Из 401 члена РКП (б), состоявших на учёте в парторганизациях Сызрано-Вяземской дороги, на калужском участке находилось 222 коммуниста [9, с. 168].

Ещё один раздел «Очерков», написанный М.А. Касаткиным посвящён укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Автор отмечает, что социализм нельзя было строить без трудового крестьянства, составляющего громадное большинство населения страны. Сначала надо было помочь ему восстановить свое хозяйство, чтобы оно полнее удовлетворяло потребности населения в хлебе, а производства – в сырье [9, с. 170].

Важное значение имела агитационная работа на селе, а также помощь в непосредственной организации весеннего сева. Губпосевком решал трудные задачи – обеспечение

посевных площадей семенами после сильного неурожая 1920 г., помощь в уборке урожая. Помощь, оказываемая рабочим классом трудящемуся крестьянству, укрепляла смычку социалистического города с деревней, сплачивала крестьянство вокруг пролетариата, способствовала развитию деревни по социалистическому пути [9, с. 172].

По данным партийного архива Калужского обкома КПСС, приведённым М.А. Касаткиным, можно сделать вывод о положительных результатах продовольственной кампании 1921 г. Для сравнения, в 1920/21 году было собрано 457 709 пудов картофеля, а в 1921/22 г. – 538 629 пудов. Такие возросшие темпы касались и яиц, и зернофуража.

В апреле 1923 г. состоялся XII съезд РКП (б), на котором было принято решение об изменении налоговой системы. По итогам съезда часть натурального обложения крестьян заменялась денежным, а все налоги объединялись в единый прямой сельскохозяйственный налог [1, с. 688 – 689].

Калужская губернская парторганизация, в соответствии с постановлением съезда, провела широкую разъяснительную работу среди трудящихся деревни. Крестьяне с пониманием относились к замене продналога, подворно-денежного единым сельскохозяйственным налогом [8, с. 175].

По данным отчёта губисполкома с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г., на который ссылается М.А. Касаткин, в 1921 г. Калужская губерния получила 240 млн руб., а затем семенную и продовольственную ссуды в целях финансирования мероприятий по развитию сельского хозяйства республики и его социалистическому преобразованию [9, с. 177].

Возрастающая помощь со стороны государства способствовала росту и укреплению торгово-снабженческой кооперации и первых производственных объединений. Торговая кооперация начала расти с 1921 г., когда был создан губернский союз сельскохозяйственной кооперации. За год в губернии был создан 51 первичный кооператив. Только в 1925 г. число пайщиков увеличилось с 10 281 до 49 460 человек [9, с. 178].

В конце 1925 г. комиссия ВЦИК занималась обследованием Калужской губернии. Подводя итоги этой работы, газета «Известия» в номере за 19 декабря 1925 г. писала: «Комиссия отметила ряд достижений губернских советских органов в деле развития сельского хозяйства. За годы революции количе-

ство крупного рогатого скота по губернии по сравнению с 1916 г. увеличилось на 51 %, количество мелкого скота за это же время увеличилось на 70 %. Число безлошадных крестьян составляет 17 %, тогда как по всему СССР число безлошадников в среднем равняется 41 %. Многополье введено в 20 % хозяйств. Комиссия выяснила, что наличие сельхозмашин, плугов в губернии ещё мало и половина всех крестьянских хозяйств пользуется сохами» [9, с. 181].

Несмотря на укрепление союза рабочих и крестьян и упрочение диктатуры пролетариата, в Калужской городской, Тарусской уездной и некоторых других партийных организациях оппозиции удалось получить количественное большинство голосов.

По данным партийного архива в период чистки, проходившей во второй половине 1921 г., из рядов губернской партийной организации было исключено 715 человек. Чистка проходила при большой активности трудящихся. В Мещовской уездной парторганизации было исключено 38% состава, в Козельской – 13%. После чистки губернская партийная организация насчитывала 2779 членов и кандидатов в члены партии, в том числе 687 рабочих и 1084 крестьян [9, с. 184].

В январе 1924 года не стало В. И. Ленина. На смерть своего вождя коммунисты, весь рабочий класс страны ответили новым сплочением вокруг ленинской партии. Это нашло своё отражение и в Калужской губернской парторганизации, которая за апрель – декабрь 1924 г. выросла на 1624 человека [9, с. 184]. Смерть вождя повлияла на рабочих. Примером может служить динамика состава коммунистов на Кондровской и Троицкой бумажных фабриках. Из 3600 рабочих до 1924 г. коммунистов было 12 человек, после смерти В.И. Ленина заявление о вступлении в партию в один день написали 50 человек.

Верным помощником партии выступал комсомол. 200 детей, прибывших в 1921 г. из районов губернии, пострадавших от голода, приняли на своё попечение комсомольцы, активно также участвовавшие в разъяснении решений X съезда партии, в сборе продовольственного налога, ликвидации неграмотности. Только в 1924 г. в губернии было создано 166 новых ячеек, главным образом – на промышленных предприятиях. Удельный вес крестьянской молодежи в губернской организации повысился с 53,1 % до 63,3 % [9, с. 185].

По мнению М.А. Касаткина, историческая заслуга ВКП (б) во главе с В.И. Лениным состоит в том, что она вооружила советский народ научным планом построения социализма, учитывающим экономические и социальные условия страны [9, с. 190].

Важно отметить то, что партия в период восстановления решила ряд важнейших задач – переход к НЭПу, укрепление союза рабочих и крестьян, организовала трудящихся на восстановление народного хозяйства. Калужская парторганизация, в свою очередь, провела значительную работу. Уровень промышленности достиг довоенного, росла урожайность, были заметны успехи в образовании и торговле.

26 октября 1925 г. Оргбюро ЦК РКП (б) на своём заседании заслушало доклад о состоянии Калужской парторганизации. В принятом постановлении ЦК наметил пути улучшения организационно-партийной и воспитательной работы среди коммунистов и всех трудящихся губернии. В решении были определены конкретные меры по улучшению советской, профсоюзной и хозяйственной работы [9, с. 190].

В 1978 г. издаётся коллективный иллюстрированный очерк «История Калужской партийной организации» [2]. В разделе VI приводятся данные, ранее опубликованные М.А. Касаткиным в «Очерках»: о дискуссии о профсоюзах в губернии, строительстве первых электростанций, восстановлении народного хозяйства. Иллюстрированный очерк примечателен редкими фотоматериалами и газетными вырезками, которые создают полную картину времени и способствуют восприятию информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что использованный в трудах М.А. Касаткина архивный материал, документы делопроизводственного характера, статистические сведения, работы лидеров Коммунистической партии, позволили историку насколько это было возможно в советскую эпоху достаточно объективно и добросовестно осветить процессы восстановления разрушенного народного хозяйства на примере Калужской губернии в условиях отказа от политики «военного коммунизма» и перехода к НЭПу, продемонстрировав в этом процессе руководящую роль ВКП (б). В том, что написанные ещё в 1960 – 1970-е гг. «Очерки истории Калужской организации КПСС» и «История Калужской партийной организации: Иллюстрированный очерк», среди авторских коллек-

тивов которых значится М.А. Касаткин не потеряли актуальность и значимость и на сегодняшний день, говорит то факт, что и современные авторы (и др.), обращающиеся к истории Калужской губернии 1920-х гг. внедряя в научный оборот новые архивные данные и используют материалы этих изданий при подготовке новых исторических исследований, таких в частности как коллективная монография «Калужский край в XX веке: исторические очерки», в которой первый параграф Главы III «Калужский край в 1920 –

1930-е гг.: от НЭПа к форсированной модернизации», подготовленный д.и.н., профессором В.Я. Филимоновым как раз и посвящён Калужской губернии в годы нэпа (1921 – 1928 гг.) [5, с. 203 – 229].

Отметим, что научный задел, сделанный М.А. Касаткиным сегодня нацеливает на ещё более углубленное и разностороннее изучение на местном, региональном уровнях сложных исторических процессов, которая переживала советская Россия, а затем и образованный Советский Союз в 1920-е годы.

Список литературы:

1. XII съезд РКП(б). 17 – 25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1968. – 921 с.
 2. История Калужской партийной организации: Иллюстрир. очерк / Т.В. Романова, К.А. Поленков, М.А. Касаткин и др.; Общ. ред. А.П. Бекасова. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1978. – 256 с.
 3. Калинин, М.И. Статьи и речи. 1919–1935 / М. И. Калинин. – М.: Партиздат, 1936. – 463 с.
 4. Кондратьев, Ю.В. Партийное и советское строительство в Калужской губернии в период нэпа: постановка проблемы / Ю.В. Кондратьев // Новая наука: Современное состояние и пути развития. – 2016. – № 11-3. – С. 156-158.
 5. Калужский край в XX веке: исторические очерки / И.Б. Белова и др.; редколлегия В. . Филимонов, М.А. Казак, Д.Э. Миронов. – Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2014. – 416 с.
 6. Ленин, В.И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина / В. И. Ленин // ПСС. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – 605 с.
 7. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. Тт. 41-45, 52, 54. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1963-1970.
 8. Лошманова О.А. Социально-экономическое и политическое положение Калужской губернии в 1918 – 1919 гг. и причины создания частей особого назначения (ЧОН) / О.А. Лошманова // Via in tempore. История. Политология. 2015. №1 (198). – С. 121-125.
 9. Очерки истории Калужской организации КПСС / Общ. ред. А.Ф. Сладкова. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1967. – 410 с.
 10. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1 января 1926 г. – М.: НКВД РСФСР, 1926. – 284 с.
- Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПОЛИТИКА

УДК 327

Н.П. Гаврилюк, Я.В. Гуреев

АСТРОПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается феномен «астрополитики» в историческом и современном контексте. Особое внимание уделено историческим предпосылкам такого феномена, как «космическое противостояние».

Ключевые слова: Астрополитика, постгеополитика, космическая гонка, космонавтика, гонка вооружений.

N.P. Gavriilyuk., Y.V. Gureev

ASTROPOLITICS: HISTORY AND MODERNITY

The article discusses the phenomenon of “astropolitics” in the historical and modern context. Special attention is paid to the historical prerequisites of such a phenomenon as “cosmic confrontation”.

Keywords: Astropolitics, postgeopolitics, space race, cosmonautics, arms race.

Характерной особенностью научного прогресса в сфере освоения космоса всегда являлось политическое противостояние мировых государств. Своё теоретическое и практическое развитие космонавтика получила в XX веке. Данный процесс обусловило такое политическое событие, как начавшаяся «гонка вооружений» между СССР и США. Исследование и эксплуатация космоса уже на протяжении долгого исторического периода является одной из глобальных задач, влияющих на мировую политику и международные отношения.

Двадцатое столетие по праву называется зарей космонавтики. Данная эпоха открыла нам новых гениев, а с ними и новые возможности исследования и эксплуатации космоса человеком. Сначала идеи и способы покорения внеземного пространства рождались в научно-фантастических романах и первых научных трудах. Наш соотечественник К.Э. Циолковский считается отцом всей мировой космонавтики. К.Э. Циолковский, родившись в глухом рязанском селе, первым оформил мечты о далёком космосе в организованную теорию, позволившую человечеству преодолеть оковы Земного тяготения и сделать первые шаги в покорении космического пространства.

Первый этап развития космонавтики охарактеризовался разработкой и созданием ракетной теории. Для полёта в неизведанных неземных пространствах, где нет ни твёрдой, ни жидкой, ни какой-либо другой опоры нужно было создать такой двигатель, который смог бы работать в непривычных условиях. Ракеты, в отличие от двигателей, чело-

вечеству были доступны с далёких времён, со II века нашей эры, когда в Древнем Китае изобрели первые пороховые «огненные стрелы». Не случайно это изобретение имело военное применение. Такую технологию справедливо можно назвать примитивной ракетой. С развитием науки и техники ракетостроение совершенствовалось, находя себе применение исключительно в военном деле до того момента, пока предложением Циолковского использовать ракетные двигатели для полётов в космос не воспользовались в СССР. Циолковский первым изобрёл конструкцию космической ракеты с жидкостным реактивным двигателем. Однако в то время общество не было готово к таким открытиям. Лишь спустя десятилетия, в 1944 г. немецкая жидкостная ракета ФАУ-2 стала первым в истории объектом, совершившим суборбитальный полёт. В то время технологии, связанные с космосом, находили себе применение только там, где государствам требовались военные инновации. Средства выделялись на наращивание силы, на соперничество, но не на науку и мирный прогресс. Циолковский имел все шансы первым запустить искусственный объект в космос, но в его эпоху невоенные космические разработки не находили поддержки. Военная ФАУ-2 легла в основу будущих мирных космических ракет. В 1945 г. С.П. Королёв, в дальнейшем изобретший первую ракету реально способную вывести полезную нагрузку на орбиту Земли, прибыл в Германию для изучения немецкого «оружия возмездия». В это же время, инженера Вернера фон Брауна, создавшего

го ФАУ-2, переправили в Америку, где тот работал над новыми ракетными проектами.

Второй этап характеризовался практическим развитием космонавтики, и был связан с противостоянием между СССР и США. После войны, в 1957 г. советские инженеры на базе межконтинентальной баллистической ракеты «Р-7» разработали ракету-носитель «Спутник», вывешившую на орбиту сделанный буквально за месяц первый искусственный спутник Земли.

4 октября 1957 г. СССР запустил первый в истории человечества искусственный спутник Земли «Спутник-1». Именно с этого события принято отсчитывать такой исторический период, как «Космическая гонка», с момента старта которого в 2022 г. исполняется 65 лет. «Космическая гонка» – это период интенсивного противостояния СССР и США в области покорения космоса. Данный исторический период явился следствием гонки вооружений между двумя военно-политическими блоками, с одной стороны социалистическим лагерем, возглавляемым СССР, с другой стороны капиталистическим лагерем, возглавляемым США. С этого момента космос стал одним из важнейших аспектов «Холодной войны». Окончанием «Космической гонки» принято считать со-

ветско-американскую миссию «Союз – Аполлон» 15 июля 1975 г., давшую старт новому периоду «Космического сотрудничества».

Произошедшее в конце 1950-х гг. эпохальное событие – стартовала космическая эра человечества – ввергло в шок весь мир. Однако, в мире запуск «Спутника-1» восприняли неоднозначно. В СССР он произвёл небывалый подъём гордости за свою страну, в США же представлялся как сильный удар по престижу государства. Приведем отрывок из публикации «United Press», октябрь 1957 г.: «Запуск спутника был огромной победой науки, но ещё более грандиозной победой советской пропаганды было то, что она смогла вострубить всему миру о том, что русские первые преодолели границы космоса» (Рисунок 1). США, которые до этого считались лидером в деле космонавтики, отстали от СССР. Однако мирным это событие назвать нельзя. Соперничая друг с другом, две сверхдержавы боролись за научное первенство в новой неизведанной сфере. Запуск «Спутника-1» дал старт противостоянию Америки и СССР, затронувшему военную, научную, экономическую, политическую и информационную сферы.

Рисунок 1 – Газета «United Press», выпуск октября 1957 г.

В 1958 г. США ответили на вызов и вывели на орбиту спутник «Эксплорер-1», разработанный Фон Брауном, став второй космической державой. С этого момента раз-

витие космонавтики стартовало невиданными ранее темпами. Соревнуясь друг с другом, два соперничающих лагеря запускали всё больше и больше экспедиций в космос. 12

апреля 1961 г. советский лётчик-испытатель Юрий Гагарин стал первым человеком, побывавшим в космосе. Первым на полёт Гагарина в космос отреагировал американский президент Джон Кеннеди, который сразу же выступил с обращением. Поздравления в адрес СССР, сочетались с сожалением, связанным с отставанием американской космонавтики от советской. «Нам понадобится время на то, чтобы догнать конкурентов. И можно предположить, что нас будут ждать и некоторые другие неприятные новости, прежде чем ситуация улучшится», – сказал Кеннеди [2]. А вот что на это заявляли авторитетные западные издания: «Советы победили в космической гонке»; «Коммунист в космосе. Москва готовится встречать героя – космонавта Гагарина» [4]. Космос стал объектом гордости отдельных государств, а не мирового сообщества в целом. Научный прогресс померк под светом противостояния двух мировых систем. Он стал результатом и предметом борьбы.

Всего за два десятилетия был достигнут небывалый прогресс в развитии космонавтики: первая орбитальная станция; первый человек в открытом космосе; первая высадка на Луне и т. д. В то время, как реализовалась миссия «Аполлон-11», в СССР освещали каждый этап первого полёта человека на спутник Земли. Подробно описывая результаты лунного полёта, редакторы газет не чуждались подменять тему науки темой политического противостояния. В качестве примера можно привести фрагменты газеты «Правда»: «Этот невеселый рассказ приводится сейчас среди многих других фактов теми, кто призывает Америку и американцев не забывать про дела земные. <...> Согласно результатам опроса, проведенного институтом общественного мнения Харриса накануне запуска «Аполлона-11», 51% американцев одобряет проект «Аполлона», 41% — против» [3]. По ходу экспедиции экипажа «Аполлона», отношение составителей советских газет к нему менялось в худшую сторону. Вот ещё один фрагмент статьи «В космосе... и на Земле»: «Расовые волнения в Соединенных Штатах продолжают уже не первую неделю и вспыхивают в разных городах, часто во многих одновременно. В городе Йорк в схватках между неграми и полицией убито два человека, в том числе женщина. 26 человек ранены» [3]. Идеологическое противостояние оказалось сильнее, чем научные достижения. Переводя тему с «Аполлона-11» на

расовые волнения, составители газет умело создавали пропагандистский материал. Причем такое наблюдалось с обеих сторон.

Третий этап сопровождался переходом только советской и только американской космонавтики в международную, а также ростом интереса к «мирному космосу». Человечество с тех пор достигло тех пределов освоения космоса, когда одна держава не способна сделать значительное открытие в этом направлении. По этой причине космические программы различных держав постоянно переплетаются и ставят перед собой единые цели. С этого момента темпы освоения космоса человеком замедляются, ограничиваясь теоретическим прогрессом. Появляется первая международная космическая станция, всё больше стран создают свои национальные космические программы. Но эти локальные достижения не сопоставимы с достигнутым в XX веке успехом. На закате XX и заре XIX веков космонавтика освободилась от идеологического противостояния сверхдержав и приобрела так называемый «рыночный» характер, что остановило рост инноваций в данной сфере. С этого периода мировая космонавтика вступила в стадию глубокого кризиса. С 1972 г. США стали неспособны высадить человека на Луну. Повторить свои успехи они собираются только в 2028 г. РФ, только спустя почти полвека после последней миссии советской лунной программы, собирается отправить на спутник Земли аппарат «Луна-25». Как Россия, так и США синхронно с одинаковым временным промежутком в полвека замедлились в развитии космонавтики. Однако сегодня, во времена возрождения политической напряженности между западными державами и Россией космос снова становится объектом политической борьбы, возрождаются проекты по его освоению. Но происходит это в рамках нескольких противоборствующих систем: России, Китая и США. Причем если раньше космическая гонка ограничивалась только национальной космонавтикой, то теперь возрождается кооперация в рамках разных противоборствующих лагерей.

В доказательство данного утверждения можно привести несколько следующих фактов, совпадающих с историческими предпосылками начала космической гонки:

Первый факт. В программе, возглавляемой НАСА, «Lunar Orbital Platform-Gateway», участвуют США, Канада, ЕС и Япония. Ранее предполагалось участие и

России, но из-за разногласий Роскосмос принял решение не участвовать в программе. «Это американский проект с ограниченным участием внешних партнеров» — заявил бывший глава Роскосмоса Дмитрий Рогозин. Позднее в 2021 г. Россия и Китай подписали документы о сотрудничестве в создании международной исследовательской станции на Луне.

Второй факт. Миссия «Венера-Д» намеченная на 2027 – 2029 гг. Планировалось, что это будет совместный российско-американский проект «Венера-Д», однако в сентябре 2020 г. в Роскосмосе заявили, что Россия будет реализовывать его «в качестве независимого национального проекта без широкого привлечения международной кооперации».

Третий факт. После 2024 г. Россия приняла решение заменить участие в МКС на участие в национальной орбитальной станции.

Исследованию темы космоса, как объекта политического противостояния, уделено внимание в работах исследователей: Э. Долмана, А. Арбатова, В. Дворкина. Американский ученый Эверетт Долман в своей статье «Геостратегия в космическую эпоху» впервые употребил термин «астрополитика», применив классическую геополитическую схему к пространству всей Солнечной системы, тем самым обозначив «астрополитику» как «постгеополитику» в условиях развитых космических технологий [5]. В. Дворкин в работе «Космос: оружие, дипломатия, безопасность» [1] обосновывает тот факт, что

США, Россия и Китай заинтересованы в обозримом будущем реализовать имеющийся потенциал милитаризации космического пространства. А. Арбатов в той же работе утверждает, что космические информационные средства и другие вспомогательные системы становятся важнейшим и незаменимым компонентом ведения современных войн. Ряд исследователей сходится во мнении, что в обозримом будущем человечеству откроется новый тип космического противостояния. На сегодняшний день космическое противостояние крайне ограничено современными технологиями. Но, как показывает практика, крупнейшие мировые государства заинтересованы в развитии военных и гражданских космических технологий, ведущих к росту политических амбиций на международной арене.

Таким образом перед современностью встаёт новая проблема политического противостояния в космосе. На протяжении всей истории мировая космонавтика развивалась под воздействием политических амбиций мировых держав. В рамках военного противостояния космическим технологиям всегда придавался особый импульс для их развития, нехарактерный для политически стабильного и мирного времени. Космическое пространство сегодня является одной из наиболее перспективных областей как для международного соперничества, так и сотрудничества. И в скором времени проблема космического противостояния приобретёт новые формы, что доказывает новый виток трансформации из «космонавтики сотрудничества» в «космонавтику противостояния».

Список литературы:

1. Космос: оружие, дипломатия, безопасность / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. – М.: РОССПЭН, 2009. – 175 с.
2. Человек с обложки. Как зарубежные СМИ освещали первый полет человека в космос // Lenta.ru: информационный портал. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/04/11/gagarin/> (дата обращения 23.10.2022 г.)
3. Полёт американцев на Луну: что писали в СССР // Мир фантастики: информационный портал. URL: <https://www.mirf.ru/science/polyot-na-lunu-chto-pisali-v-sssr/> (дата обращения 23.10.2022 г.)
4. «Коммунист в космосе»: зарубежная пресса о триумфе Гагарина // РБК: информационный портал. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/58ee0fef9a7947c6a0abc877> (дата обращения 23.10.2022)
5. Dolman, E.C. Astropolitik: classical geopolitics in the space Age / E.C. Dolman. – London, 2001. – 224 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.827

*Н.П. Гаврилюк, А.Н. Голубева***ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье предпринята попытка проанализировать особенности мер наказания в отношении политических заключенных периода XIX – начала XX веков, а также условий содержания их под стражей. Основной акцент сделан на анализе образа жизни политических заключенных, с учетом совершенного преступления, возраста, местности и т.д. Авторы приводят в качестве примеров законодательные и нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность профильных органов и служб, регламентирующие порядок в местах заключения и т.д.

Ключевые слова: тюремное заключение, политические заключенные, пенитенциарная система Российской империи.

*N.P. Gavriilyuk, A.N. Golubeva***POLITICAL PRISONERS IN RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM OF LATE XIX - EARLY XX CENTURIES**

The article attempts to analyze the features of punishment measures against political prisoners of the period of the 19th - early 20th centuries, as well as the conditions of their detention. The main focus is put on the analysis of the lifestyle of political prisoners, considering the crime committed, age, location, etc. The authors give as examples legislative and regulatory legal acts regulating the activities of relevant bodies and services, regulating the order in places of detention, etc.

Key words: imprisonment, political prisoners, penitentiary system of the Russian Empire.

В течение многих веков перед нашим государством стояла проблема реагирования на преступления общественно-политического характера. Такие преступления ставят под угрозу функционирование государственного аппарата, грозят существованию государственного строя и институтов.

В конце XIX – начале XX вв. происходит смена карательных мер наказания. Тюремное заключение в различных своих формах выходит на первый план, смещая ссылки. Оказавшись за решеткой, политические заключенные пытались сохранить свою самобытность, они были вынуждены приспосабливаться к новому образу жизни в условиях строгого режима заключения с целым рядом ограничений и жесткого контроля. Все это производило глубокий негативный фон, влияющий на личность.

В рассматриваемый период «политические» считались наиболее опасной категорией заключенных для государства. Кто же такие политические заключенные? Под этой категорией заключенных понимаются лица, содержащиеся в местах лишения свободы или находящиеся под следствием по делам о «преступных деяниях государственных», то есть злодеяниях, направленных против существующего государственного строя и закон-

ных представителей власти (император, члены императорского дома) [7, с. 60].

Уголовное законодательство, существовавшее в тот период, не имело точной трактовки преступлений, совершенных против основ общественного строя. Следуя статистике за 1901 – 1903 гг. за оскорбление императора привлекались 11,5% лиц из числа обвиненных за государственные преступления [5, с. 77].

Злодеяния, направленные против государства, можно разделить на 3 группы: 1) причинение вреда внутренней жизнедеятельности государства (образ правления, порядок наследования престола, государственная целостность России); 2) преступления против Государя Российской империи, императорской семьи; 3) посягательства на внешнее бытие государства [7, с. 62]. Стоит отметить, что внешнеполитические преступления практически не совершались. Статистика говорит, что из числа привлекавшихся к обвинению в политических преступлениях на 1901 – 1903 гг. (7796 человек) в государственной измене обвинялись лишь 14 лиц (0,2%) [5, с. 77]. При этом общее количество лиц, привлекавшихся за преступления против внешнеполитического курса Российской империи за период с 1907 по 1912 гг. составляет абсолютное меньшинство – всего 21 человек [6, с. 42].

Вопрос о сроках содержания арестантов четко установлены не были, личность могла содержаться под стражей более года, при чем в этот срок не были включены останки в пересыльных тюрьмах по маршруту следования к месту ссылки.

Основу политзаключенных составляли опытные революционные деятели, а также противники императорского политического курса. Этот центр политических заключенных отличался высоким уровнем интеллекта, лидеры обладали потрясающими ораторскими качествами, а также отличались организаторскими способностями, имели навыки конспирации. Эти качества способствовали успешному ведению теневой организаторской работы, избегая как тяжко наказуемых государственных преступлений, так и тяжелых наказаний за них. Оказавшись под арестом, такие люди пропагандировали свои взгляды, занимались самообразованием, имели свою стратегию поведения с представителями тюремной администрации.

К началу XX века отмечается спад идейности политической тюрьмы и каторги. Это происходит за счет того, что в массах, распространяясь, растут революционные настроения, в результате чего активизируется процесс формирования нового образа революционера – боевика-экспроприатора и политического авантюриста.

После выхода на свободу, бывшие политические заключенные не отказывались от пропаганды своих идеи и были готовы снова преступить закон. Основной причиной рецидива преступности являлось отсутствие у большинства революционеров страха оказаться в заключении из-за своих взглядов. Большинство из них рассчитывали на помощь адвокатов и поддержку среди масс, надеясь на замену тяжелого наказания на более мягкое. Общеизвестным фактом было то, что дисциплина служащих тюремной администрации нередко была достаточно слабой. Освободившись, вчерашние политзаключенные имели авторитет среди своих соратников, считались опытными борцами со сложившимся государственным строем.

Согласно имеющимся данным на 1 июля 1904 г. в тюрьмах 71 губернии и области Российской империи содержалось 2385 политических арестантов. При этом в местах заключения 45 губерний Европейской части России (кроме Санкт-Петербургской, Вятской, Курской, Минской, Подольской и Холмской губерний, а также территорий

Царства Польского, Финляндии и Кавказа) содержалось 1926 политических арестантов, то есть почти 80 % от исходного числа узников [7, с. 67].

В среде политических преступников преобладали лица мужского пола. Так, абсолютное большинство подсудимых за политические преступления на 1901 – 1903 гг. составляли мужчины – 87,5%, против 12,5% из числа женщин [5, с. 53]. Говоря о социально-биографическом портрете политического заключенного, стоит упомянуть и их возраст. Российская дореволюционная юридическая школа заявляла, что политические преступления – дело молодых людей. Если обратиться к статистике можно увидеть, что большинство политических преступников принадлежат к категории мужчин возраста до 30 лет. Так, согласно данным Е.Н. Тарновского, в 1884 – 1890 гг. моложе 30-летнего возраста были 77,4% лиц, привлеченных к дознанию за государственные преступления [5, с. 56 – 57].

Среди политических заключенных традиционно отмечается большое количество представителей высшего общества, что стало следствием российского освободительного движения периода начала XIX века.

К концу XIX в. наблюдается изменение классового состава политзаключенных. Представителей высших сословий становится значительно меньше. Это происходило за счет роста представительства более низких сословий (крестьянства, мещанства).

С одной стороны, такое изменение можно охарактеризовать «демократизацией политического движения», а с другой – сменой взглядов либеральной интеллигенции, что можно наблюдать в период Первой мировой войны.

Пенитенциарная система Российской империи развивалась весьма неоднозначно. К концу XIX века сложилась система, при которой тюрьма выходит на первый план среди карательных мер самодержавия.

Политические заключенные содержались в тюрьмах на несколько иных условиях относительно зафиксированных в законодательных актах, в сравнении с другими категориями заключенных.

Одним из первых особых нормативов стал циркуляр № 240 «Временные правила о содержании и пересылке политически неблагонадежных, предназначенных к ссылке», датированный 13 июля 1880 г. Основу содержания циркуляра составили правила содер-

жания и этапирования политзаключенных. Так, предусматривалось перемещение заключенных в наручниках, исключением не стали и лица, принадлежащие к привилегированному сословию.

Другим законодательным актом, закрепляющим условия содержания политзаключенных, стали «Правила содержания политических арестантов в губернских и уездных замках и пересыльных тюрьмах», установленные 29 февраля 1886 г. По этому документу устанавливалась цензура на литературу, поступающую к политическим заключенным. Так, для чтения допускались лишь произведения серьезного содержания и научные труды, а для лиц, которые были приговорены к работам на каторге дальнейшие ограничения усиливались, таким осужденным была доступна, как правило, только литература духовно-нравственного содержания.

В 1904 г. Министерством юстиции были приняты «Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов». Исходя из текста этого документа, совместное содержание политических заключенных было невозможно. Для дознаний, или следственных действий предполагалось помещение заключенных в одиночные камеры, политзаключенные должны были находиться в изоляции от других категорий заключенных.

Подходы властных структур к содержанию политзаключенных в исследуемый период можно условно разделить на два этапа: *первый этап* (1860 – 1905 гг.) характеризуется привилегированным положением политических над уголовными заключенными. Им было позволено пользование личными вещами (один комплект своей одежды и нижнего белья, обуви, некоторые элементы постельных принадлежностей), в определенные дни политарестанты имели возможность купить необходимые предметы обихода, не запрещенные в тюрьме (чайники, миски, бумага, мыльные принадлежности и др.).

Политические заключенные освобождались от тюремных хозяйственных работ, если они не находились в каторжной тюрьме,

однако поддерживать чистоту в своих камерах они были обязаны.

До начала репрессий 1909 – 1910 гг. среди политических заключенных существовало самоуправление. В некоторых каторжных тюрьмах складывались даже своеобразные «конституции». Дела с тюремной администрацией решались через старосту.

Второй этап датируется 1905 годом, что связано со смещением фокуса правительства на усмирение революции. Однако контролировать политические тюрьмы долгое время не удавалось (до 1909 – 1911 гг.), усмирить же революционеров не получилось и до 1917 года.

Так, например, в одной из тюрем Ростова в 1900-е гг. в одиночных камерах (в которых могли размещаться двое или трое заключенных ввиду отсутствия мест) политзаключенные продолжительное время проводили у окон, общаясь с родственниками, а вечером было распространено пение хором [3, с. 165].

Локерман пишет, что возможность первого свидания появилась лишь спустя 10 месяцев после ареста. Свидания делились на 2 типа: «личные» и «общие». Личные проводились в отдельных камерах под присмотром дежурного, а общие же проводились в одной комнате, где заключенные размещались в клетках, от посетителей их отделяли две решетки.

В стенах тюремного учреждения велась активная переписка среди заключенных посредством книг, которые выдавались из библиотеки. Иная форма общения – перестукивание с соседями. С воли заключенные получали записки через книги, через продукты питания, или же при личных свиданиях.

М.Н. Гернет отмечает, что политические заключенные пытались улучшить свое положение в тюрьме. В течение многих лет велась борьба и лишь к 1880 г. удалось добиться смягчения режима.

Подводя итоги, стоит отметить, что политзаключенные в период с 1860 по 1917 гг. могли бороться за улучшение своего положения и отмечались прецеденты успешной борьбы.

Список литературы:

1. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы / М.Н. Гернет. Т. 3: 1870–1900. 3-е изд. – М.: Голосиздат, 1961 – 430 с.
2. Катин-Ярцев, В.Н. В тюрьме и ссылке / В.Н. Катин-Ярцев // Каторга и ссылка. – 1925. – № 2 (15). – С. 183 – 211.

3. Локерман, А. По царским тюрьмам / А. Локерман // Каторга и ссылка. – 1926. – № 1 (22). – С. 163 – 182.
4. Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / Люблинский П.И. – СПб.: Сенат. тип., 1906. – 711 с.
5. Тарновский, Е.Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных / Е.Н. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 4. – С. 50 – 99.
6. Тарновский, Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905 – 1912 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1915. – № 10. – С. 37 – 69.
7. Шебалков, С.В. Повседневность политических заключенных в тюремных учреждениях Российской империи 1879 – 1917 гг.: на материалах губерний Европейской части страны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. В. Шебалков. – Казань, 2017. – 325 с.
8. Шебалков, С. В. Специфика политических преступлений в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и система наказаний за их совершение / С. В. Шебалков // Молодой ученый. – 2013. – № 4 (51). – С. 465 – 469.
9. Ядов. Бутырки / Ядов // Каторга и ссылка. – 1923. – № 6. – С. 154 – 166.
10. Ядов. Тюремные сидельцы / Ядов // Каторга и ссылка. – 1923. – № 5. – С. 214 – 229.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94 (55)

*В.В. Курков, Д.О. Лапшина***ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА: ИСТОРИЯ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Статья посвящена анализу истории развития иранской ядерной программы и ее связи с политической обстановкой в Иране и регионе в целом. Авторы уделяют важное внимание идеологической составляющей стратегии формирования ядерной программы Исламской Республики Иран и анализируют актуальные оценки, последствия и перспективы иранских ядерных разработок на фоне проблематики современных международных отношений.

Ключевые слова: Иран; международные отношения; ядерная программа Ирана; МАГАТЭ; США; Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД).

*V.V. Kurkov D.O. Lapshina***EVOLUTION OF IRAN NUCLEAR PROGRAM: HISTORY, ASSESSMENT, PROSPECTS**

The article is devoted to the analysis of the history of the Iranian nuclear program development and its relationship with the political situation in Iran and the region as a whole. The authors pay great attention to the ideological component of the strategy for the formation of the nuclear program of the Islamic Republic of Iran and analyze the actual assessments, consequences and prospects of Iranian nuclear developments against the background of the problems of modern international relations.

Key words: Iran; international relations; Iranian nuclear program; IAEA; USA; Joint Comprehensive Action Plan (JCPOA).

Ядерная программа Исламской Республики Иран является на сегодняшний день одной из центральных тем в мировой политике. В схеме ее реализации лежит множество аспектов, начиная с амбиций Ирана на Ближнем Востоке и заканчивая идеологическим и политическим противостоянием с Западом. Ядерный статус Ирана и технологическая база для разработки ядерного оружия на протяжении десятилетий являются центром международных обсуждений, вызывая противоречивые оценки со стороны мировых лидеров. В настоящее время идут споры о том, на какой политический риск Иран может решиться, чтобы обрести «латентный» статус ядерной державы через овладение полным набором всех научно-технических условий для производства ядерного оружия.

Внешняя политика ИРИ находится в прямой зависимости от ядерного вопроса с начала 2000-х гг.: с момента включения Ирана в «ось зла» из стран с террористической и ядерной угрозой администрацией президента США Джорджа Буша мл. Однако в иранской истории разработки ядерной энергетики начались еще в середине XX века, при шахском режиме.

Первые научные шаги Ирана в области ядерных исследований были сделаны сразу вслед за заключением в 1957 г. соглашения с

США о мирном взаимодействии в развитии атомной энергетики по программе «Атомы для мира» [11, с. 71]. Шах Моххамед Реза Пехлеви строил внешнюю политику с опорой на доброжелательные отношения с Западом, в надежде на перспективное сотрудничество в сфере ядерной энергетики. 1950 – 1970-е гг. отметились рядом взаимных визитов и подписанием нескольких международных актов об ограничении вооружения. В 1958 г. шах включил свою страну в состав МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии). В начале 1960-х гг. иранский монарх присоединился к договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и воде. В 1970 г. Моххамед Реза Пехлеви присоединяется и к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Позже лидером Ирана был подписан еще ряд международных актов, затрагивающих сферу атомной энергетики, таких как Договор о всеобъемлющих гарантиях и дополнительное соглашение о содействии инспекциям МАГАТЭ на иранских атомных объектах.

Одновременно с этим, в Иране начал реализовываться план становления атомной индустрии на базе сотрудничества с западными государствами. По совместно разработанному проекту было предусмотрено строительство более 20 ядерных реакторов, часть из

которых доставлялась бы из США, а часть из Франции и ФРГ [11, с. 71].

Благодаря помощи США в организации подготовки молодых иранских специалистов в 1970-е гг. наблюдается значительный приток в Иран высококвалифицированных специалистов, в крупнейших вузах страны возникли кафедры и лаборатории, специализирующиеся на ядерных технологиях, что формирует иранскую национальную научную базу для реализации проектов, намеченных шахом Пехлеви [5, с. 82 – 83].

Анализируя политику западных стран в отношении Ирана, можно заметить, что администрация президента США Дж. Картера всячески содействовала иранской инициативе, поэтому в 1977 г. было заключено американо-иранское соглашение об обмене технологиями в ядерной области и взаимном обеспечении атомной безопасности. Годом позже США закрепили за Ираном статус «наиболее благоприятствуемой нации» в области переработки отработанного топлива, что было санкционировано особым нормативным актом [5, с. 83 – 84]. Еще одним важным этапом в развитии ядерной промышленности стало создание в 1974 г. Организации по ядерной энергии Ирана (ОАЭИ). Однако произошедшая в 1979 г. революция и смена власти в Иране поставила точку в серии плодотворных сотрудничества по реализации ядерных проектов.

Исламская революция служит отправной точкой нового этапа ядерной программы ИРИ. Отношения с США и западными странами стали напряженными, попытки новой власти восстановить строительство АЭС были безуспешны. Вашингтон пристально следил за тем, чтобы и другие страны, к которым Тегеран обращался за помощью, не соглашались на сотрудничество в ядерной области.

Рассматривая иранскую ядерную программу как часть внешней политики Ирана необходимо обозначить ее идеологический аспект. После революции 1979 г. шиитское духовенство превратило ислам в главную и единственную идеологию ИРИ, что определило, как всю жизнь иранского социума, так и важнейшие особенности политических решений, принимаемых революционным руководством во главе с аятоллой Хомейни. Высший руководитель Ирана – рахбар – это одновременно и высший религиозный и духовный авторитет (с 1989 г. эту должность занимает аятолла Али Хаменеи) [9, 34]. Его

позиция по ядерному вопросу имеет решающее значение при планировании внешнеполитической стратегии и выстраивании международных отношений.

Хаменеи считает, что ядерная программа Ирана воплощает основные лозунги исламской революции и продолжает их развитие. Длительное время, до публичного оглашения амбициозных ядерных планов Ирана в 2002 г., Хаменеи постоянно подчеркивал значимость прогресса в сфере НТР для будущего развития ИРИ и без устали называл, преодоление «научной отсталости» основной целью в развитии страны [9, 34 – 35]. Религиозный и политический лидер Ирана, прямо говорил о прямой зависимости между национальными научными исследованиями и реальной политической независимостью. Именно поэтому, по мнению Хаменеи, США пытаются ограничить ядерные разработки Ирана – они боятся, что это способствует укреплению независимости ИРИ на мировой арене в экономической и политической сфере [9, с. 34 – 35].

В начальный период существования ИРИ господствовали антизападные лозунги, порождавшие и негативное отношение к модернизации в целом, что привело к военнотехническому кризису в иранской армии и к полнейшему параличу всех атомно-энергетических предприятий, строившихся в шахскую эпоху. Свою роль здесь сыграл и большой отток новейших специалистов в области атомной энергетики [5, с. 84].

Санкции, введенные Соединенными Штатами Америки, вскоре усугубили ситуацию – ядерная программа Ирана осталась без спонсирования со стороны большей части государств. Иран оказался не способен к развитию ядерной отрасли самостоятельно. В связи с этим, Тегеран в начале 1980-х гг. приступил к налаживанию отношений с Советским Союзом и Китаем чтобы обрести новых союзников, в том числе и в научно-технической сфере. На пике ирано-иракской войны в 1984 г. в ИРИ был открыт национальный Центр ядерных исследований в г. Исфahan, вскоре оснащенный необходимым набором всего, что требовалось для обогащения урана. Это стало возможным для Ирана только при прямой помощи и поставках урана из КНР [5, с. 85]. Советский Союз в конце 1980-х также проявлял интерес к иранской ядерной программе, однако распад СССР и образование РФ перечеркнуло надежды Ирана на помощь с этой стороны.

Восстановить работы по реализации ядерной программы Ирану удалось лишь в 1990-е гг. Во многом этому способствовала ирано-иракская война, завершившаяся в 1988 г. и повлекшая за собой множество ракетных атак на крупнейшие иранские города и повреждение Бушерской АЭС. К тому же, соседние страны активно вели разработки в военно-атомной промышленности, а это, по мнению иранских властей, могло привести к потере лидерства на Ближнем Востоке.

Как можно заметить, в 1990-е гг. новый революционный Иран полностью отказался от сотрудничества в атомной сфере со старыми партнерами – Америкой и ЕС, и сконцентрировался на менее развитых научно и экономически, но зато более сговорчивых в политическом плане Пакистане и КНР. Одновременно, пользуясь ситуацией после развала СССР, Иран настойчиво пытается на постсоветском пространстве заполучить технологии, материалы и экспертов в ядерной области, прежде всего: ресурсы для обогащения урана, производства тяжелой воды и строительства реакторов [2, с. 88].

Начало 2000-х гг. отмечается как период наиболее острого обсуждения и противостояния международных сил по вопросу иранской ядерной программы. В 2003 и 2004 гг. МАГАТЭ было начато изучение незадекларированных действий иранского руководства, были обнаружены многочисленные нарушения заключенных ранее актов касательно ядерной промышленности. В связи с этим, в 2005 г. руководство МАГАТЭ принимает документ, официально подтверждающий факт несомненного нарушения иранской стороной международного соглашения, подписанного 15 мая 1974 г.

В итоге летом 2006 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1696, предупреждавшая о намерении принять в отношении ИРИ необходимые меры в связи с возникающей «угрозой международной безопасности» (ст. 41 главы VII Устава ООН), в том случае, если Иран продолжит нарушать взятые на себя обязательства в отношении МАГАТЭ, и в первую очередь не приостановит обогащение урана. Иран не внял предупреждению со стороны ООН, и вскоре Совет Безопасности принимает решение о введении санкций в отношении ИРИ [2, с. 90].

К дальнейшей эскалации напряженности вокруг Ирана на фоне санкций приводит и смена власти в ИРИ – когда на пост прези-

дента в 2005 г. приходит М. Ахмадинежад, отличавшийся крайним радикализмом. Он взял курс на обострение отношений с США и Израилем, продолжение ядерной программы, и оказание масштабной помощи террористическим организациям Хезболла и ХАМАС [11, с. 75]. Кроме того, в 2008 г. сенатом США была принята резолюция, согласно которой осуществлялись меры по блокированию возможности ИРИ производить ядерное оружие [6, с. 46]. В дальнейшем администрация Б. Обамы усиливала меры по борьбе с иранскими разработками в сфере ядерной энергетики, апеллируя к тому, что это дестабилизирует обстановку на всем Ближнем Востоке и служит примером для других стран в регионе. Опасность с точки зрения США вызывала также возможность передачи технологий террористическим группировкам.

Власти ИРИ, тем не менее, продолжали настаивать на том, что ядерная программа имеет лишь экономические цели и они не планируют в перспективе разрабатывать свое ядерное оружие. Собственное обоснование необходимости развития ядерной промышленности представил в 2003 г. вице-президент Ирана Реза Агазаде. Он утверждал, что «Иран рассматривает приобретение, разработку и применение ядерных вооружений как антигуманные, аморальные, незаконные действия, которые противоречат самим принципам человечности. Им нет места в оборонительной доктрине Ирана. Они не улучшают безопасность Ирана и не помогают избавиться от оружия массового уничтожения (ОМУ – Авт.) на Ближнем Востоке, а именно это соответствует высшим интересам ИРИ» [10, с. 113].

Перспективы новых, более мирных отношений для Ирана, США и всего мирового сообщества наметились после того, как к власти в ИРИ перешел прагматично настроенный Хасан Рухани, который стал проводить более умеренный курс, чем его предшественники. Почти сразу после своего назначения, Рухани выразил намерение наладить отношения с западными странами, одновременно позволяя Ирану восстановить и укрепить свои позиции на международной арене [1, с. 275].

Во многом благодаря мирным инициативам Рухани в 2015 г., наконец-то, было подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе. Представители шести ведущих держав мира: РФ, США, Германия, Великобри-

тания, Франция, КНР, фактически стали гарантами данного соглашения, согласно положениям которого Иран обязался прекратить обогащение урана на 25 лет, одновременно вывозя из государства старые запасы, а также демонтировать военные ядерные объекты. МАГАТЭ по соглашению был предоставлен доступ ко всем ядерным объектам ИРИ с целью отслеживания развития ядерной программы исключительно в мирных целях [3, с. 121]. Заключение СВПД дало надежду для мирового сообщества на свертывание ядерной программы Ирана и его восстановление в качестве одного из легальных игроков на Ближнем Востоке и международной арене.

В обмен на выполнение Ираном обязательств соглашения, страны шестерки согласились начать проводить меры по отмене санкций, постепенно снимая ограничения, наложенные Советом Безопасности ООН. СБ ООН поддержал данное решение, а также подчеркнул, что Совместный всеобъемлющий план действий будет способствовать развитию новых экономических и торговых связей и сотрудничества государств с ИРИ [8, с. 104].

В качестве первых результатов реализации плана можно отметить улучшение отношений Ирана со странами ЕС в экономической, политической и энергетической сферах, вопросах миграции, антитеррористической деятельности, безопасности. Также важно подчеркнуть, что намерения Евросоюза выходили за рамки внешнеполитической сферы, носили стратегический характер и затрагивали в том числе внутреннюю политику ИРИ. В мае 2016 г. Европейской комиссией был подписан Документ действий о сотрудничестве с Иранской Республикой в сфере безопасности, в соответствии с которым Ирану выделялись средства для реализации проектов по ядерной безопасности и осуществления испытаний на Бушерской АЭС [8, с. 105].

Новый виток противоречий вокруг иранской ядерной программы начался с заявления президента США Дональда Трампа о намерении выйти из СВПД в 2017 г. и последующим за этим официальным декларированием одностороннего выхода Соединенных Штатов Америки из соглашения с планированием восстановления отмененных до этого санкций. Свое решение Трамп объяснял возросшей террористической угрозой и агрессивным поведением иранской стороны [4, с. 200]. Выход США из соглашения можно рас-

считать как серьезный удар по международной политике нераспространения ядерного оружия и стимул для укрепления плодотворной почвы для амбиций стран Ближнего Востока в отношении ядерного оружия [12, с. 22 – 23].

Европейские страны в ответ на действия США выразили Ирану поддержку в выполнении обязательств СВПД и подчеркнули необходимость сохранения достигнутого диалога с ИРИ для продолжения торгово-экономических связей. Лидеры стран Западной Европы призвали всех участников сделки выделить средства для закупок иранских нефтепродуктов, предоставления Ирану финансовых услуг и рассмотреть возможность перехода на расчеты в евро вместо доллара [4, с. 200].

Характеризуя позицию России по данному вопросу, можно отметить, что российская сторона заявила о непреклонности своих намерений в выполнении планов СВПД независимо от иницируемых другими государствами действий по отмене соглашения. Сохранению сотрудничества в области ядерной энергетики между Ираном и Россией способствовал также факт изоляции обеих стран на международном рынке и накладываемых санкций со стороны США.

2018 – 2019 гг. стали периодом усугубления конфликта между США и Ираном, приведшим в итоге к заявлению президента Ирана Рухани о приостановлении выполнения некоторых обязательств СВПД, главным образом из-за антииранской политики Соединенных Штатов Америки. В дальнейшем вероятность ужесточения ответных мер на политику США и опасность полного запрета на контроль над ядерными разработками со стороны МАГАТЭ возросла.

В апреле – мае 2019 г. США провели ряд мероприятий, направленных на оказание максимального давления на Иран. Это заявление Трампа о необходимости определить как террористическую организацию (со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями) иранский Корпус стражей исламской революции, отмена исключения из санкций за покупку иранской нефти для некоторых стран, введение новых санкций против металлургической отрасли Ирана [8, с. 105]. В ноябре 2019 г. в докладе руководства МАГАТЭ было задекларировано обнаружение в Иране природного урана антропогенного происхождения, в месте, не заявленном МАГАТЭ, это событие вызвало новую кри-

тику СВПД с американской стороны [7, с. 77 – 78].

Все вышеперечисленные события затрудняли процесс выполнения Ираном обязательств по ядерному соглашению, и эта тенденция привела к паузе в иранской «ядерной сделке». В январе 2020 г. стало известно, что Иран отказывается от последнего ограничения СВПД, что означает полный выход ИРИ из соглашения. Тем не менее, как позднее пояснил президент Исламской Республики Хасан Рухани, Иран готов вернуться к соблюдению всех условий ядерного соглашения при условии, что и другие стороны соглашения выполняют свои обязательства. Рухани подчеркнул, что Иран надеется на восстановление отношений с США в случае смены там президента. В связи с победой на выборах в США демократа Джо Байдена вероятность смены курса в отношении иранской ядерной сделки возросла.

Лидеры нескольких государств (в частности, Израиля) выражают свои опасения относительно возрастающей ядерной угрозы со стороны Ирана, если статус иранских разработок продолжит существовать вне юрисдикции МАГАТЭ и без ограничений СВПД.

Среди наиболее опасных последствий изоляции Ирана можно выделить увеличение объемов обогащения урана и строительство

новых заводов по его производству, не подчиненных контролю МАГАТЭ. Исходя из этого, следует ожидать скорого решения новой администрации Соединенных Штатов Америки по иранскому ядерному вопросу. Подытоживая все вышесказанное можно сделать вывод, что ядерная программа Ирана прямым образом влияет на проведение курса его внешней политики, а также на ситуацию на международной арене в целом, и в ближневосточном регионе в частности, вызывая кризис региональных отношений и закладывая в политику стран региона конфликтный потенциал. На сегодняшний день ситуация вокруг ядерных амбиций Ирана и СВПД уже явно переросла рамки только атомной сферы и стала одной из центральных международных проблем, имеющих не только региональное, но и мировое значение. От характера будущих действий стран зависит состояние международной безопасности, а также роль международных организаций в урегулировании проблем глобального и регионального характера. Выходом из данной ситуации на современном этапе видится коллективное участие как государств ЕС, США и России, так и стран Ближнего Востока в дипломатическом урегулировании иранского ядерного вопроса.

Список литературы:

1. Виноградов, Р.Ф. Влияние сделки по ядерной программе Ирана на расстановку сил в регионе Ближнего Востока: новый вызов внешней политике США / Р.Ф. Виноградов // Управленческое консультирование. – 2016. – № 4 (88). – С. 274 – 280.
2. Гришаева Л.Е. ООН, Россия и «иранская ядерная угроза» / Л.Е. Гришаева // Новый исторический вестник. – 2008. – № 18. – С. 86 – 97.
3. Ивкина, Н.В., Пойда, А.А. Позиция американских мозговых центров по ядерной программе Ирана / Н.В. Ивкина, А.А. Пойда // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – №3. – С. 118-125.
4. Калбаси, Р.А. Перспективы российско-иранских отношений в ядерной сфере / Р.А. Колбаси // Проблемы постсоветского пространства. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 195 – 202.
5. Кораев, Т. К. Ядерная программа Ирана: прошлое и настоящее / Т.К. Кораев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2010. – № 2. – С. 82 – 90.
6. Кортоев, Р.Ю. О некоторых аспектах американской внешней политики в отношении Исламской Республики Иран в начале XXI века / Р.Ю. Кортоев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 3. – С. 44 – 50.
7. Косарев, В.А. Развитие ситуации вокруг ядерной программы Ирана: МАГАТЭ, региональный аспект / В.А. Косарев // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 6 (57). – С. 70 – 94.
8. Косарев, В.А. Ситуация вокруг ядерной программы Ирана / В.А. Косарев // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 3 (54). – С. 101 – 126.
9. Ногмов, А.М. Ядерная программа Ирана: идеологический аспект / А.М. Ногмов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2013. – №1. – С. 34-38.

10. Рябцев, В.Н. Ядерная программа Ирана и запад / В.Н. Рябцев // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – № 3. – С. 106 – 162.

11. Топычканов, П. В. Устинова, Ю.В. К вопросу о перспективах создания второй «Исламской бомбы»: сравнение внешних факторов развития ядерных программ Пакистана и Ирана / П.В. Топычканов, Ю.В. Устинова // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 3. – С. 65 – 79.

12. Шенин, С.Ю., Голуб, Ю.Г. Судьба иранской сделки: Д. Трамп и группы интересов / С.Ю. Шенин, Ю.Г. Голуб // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2019. – № 2. – С. 5 – 23.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 339.97

*Нгуен Тхи Тхао Куинь, Курков В.В.***ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»
В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

В статье рассматривается проблема влияния современной напряженной политической ситуации обусловленной конфликтом России и Запада на перспективы развития китайского глобального проекта «Шелковый путь» известного также как инициатива «Один пояс, один путь». В статье анализируются причины кризиса глобальной цепочки поставок товаров и сбоев в мировой транспортной системе. Из-за этих трудностей новый глобальный мультимодальный транспортный проект Китая приобретает все перспективы выступить в качестве эффективного решения транспортной проблемы. Авторами представлены проблемные аспекты как на пути реализации глобальной инициативы КНР, так и вызовы со стороны китайского проекта для транспортной системы РФ.

Ключевые слова: проект «Шелковый путь», мультимодальные транспортные коридоры, Северный морской путь, Транссиб, БАМ.

*Nguyen Thi Thao Quynh, Kurkov V.V.***PROSPECTS OF CHINESE GLOBAL PROJECT “SILK ROAD” IN MODERN POLITICAL CONDITIONS.**

The article deals with the problem of the influence of the current tense political situation caused by the conflict between Russia and the West on the prospects for the development of the Chinese global “Silk Road” project, also known as the «One Belt, One Road» initiative. The article analyzes the causes of the crisis in the global supply chain of goods and disruptions in the global transport system. Because of these difficulties, China's new global multimodal transport project has every prospect of acting as an effective solution to the transport problem. The authors present the problematic aspects both on the way to the implementation of the global initiative of the PRC, and the challenges from the Chinese project for the transport system of the Russian Federation.

Key words: “Silk Road” project, multimodal transport corridors, Northern Sea Route, Trans-Siberian Railway, BAM.

С момента вспышки пандемии Covid 19, когда большинство стран внедрили политику изоляции страны для противодействия эпидемии, глобальный сектор судоходства, авиационного и железнодорожного сообщения был нарушен и стал более сложным, чем когда-либо. Глобальная поставка товаров прерывается и дорожает. Дефицит товаров в Америке и Европе стал реальностью. К концу 2021 г. ситуация несколько улучшилась, но в начале 2022 г. военно-политический кризис в отношениях между Россией и Украиной снова приводит к ухудшению экономической ситуации во всем мире. Санкции, введенные США, ЕС, Японией и рядом других стран в экономической, политической и дипломатической областях в целом дестабилизируют мировую экономику. В итоге, логистические цепочки поставок товаров через Россию в Европу и Азию оказались под угрозой. Санкции, закрывающие порты и воздушное пространство, прерывающие импорт и экспорт

энергонасителей и продовольствия, привели к тому, что многие страны столкнулись с нарастающими экономическими трудностями. В частности, Европа сталкивается с серьезной перспективой нехватки топлива и энергии, продовольственный кризис грозит странам Северной Африки и Ближнего Востока, которые зависят от экспорта пшеницы из России и Украины, а мировые цены на доставку резко выросли из-за изменения маршрутов поставок, обусловленных необходимостью избегать территории России. Поэтому самым насущным решением для мировой экономики является возобновление глобальной цепочки транспортных поставок, гарантирующей возможность оперативно преодолевать дефицит товаров, прежде всего – энергонасителей и продуктов питания. В этой ситуации глобальный проект Китая «Шелковый путь» станет эффективным решением для возрождения мировой транспортной отрасли. При существующей в на-

стоящее время сложной экономической и политической ситуации, уже сделанные китайской стороной уверенные шаги к реализации данного проекта, предоставляют КНР возможность ускорить осуществление одного из самых амбициозных экономических глобальных проектов современности, в том числе и за счет политического лавирования в конфликте между Западом и Россией. Преимущества проекта «Шелковый путь» в случае его полного, или хотя бы частичного завершения, для КНР и мировой экономики будут означать решение проблемы актуального спроса на поставки товаров и значительное снижение транспортных расходов.

Планируя надежно соединить КНР со странами Центральной Азии, а через территорию РФ обеспечить выход на порты Балтийского моря, глобальный проект «Шелковый путь», широко известный также как «Один пояс, один путь», призван объединить стремительно развивающийся регион Восточной Азии с европейскими странами, рынками ЕС и, по сути, должен стать трансфером потенциала экономического роста между цивилизациями Востока и Запада. Более того, данный проект призван через страны Центральной и Западной Азии соединить Китай с регионами Персидского залива и Средиземного моря, а посредством сухопутных и морских путей с регионами Юго-Восточной и Южной Азии. Морской вариант «Шелкового пути» должен пройти из Китая в страны ЕС через воды Южно-Китайского моря и Индийского океана, или же через Южно-Китайское море и южную часть Тихого океана [9, с. 5]. Уже в 2017 г. глобальный китайский проект включал 29 стран [6, с. 18]. По мнению китайских экспертов, проект охватит страны с населением более 4 млрд человек и ВВП около 21 трлн. долларов США, что соответствует 65% населения и 30% мировой экономики.

Важнейшими условиями, которые призваны гарантировать реализацию столь масштабного проекта являются – неуклонное движение человечества к «многополярному миру», глобализация современной экономики на фоне все более активного внедрения информационных технологий в транспортной сфере. В то же время проект «Шелковый путь» разработан с целью «уважения культурных различий». В частности, данный глобальный проект ориентирован на развитие культурных контактов призванных обеспечить достижение взаимопонимания между

разными народами, усвоение ими «взаимного доверия и уважения», чтобы в конечном итоге «жить в мире, согласии и достатке для взаимного развития» [12].

Согласно комментарий чиновника Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики, официальная цель глобального проекта «Шелковый путь» это ускорение экономического развития западных и центральных провинций Китая, открытие этой части КНР для торговли с внешним миром, обеспечение устойчивого положения восточной Азии в мировой экономике и, в конечном итоге, превращение региональных торговых связей Китая во всемирную систему стран с «общностью интересов, развития и ответственности» [13, р. 5 – 6].

Самую серьезную обеспокоенность у китайских лидеров вызывает возможность того, что данный глобальный проект КНР может быть истолкован как проявление исключительно корыстных и сугубо национальных интересов Китая. По заверениям Си Цзиньпина, сделанным в плане пояса доктрины Ассоциации Наций с общей судьбой и той роли, которую призван сыграть в ней проект «Шелковый путь», КНР обязуется неуклонно соблюдать принцип обязательных консультаций, взаимного вклада и взаимной выгоды со всеми странами через территорию которых должен пройти новый «Шелковый путь». Китай гарантирует открытый и инклюзивный характер программ развития, предусмотренных данным проектом. По образному выражению китайских политиков, это проект должен явиться миру в качестве настоящего хора с участием всех стран, расположенных вдоль «Шелкового пути», а не соло одного Китая [14].

Проект «Шелковый путь» разработан Китаем на основе механизма работы мультимодальной транспортно-технологической системы (ТТС), которая способна осуществлять выбор наиболее оптимальных вариантов транспортных средств для доставки любых грузов с наименьшими материальными и временными затратами в рамках межконтинентального транзита с использованием преимуществ всех видов транспорта [5, с. 68 – 69]. Исследования показали, что с учетом энергопотребления на единицу продукции тонна-миля (или тонна-км) водный транспорт является самым дешевым из-за его большого тоннажа. Поэтому в проекте «Шелковый путь» Китай строит транспортную структуру,

сочетающую водные и железные дороги, т.е. оба вида транспорта.

Китай видит уникальный транспортный потенциал Транссибирской магистрали, от которой идут перспективные транспортные пути не только в сфере товаров и продовольствия, но и в сфере энергетики, связи и технологий. Так, столь разные экономические районы как мегаполис Пекин, Северо-Западный Китай, Казахстан и Средняя Азия и даже Афганистан, уже активно используют такие важные пограничные перевалочные пункты как г. Забайкальск (РФ), г. Дружба (Казахстан), г. Термез (Узбекистан) и морской порт и паромный терминал Усть-Луга (РФ) на Балтийском море. При этом воды Балтики открывают широкие перспективы для оптимального с точки зрения временных и денежных затрат выхода китайских товаров на рынки ЕС за счет сочетания информационных технологий и перевозок мультимодального типа основанного на сочетании морских паромов и шаттлов большой вместимости.

Помимо планирования использования наиболее оптимальных видов транспорта (морского и железнодорожного), в китайском глобальном проекте для удешевления затрат на перевозку товаров обязательным требованием становится минимальный прогон порожних автомашин и связанного с ними оборудования: контейнеров и прицепов. В итоге в проекте «Шелковый путь», предполагается:

1. Объединение в общий транспортно-технологический коридор идущих на Запад транзитных грузов из не имеющих выхода к морю глубинных провинций КНР и встречного потока импортных товаров из западноевропейских стран, США и Канады (с трансатлантической перевалкой в портах ЕС) через Сибирь и страны Центральной Азии

2. Оптимальное сочетание преимуществ морского, железнодорожного и автомобильного транспорта с использованием кратчайших трансконтинентальных географических расстояний при одновременном создании единых транспортно-логистических центров на всем пути следования призванных обеспечить максимальную эффективность и способность к конкуренции с крупнотоннажными судами-контейнеровозами, идущими в западноевропейские порты через Суэцкий Канал.

Чтобы реализовать этот проект наиболее благоприятным образом, Китай воспользовался всеми доступными дипломатическими

инструментами в отношениях со странами Центральной Азии и Среднего Востока, такими как Пакистан, Афганистан и Туркменистан [11, с. 20 – 23].

До последнего времени китайско-пакистанский экономический коридор представлял собой комплекс преимущественно пакистанских проектов пространственно-регионального развития, представляющих транспортную сферу, а также связь, телекоммуникацию, логистику, энергетику, и сельское хозяйство. Крупнейший собственно китайский проект в данном транспортном коридоре – Каракорумское шоссе, построенное к 1986 г. по древнему маршруту исторического «Шелкового пути» – самое высокогорное автомобильное шоссе в мире.

Пакистан располагает относительно хорошо развитой сетью автомобильных и железнодорожных магистралей, унаследованную еще со времен британского колониального владычества. На 2022 г. заявлено пять совместных китайско-пакистанских проектов в сфере автоперевозок и три проекта в сфере региональных железных дорог. Китай и Пакистан также прилагают усилия для модернизации и восстановления автомагистралей, таких как Каракорум, Пешавар – Исламабад – Лахор (это проект автомагистрали протяженностью 1100 км). Одновременно существующие дороги планируется дополнить магистральями вдоль долины р. Инд к побережью Аравийского моря, и соответственно открывающей китайским товарам путь к Индийскому океану. А также дорогой, идущей вдоль границы с Афганистаном: Исламабад – Кветта – Гвадар, выходящей к морскому побережью вблизи Оманского залива, фактически – на подступах к Ормузскому проливу, морским воротам, ведущим в Персидский залив. Помимо этого, КНР планирует и модернизацию 1800-километровой железнодорожной линии Пешавар – Исламабад – Лахор – Карачи имеющей протяженность в 1800 км. и опять же обеспечивающей выход к Аравийскому морю. Все это открывает огромные перспективы, для перемещения китайских грузов в Южную Азию и регион Индийского океана.

С другой стороны, в Афганистане Китай принимает меры по укреплению дипломатических отношений, а также участвует в усилиях по стабилизации экономики и политики в этой стране. Через проект «Шелковый путь» Китай является связующим звеном и лидером, призывающим целый ряд стран к

активному участию в совместном развитии и стабилизации общерегиональной ситуации вокруг Афганистана, в котором власть вновь захватили талибы. Наглядным примером является проект строительства трансафганского газопровода ТАПИ при сотрудничестве и участии четырех стран: Туркменистан, Афганистан, Индия и Пакистан. Это помогает странам-участницам не только получить необходимые выгоды, но и стабилизировать ситуацию в регионе. Фактически в Афганистане только Китай достаточно много инвестировал в добычу полезных ископаемых, промышленные объекты и транспорт. Через эту страну в рамках проекта «Шелковый путь» планируется создать новые маршруты для быстрой перевозки грузов из Юго-Восточной Азии в Европу и обратно, что напрямую повлияет на финансовые обороты торговых компаний. Предполагается, что производство, взаимозаменяемость технологий и товаров, позитивное экономическое развитие провинций Центрального и Западного Китая создаст там соответствующую инфраструктуру для содействия занятости. Транспортировка товаров из этих регионов КНР через страны Центральной Азии и Афганистан одновременно позволит Китаю получить удобный доступ к месторождениям полезных ископаемых региона и более дешевой рабочей силе в будущем.

Помимо транзита через страны Центральной Азии, для Китая огромная территория России является перспективным транспортным маршрутом для выхода на богатый рынок ЕС. РФ, Украина, Польша и Беларусь не раз выражали надежду стать частью Нового Евразийского моста, который в основном завязан на железнодорожном транспорте. Китайско-российские отношения рассматривают «взаимное развитие» как важную цель национального сотрудничества и характеризуются устойчивой положительной динамикой. В сфере экономики – торговли двусторонний товарооборот между Россией и Китаем в 2020 г. достиг 107,77 млрд долларов США, превышая отметку в 100 млрд долларов США уже в течении трех лет. Китай является крупнейшим торговым партнером России 12 лет подряд (2009 – 2021 гг.). В целях развития двусторонней торговли обе стороны продвигают платежи в местных валютах (что особенно актуально для РФ в условиях западных санкций), еще до настоящего конфликта РФ с западными странами оплата двустороннего торгового оборота с

КНР долларами США сокращалась с почти 90 % в 2015 г. до 51 % в 2019 г. Благодаря общим усилиям России и Китая инфраструктура двустороннего сообщения активно и всесторонне пропагандируется [10, с. 14]. Введены в эксплуатацию нефте- и газопроводы между двумя странами, введен в эксплуатацию проект по производству сжиженного природного газа (СПГ) «Ямал», успешно завершены железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян и мост пограничной скоростной автомагистрали Хэйхэ – Благовещенск. Многие автомобильные и железнодорожные торговые пути между Китаем и Россией развернуты для ускорения движения товаров.

Однако в отношении России, китайский проект «Шелковый путь», одновременно означает расширение китайского влияния в Центральной Азии, угрозу монополии РФ на экспорт энергоносителей, и, фактически, пошаговое вытеснение России из ее традиционной и чрезвычайно важной зоны геополитического влияния. В этой связи отечественные исследователи уже не раз поднимали вопрос о различных аспектах конкурентного столкновения интересов РФ и КНР [1, с. 84 – 93].

В частности, возникает конфликт интересов между двумя проектами: «Шелковый путь» (инициированный Китаем) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС, инициированный Россией) – оба нацелены на постсоветское пространство, в котором Центральная Азия будет самым сложным узлом для развязки. В то время как Китай построил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с участием почти 60 стран и ведущих экономических держав для реализации плана по созданию гигантской, синхронной и современной инфраструктурной системы, ЕАЭС стремится только воссоединить постсоветские «слабые экономики» во главе с Россией. Поэтому в долгосрочной перспективе Россия с большой долей вероятности будет продвигать собственную геоэкономическую инициативу (ЕАЭС) для дальнейшего закрепления своего влияния в странах, некогда входивших в состав СССР (Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия). Эти российские партнеры вряд ли будут соблюдать западные санкции, и ЕАЭС придется полагаться на торговый режим, который в первую очередь касается российского рубля. Вполне вероятно, что

Россия будет настаивать на создании регионального валютного союза – идею, которую президент России Путин, президент Белоруссии Лукашенко и другие лидеры продвигали годами. ЕАЭС придется расширять сотрудничество и торговлю с теми, кто еще заинтересован в отношениях с Россией. Однако Россия по-прежнему уделяет большое внимание сферам экономики, торговли и сотрудничества с Китаем. Тем более, что в сложившейся ситуации Россия изолирована и ограничена США и Европой во многих аспектах, поэтому РФ неизбежно реализует стратегию «Идти на Восток», расширяя отношения со странами Востока, прежде всего с Китаем.

На этом политическом фоне, повышается актуальность нового и уже реализованного транспортного коридора из РФ через Казахстан и Туркмению к портам Персидского залива. Это трансближневосточная железная дорога, связавшая Россию с Ираном через казахскую и туркменскую территорию. Время доставки из Сибири и Урала в страны Ближнего Востока сократится на 4 дня. Это прекрасная возможность сократить расходы и время транспортировки, повышая конкурентоспособность по сравнению с другими маршрутами доставки.

Однако для перевозки грузов из Китая в Индийский океан есть еще более выгодные перспективы использования территории Афганистана и Пакистана [11, с. 20 – 23]. В связи с этим Китай по-прежнему прилагает усилия по урегулированию противоречий между Афганистаном и Пакистаном, наращивает реализацию проектов, в которых могут участвовать две страны. В настоящее время заявлено около 20 проектов в энергетическом и промышленном секторах общей мощностью более 11 000 МВт и большинство из них реализованы или находятся на стадии завершения. Применительно к Пакистану здесь следует отметить строительства угольной электростанции в Карачи мощностью 1320 МВт и аналогичной станции в Сахивале, запуск нескольких ветряных электростанций в Джимпире (50 и 100 МВт), энергетический комплекс из системы ТЭЦ и угольного разреза в Таре, где открытым способом планируется выйти на высокие показатели производственной мощности. Если Китай сможет воспользоваться этим потенциалом, связав вышеуказанные энергетические преимущества с Каспийским энергетическим проектом или энергетическими компаниями в Турмениста-

не, это откроет новые перспективы для КНР на рынке энергоносителей за счет нефти и газа Казахстана и Туркмении [3, с. 2]. Перспектива усиления геополитической конкуренции России и Китая требует внимательно анализа в условиях современного политического кризиса и нарастания новых санкций и ограничений для РФ, которые одновременно буквально травмируют мировую глобальную транспортную систему, веками подстраивавшуюся под экономические интересы Запада, но в настоящее время получившую вызов с Востока в виде китайского глобального проекта «Шелковый путь».

Несмотря на целый ряд преимуществ, проект «Шелковый путь» по-прежнему сталкивается со многими трудностями, в большей степени – политического характера:

- политическая и социальная нестабильность Афганистана, в котором вновь установлен режим талибов и, одновременно, угроза талибанизации соседнего Пакистана;

- геополитическое противостояние Пакистана и Индии, обладающих ядерным и ракетным оружием и протекающее на фоне аналогичного противоборства Индии и КНР;

- угроза дестабилизации постсоветских режимов в Центральной Азии – трагические события в начале 2022 г. в самой успешной в экономическом отношении республике данного региона – в Казахстане, наглядно продемонстрировали данную тревожную тенденцию;

- и главное – обострение в самых разных областях геополитического противостояния США и КНР: от торговой войны до осложнений вокруг Тайваня. Именно американо-китайские противоречия по оценкам современных исследователей являются решающим фактором в судьбе проекта «Шелковый путь» [4, с. 9].

Одновременно, амбициозный глобальный проект Китая порождает и серьезные вызовы для Российской Федерации, особенно актуальные в условиях современного конфликта России с Западом и переориентацией российской экономики на Восток:

- ряд, казалось бы, технических вопросов, однако способных привести к стратегическим провалам, или успехам: логистическая проблематика как вызов для всей российской инфраструктуры со стороны китайского проекта «Шелковый путь» [8];

- актуальная проблема определения новой стратегической роли традиционных российских морских и железнодорожных транс-

портных артерий (Северный морской путь, Транссиб, БАМ), которые исторически занимали выдающееся место в отечественной экономике, но теперь могут оказаться либо в русле, либо на обочине глобального китайского проекта [1, с. 19 – 20; 2, с. 12 – 16]. Отечественные исследователи закономерно ставят вопрос – сойдутся ли транспортные коридоры РФ и КНР? Насколько Китай заинтересован в использовании российского Транссиба? Или КНР выгоднее прокладывать транспортные маршруты по своей территории, а далее – через Казахстан? [10, с. 16];

– сложная дипломатическая борьба между РФ и США в условиях современного кон-

фликта за влияние на позицию Китая (прежде всего – в отношении антироссийских санкций) на фоне широких возможностей для политических маневров КНР в этой ситуации.

Таким образом глобальная инициатива Китая «Шелковый путь» (или «Один пояс, один путь») в обстановке противоборства России и Запада сохраняет устойчивый потенциал для успешной реализации, несмотря на новые вызовы современности и является важнейшим фактором способным определить развитие как российской, так и мировой транспортной инфраструктуры.

Список литературы:

1. Арапова, Е.Я. Морской шелковый путь XXI века против Северного морского пути: угрозы и возможности / Е.А. Арапова // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. – 2014. – №4. – С.84-93.

2. Быкадыров, С.А., Кибалов, Е.Б. Транссиб и БАМ: системный взгляд на проблему повышения конкурентоспособности / С.А. Быкадыров, Е.Б. Кибалов // ЭКО. Т.46. – 2016. – №1. – С. 5 – 25.

3. Гворыс, В., Крутиков, В.К., Якунина, М.В. Перспективы равноправного партнерства в рамках глобального проекта «шелкового пути» / В. Гворыс, В.К. Крутиков, М.В. Якунина // Калужский экономический вестник. – 2017. – № 2. – С. 1 – 3.

4. Жильцов, С.С. Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс – один путь» / С.С. Жильцов // Вестник Дипломатической Академии МИД. Россия и мир. – 2021. – № 4 (30). – С. 207 – 216.

5. Збарашенко, В.С. Мегалогистическая интермодальная транспортно-технологическая система Германия – Россия – Центральная Азия – Афганистан – Китай / В.С. Збарашенко // Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 1 (2). – С. 68 – 69.

6. Кичигина, И.М. «Один пояс – один путь»: северные амбиции Китая или «Ледяной шелковый путь» / И.М. Кичигина // Российско-китайские исследования. Т. 5. – 2021. – № 1. – С. 16 – 24.

7. Кулинцев, Ю. Внешнеполитические итоги первого этапа реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии / Ю. Кулинцев // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 5 – 11.

8. Строганов, А.О. Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Сайт Центра Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) / А.О. Строганов. URL: <http://rusrand.ru/analytics/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike> (дата обращения 23.10.2022)

9. Сунь, Сюэнь. Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в контексте реализации инициативы «Пояс и Путь» / Сунь Сюэнь // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – №6. – С. 5 – 15.

10. Уянов, С. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией / С. Уянов // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 8 – 21.

11. Шарипов, Ф.Ф., Дьяконова, М.А. Китай и Афганистан в рамках нового шелкового пути / Ф.Ф. Шарипов // Вестн. Университета. – 2018. – № 5. – С. 20 – 23.

12. Swaine, M.D. Chinese views and commentary on the «One belt, one road» initiative / M.D. Swaine // China leadership monitor; – 2015 – № 47. URL: <http://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm47ms.pdf> (дата обращения 23.10.2022 г.)

13. Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21 st Century Maritime Silk Road / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Commerce of the People’s Republic of China. – Beijing, – 2015. – March. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-03/28/c_134105858.htm (дата обращения 23.10.2022 г.)

14. Xi, Jinping. Towards a Community of Common Destiny and a new future for Asia / Xi Jinping // Speech Boao forum for Asia annual conference, – 2015 – March 28. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm (дата обращения 23.10.2022 г.)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПРАВО

УДК 347.941

А. Ю. Александров

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена проблеме обеспечения доступности правосудия по гражданским делам на стадии возбуждения производства по делу в суде первой инстанции. Рассмотрение проблемных аспектов предлагается осуществлять исходя из требований построения идеальной правовой конструкции. Автор утверждает, что действующее процессуальное законодательство в части обеспечения доступности правосудия не в полной мере соответствует идеальной правовой конструкции и нуждается в совершенствовании. В частности, автор предлагает внести в действующее процессуальное законодательство, регулирующие институты подведомственности и подсудности, отказа в приеме и возвращение искового заявления, соответствующие изменения, призванные по мнению автора решить ряд негативных проблем и обеспечить более высокий уровень доступности правосудия по гражданским делам.

Ключевые слова: право на судебную защиту, право на предъявление иска, возбуждение производства по делу, обеспечение доступности правосудия, подведомственность и подсудность, отказ в возбуждении производства по делу, возвращение искового заявления.

A. Yu. Alexandrov

PROBLEM OF ENSURING AVAILABILITY OF JUSTICE AT STAGE OF INITIATION OF PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEDURES

The article is devoted to the problem of ensuring the availability of justice in civil cases at the stage of initiation of proceedings in the court of first instance. Consideration of the problematic aspects is proposed to be carried out based on the requirements of building an ideal legal structure. The author claims that the current procedural legislation in terms of ensuring the availability of justice does not fully correspond to the ideal legal structure and needs to be improved. In particular, the author proposes to make appropriate changes in the current procedural legislation regulating the institutions of jurisdiction and suability, refusal to accept and returning a statement of claim, designed, in the author's opinion, to solve a number of negative problems and ensure a higher level of availability of justice in civil cases.

Key words: right to judicial protection, right to filing a claim, initiation of proceedings in a case, ensuring the availability of justice, jurisdiction and suability, refusal in initiating proceedings in a case, returning the statement of claim.

Обеспечение доступности правосудия – вопрос многогранный и объемный. К сожалению, ограниченные рамки статьи предоставляют возможность остановиться лишь на отдельных проблемных, по мнению автора, аспектах обеспечения доступности правосудия в гражданском судопроизводстве исключительно на стадии возбуждения производства по делу.

Справедливости ради следует заметить, что не все авторы признают возбуждение производства по делу отдельной и самостоятельной стадией гражданского процесса, тем не менее, не вызывает сомнения утверждение о том, что возбуждение производства по делу «запускает» механизм реализации права на судебную защиту, позволяя создать условия для успешной реализации целей и задач гра-

жданского судопроизводства.

Судебная защита есть основополагающее условие правовой защищенности, как совокупности не только наличия самих прав и свобод, но и эффективного механизма их защиты в том числе юрисдикционными формами. При этом сам правовой механизм судебной защиты должен отвечать требованиям справедливости, что повышает эффективность правосудия.

Юрисдикционный механизм защиты субъективного права и охраняемого законом интереса должен строиться на основе соблюдения принципа идеальной правовой конструкции. Только такой подход обеспечит эффективную судебную защиту нарушенного субъективного права в полной мере. К сожалению, представленная арбитражным и гра-

жданским процессуальным законодательством правовая конструкция не может быть признана идеальной. В связи с чем проблема обеспечения доступности правосудия была и остается актуальным предметом научного исследования.

Свое внимание вопросам обеспечения доступности правосудия уделяли внимание такие видные отечественные процессуалисты дореволюционной России, как Н.А. Буцковский, Е.В. Васильевский, А. Загорский, Е.А. Нефедьев, В.А. Рязановский, И.М. Тютрюмов, Д.С. Флексор, И.Е. Энгельман, Т.М. Яблочков, а также исследователи гражданского процессуального права советского и современного периодов: А.Т. Боннер, Р.Е. Гукасян, М.А. Гурвич, В.М. Жуйков, А.Ф. Клейнман, Т.Г. Морщакова, Г.Л. Осокина, В.К. Пучинский, М.К. Треушников, П.Я. Трубников, Д.А. Туманов, Д.А. Фурсов, Д.М. Чечот, М.С. Шакарян, В.Ф. Яковлев, В.В. Ярков и др.

В российской научной юридической литературе, актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации встречаются словосочетания, имеющие синонимическое понимание доступности правосудия, в частности: доступность судебной защиты, доступ к правосудию, доступ к судебной защите.

Анализируя в контексте приведенные выше словосочетания, приходим к выводу, что под доступностью правосудия, в том или ином виде, понимается гарантированная законом возможность для заинтересованных лиц инициировать судебный процесс с целью получить судебную защиту посредством вынесения законного и обоснованного судебного акта.

По мнению автора такой подход не совсем верен, поскольку внимание акцентируется прежде всего не на доступности, как таковой, а на гарантированном законом праве на судебную защиту путем предъявления иска. Именно такой вывод напрашивается при системном толковании положений ст. 46, 47, 48 Конституции Российской Федерации.

Аналогичные положения содержатся в нормах международного права. Из смысла ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует, что каждый имеет право на справедливое рассмотрение спора о его гражданских правах беспристрастным и независимым судом, публично и в разумный срок.

Справедливости ради отметим, что от-

дельные акты Европейского Суда по правам человека содержат выводы о том, что при обращении в суд за защитой нарушенного субъективного права не должны иметь место чрезмерные препятствия как правового, так и практического характера, что, собственно, и есть доступность правосудия, по смыслу авторских рассуждений.

Следует подчеркнуть, что действующее процессуальное законодательство Российской Федерации в части обеспечения доступности правосудия не только не уступает общеевропейским требованиям, но подчас и превосходит их, а необходимость совершенствования механизма обеспечения доступности правосудия по гражданско-правовым делам обусловлена спецификой и потребностью исключительно российского общества, а не как не европейскими, или общемировыми стандартами.

Положив в основу рассуждений принцип правовой определенности, сущность которого заключается прежде всего в четкости и ясности правовых норм, устойчивости судебных актов, отвечающих требованиям законности и обоснованности, и в свою очередь обеспечивающих стабильность правоотношений, можно сделать вывод о том, что лицо, нуждающееся в судебной защите, не может предвидеть всех правовых последствий применения им действующих норм права даже в разумных пределах, что лишает его возможности выбора того или иного варианта поведения.

Полагаю, что полемические рассуждения не могут считаться исключительно теоретическими, поскольку ясность и однозначность в обсуждаемом вопросе напрямую определяет функционирование собственно судебной власти и формирует принципиальные подходы законодательной власти при издании нормативных актов, регулирующих судопроизводство.

В этимологическом понимании «доступность» есть посильность, т. е. легкость, элементарность, простота, несложность, необременительность.

Зададимся вопросом: насколько легко, просто, несложно и необременительно возбудить производство по гражданскому делу?

Анализ действующего процессуального законодательства Российской Федерации привел автора к выводу о наличии процессуальных сложностей, препятствующих реализации права на возбуждение производства по делу в суде первой инстанции, и прежде все-

го, и имеющих отношение к институту подведомственности и подсудности.

Проблема разграничения дел между судами согласно подведомственности и подсудности не является сугубо российской и свойственна судебным системам всех стран.

Как известно, судебная система России состоит из Конституционного суда, арбитражных судов и судов общей юрисдикции, в связи с чем одним из основополагающих вопросов при возбуждении производства по делу является соблюдение требований подведомственности и подсудности.

Считаю, что институт подведомственности и подсудности в том виде, как он закреплен в действующем процессуальном законодательстве, не обеспечивает в полной мере доступности правосудия, исходя из требований соблюдения принципа идеальной правовой конструкции.

На стадии возбуждения производства по делу суд разрешает вопрос о соблюдении заявителем положений закона о подведомственности и подсудности спора данному суду. Нарушение установленных положений обязывает и арбитражный суд, и суд общей юрисдикции отказать в возбуждении производства по делу и возвратить исковые материалы, лишив, тем самым, заявителя права на судебную защиту. Указанное положение закреплено соответственно статьями 129 Административного процессуального кодекса (далее – АПК) РФ и 135 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ.

Совершенно иным образом законодатель подходит к решению вопроса о несоблюдении требований подведомственности и подсудности, если это стало известно уже в ходе судебного разбирательства, после возбуждения производства по делу. АПК РФ и ГПК РФ предусматривают схожий механизм поведения: суд, установив, что дело неподведомственно или неподсудно данному суду, передает его в суд по подведомственности, или подсудности.

Есть некоторое различие в передаче дела из неподведомственного суда: в соответствии с ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ суд общей юрисдикции передает дело непосредственно в подведомственный арбитражный суд, а арбитражный суд согласно ч. 4 ст. 39 АПК РФ передает дело в подведомственный суд через суд субъекта, т. е. опосредованно. Механизм же передачи дела в силу нарушения положений подсудности в обоих звеньях судебной системы одинаков и юридически закреплен в

п/п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ и п/п. 3 ч. 2 ст. 39 АПК РФ для судов общей юрисдикции и арбитражных судов соответственно.

Вне всякого сомнения, что лицу, не обладающему специальными юридическими познаниями, разрешить данный вопрос бывает непросто. Нарушение положений закона о подведомственности и подсудности влечет лишение лица права на судебную защиту. А теперь представим, что иск, например, предъявлен в крайний срок исковой давности.

Полагаю, будет разумным внести соответствующие изменения в статьи 129 АПК РФ и 135 ГПК РФ и вменить суду обязанность не возвращать исковые материалы, а перенаправлять по подведомственности и подсудности так, как это предусмотрено в статьях 33 ГПК РФ и 39 АПК РФ.

А в идеале – вообще отказаться от института подведомственности, объединив все судебные ветви судебной системы в единую судебную систему с соответствующими судебными коллегиями, формируемыми по материально-правовому критерию спора.

Еще одной крайне важной проблемой, ограничивающей доступность правосудия по гражданским делам, является право суда отказать в возбуждении производства по делу в соответствии со статьями 127.1 АПК РФ и 134 ГПК РФ, а также возвратить исковое заявление, руководствуясь статьей 129 АПК РФ и статьей 135 ГПК РФ.

Закрепленные процессуальным законодательством основания, по которым суд вправе отказать в возбуждении производства по делу или возвратить исковое заявление носят оценочный характер. Суд обязан в пятидневный срок, закрепленный статьями 127 АПК РФ и 133 ГПК РФ, на основе только поступивших исковых материалов обосновать вывод об отсутствии у лица права на предъявление иска.

Вывод суда есть продукт мыслительной, познавательной деятельности, облеченной в процессуальную форму.

Как утверждал М.К. Треушников, истина, достигаемая судом при отправлении правосудия, — это адекватное знание о фактах, имеющих юридическое значение, как о фрагментах действительности, именно в той части, в которой эти пазлы можно сложить в единую картину доказанных событий [6, с. 6].

Зададимся вопросом, возможно ли получить адекватное знание о фактах в предла-

гаемых условиях и установить тождество иска, полномочия заявителя, установить, затрагивает ли обжалуемый акт права и интересы заявителя и т. д. Видимо, не всегда.

Полагаю, что приоритетом все же должно быть положение, в соответствии с которым суд принимает искивые материалы и возбуждает производство по делу, а разрешение вопросов о праве лица на предъявление иска должно обсуждаться в рамках уже возбужденного дела с участием сторон и с применением правил доказывания. Такой порядок позволит суду принять решение, соответствующее представлениям об идеальной правовой конструкции. В противном случае даже техническая ошибка может лишить заявителя права на судебную защиту. Более того, действующее процессуальное законодательство не предоставляет суду право обязать заявителя, а заявителю возможность предоставить дополнительные материалы или уточнить что-либо в указанный пятидневный срок, в силу чего есть вполне вероятная возможность получить необъективный вывод суда.

Для построения идеальной правовой конструкции, в большей мере отвечающей требованиям обеспечения доступности правосудия, следует в действующее процессуальное законодательство внести соответствующие изменения и исключить институт отказа в принятии искового заявления, закрепленный статьями 127.1 АПК РФ и 134 ГПК РФ.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 20.07.2021).
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 20.07.2021).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 20.07.2021).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [N 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом N 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 20.07.2021).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.07.2021).

Необходимо также исключить из статей 129 АПК РФ и 135 ГПК РФ те основания для возвращения искового заявления, которые требуют наличия объективного знания о фактах, получаемого исключительно в ходе урегулированного процессуальным законодательством процесса доказывания. В качестве оснований для возвращения искового заявления могут являться только формально-определенные объективные обстоятельства. К таковым следует отнести:

- ходатайство истца о возвращении заявления, поступившее в суд до вынесения судом определения о принятии искового заявления к производству;
- не устранение заявителем в срок обстоятельства, в силу которого искивое заявление было оставлено без движения;
- отсутствие подписи на искомом заявлении;
- отклонение судом ходатайства о предоставлении отсрочки, рассрочки уплаты государственной пошлины, об уменьшении ее размера.

Перечень оснований для возвращения искового заявления должен быть закрытым.

Такая правовая конструкция должна быть единой и для арбитражного и гражданского процессуального законодательства, поскольку укладывается в Концепцию единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

6. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. 5-е изд., доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2016. – 304 с.

7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 20.07.2021).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.8

*Т.В. Васильева***ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
В РОССИИ**

В статье раскрывается содержание основных прав осужденных к лишению свободы, закрепленных в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и проблемы реализации некоторых из них в период отбывания наказания в исправительных учреждениях ФСИН России

Ключевые слова: лишение свободы, отбывание наказания, права осужденных, реализация прав.

*T.V. Vasilyeva***PROBLEMS OF EXERCISING RIGHTS OF SENTENCED TO IMPRISONMENT IN
RUSSIA**

The article reveals the content of the fundamental rights of the persons, sentenced to imprisonment, fixed in the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the problems of exercising some of them during the serving a sentence in correctional institutions of the federal service for the execution of punishment of Russia.

Key words: deprivation of liberty, serving a sentence, rights of the sentenced, exercising the rights.

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозгласила: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Данное конституционное положение распространяется на всех граждан, в том числе и осужденных к лишению свободы.

Лишение свободы – уголовное наказание, заключающееся в принудительной физической изоляции лица, признанного виновным в совершении преступления, путем помещения в специализированное государственное учреждение Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН) на срок, определенный обвинительным приговором суда, и ограничении или лишения его прав и свобод.

Осужденные к лишению свободы ограничены, или лишены многих личных прав, закрепленных и гарантированных Конституцией Российской Федерации – лишены права на свободу передвижения, выбора места жительства (ст. 27 Конституции РФ), на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ), на неприкосновенность частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ). Поскольку при отбывании лишения свободы осужденные пребывают в условиях постоянного надзора и контроля (ст. ст. 82, 83 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ), посылки, передачи, бандероли подвергаются досмотру сотрудниками исправительных учреждений (ст. 90 УИК РФ), а корреспонденция, получаемая и

отправляемая осужденными к лишению свободы, подлежит цензуре (ст. 91 УИК РФ).

Осужденные к лишению свободы лишены активного и пассивного избирательного права, не вправе принимать участие в референдуме, лишены доступа к государственной службе и к участию в отправлении правосудия в качестве присяжных либо арбитражных заседателей.

Осужденные к лишению свободы лишены права на объединение (ст. 30 Конституции РФ). Они не имеют права создавать политические партии, профессиональные союзы, лишены права на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования (ст. 31 УИК РФ). Подобное поведение осужденных может быть квалифицировано как групповое неповиновение (ст. 116 УИК РФ), или массовые беспорядки (ст. 85 УИК РФ) и влечет для них негативные последствия, установленные законом.

В условиях принудительной физической изоляции осужденных и достаточно закрытой уголовно-исполнительной системы возможны нарушения в реализации прав осужденных, закрепленных в УИК РФ.

Глава вторая Уголовно-исполнительного кодекса РФ закрепила основные права осужденных – запрет на жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, или взыскание (ч. 2 ст. 12 УИК РФ); право обращаться с жалобами, заявлениями (ч. 4 ст. 12 УИК РФ); право на личную безопасность (ст. 13 УИК РФ); право на охрану здоровья и медицинскую помощь

(ч. 6 ст. 12 УИК РФ); право на социальное обеспечение (ч. 7 ст. 12 УИК РФ); право на свободу совести и вероисповедания (ст. 14 УИК РФ); право на юридическую помощь (ч. 8 ст. 12 УИК РФ).

Реализация права включает в себя: 1) право осужденному самостоятельно решать, воспользоваться или нет предоставляемой возможностью; 2) обязанность должностных лиц исправительных учреждений предоставлять осужденному возможность реализации права; 3) осужденному законодательно гарантирована возможность прибегнуть к защите своего права.

Осужденные к лишению свободы имеют право на свободу мысли и слово, получение и распространение информации, что гарантировано ст. 29 Конституции Российской Федерации. Исходя из ч. 1 ст. 12 УИК РФ, осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного наказания. Реализуя данное право, осужденные могут получать и приобретать литературу, подписываться на газеты и журналы (ст. 95 УИК РФ), слушать радио и смотреть телевизор в свободное время, приобретать в коллективное пользование телевизоры и радиоприемники либо получать их от родственников, или иных лиц (ст. 94 УИК РФ). Вместе с тем, Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений содержат перечень предметов, хранение и использование которых осужденным запрещено: сотовые телефоны, компьютеры, множительная техника, что можно расценить как ограничение права на распространение информации.

Трудовые права относятся к социально-экономическим правам граждан. В ст. 37 Конституции Российской Федерации закреплено право на безопасные условия труда, на оплату за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы, право на отдых.

Для осужденных к лишению свободы труд является обязанностью, что закреплено в ч. 1 ст. 103 УИК РФ. Это положение УИК РФ не противоречит международным актам в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина, которые не относят к категории принудительного труда работу, выполняемую в заключении на основании приговора суда [1, с. 57, 16].

Осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с нормами Трудового кодекса РФ, ст. 105 УИК РФ, Федеральным законом от 19.06.2000 г. «О минимальном размере оплаты труда». Минимальный размер оплаты труда – гарантируемый федеральным законом размер месячной заработной платы за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда.

Работающие осужденные к лишению свободы имеют право на ежегодный оплачиваемый отпуск, длительность которого устанавливает УИК РФ: для несовершеннолетних – 18 рабочих дней; для взрослых – 12 рабочих дней (ч. 4 ст. 104). В отдельных случаях, предусмотренных УИК РФ, продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска может быть увеличена до 18 рабочих дней, а несовершеннолетним осужденным – до 24 рабочих дней при условии образцового выполнения работы (ч. 5 ст. 104 УИК РФ). В соответствии со ст. 104 УИК РФ время производственного труда засчитывается в общий трудовой стаж осужденного.

У осужденных к лишению свободы нет возможности выбирать место работы по своему желанию. На администрации исправительного учреждения, лежит обязанность организовать привлечение осужденных к труду, учитывая при этом пол, возраст, трудоспособность, состояние здоровья осужденных и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Оплачиваемый труд дает возможность осужденному не только зарабатывать, но и погашать иски, возмещать вред потерпевшим, а значит, и претендовать на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, поскольку одно из его законодательных условий – возмещение вреда, причиненного преступлением (ч. 1 ст. 79 УК РФ).

Согласно отчетным данным ФСИН России, в 2010 г. было трудоустроено только 40% осужденных к лишению свободы от их среднесписочной численности, в 2013 г. – 37 %, в 2014 г. – 40 % [2]. Данные, приведенные Ю.И. Зельниковым, свидетельствуют о системном характере этой проблемы: в 2012 г. в исправительных учреждениях Калужской области были трудоустроены лишь 42,3 % от числа лиц, подлежащих трудоустройству; в 2013 г. – 47,2 % ; в 2014 – 40 %; в 2015 г. – 40,2 %; в 2016 гг. и 2017 г. – по 46 %; в 2018

г. – 43,5 % [3, с. 181]. Можно констатировать, что защита от безработицы не гарантирована осужденным к лишению свободы. Проблема с трудоустройством осужденных к лишению свободы сохраняется в течение многих лет, носит системный характер и требует разрешения не только на уровне исправительных учреждений, но и на федеральном уровне.

Осужденные имеют право на социальное обеспечение, как любые граждане Российской Федерации – получение ими пенсий и пособий, предусмотренных российским законодательством. Обязанность собрать и предоставить необходимые документы в органы социального обеспечения для начисления пенсий и пособий лежит на администрации исправительных учреждений (ч. 7 ст. 12 УИК РФ).

Согласно ч. 6 ст. 12 УИК РФ, осужденные к лишению свободы имеют право на охрану здоровья. Как отмечает В.Д. Крачун, получение медицинской помощи осужденными осуществляется в том же объеме, что и остальными гражданами России и основано на принципе так называемой эквивалентности. В уголовно-исполнительной системе функционируют медицинские части и лечебно-профилактические, и лечебно-исправительные учреждения, при необходимости используются лечебные учреждения Министерства здравоохранения Российской Федерации [4, с. 15].

Часть 6.1 ст. 12 УИК РФ закрепила право осужденных на получение психологической помощи. Как нам представляется, для лиц, пребывающих в условиях физической изоляции, возможность общения с психологом является благом. Особенно важно такое общение для лиц, отбывающих длительные сроки лишения свободы и пожизненное лишение свободы, у которых на фоне нервного истощения происходит накопление негативных эмоций, что нередко приводит к проявлениям агрессивности [5, с. 18]. Для нейтрализации негативных социально-психологических установок у осужденных необходима целенаправленная коррекционная работа специалистов-психологов. Реализация этого права возможна только с согласия самого осужденного.

Конституционное положение о праве осужденных на получение квалифицированной юридической помощи конкретизировано в ч. 8 ст. 12 и ст. 89 УИК РФ. По мнению С.И. Курганова, осужденный к лишению свободы, находясь в подчиненном, зависи-

мом от администрации исправительного учреждения положении, ограничен в правомочиях лично защищать свои права и законные интересы. Важно обеспечить осужденному право пригласить адвоката или иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, и реальной возможности воспользоваться ею [6, с. 18]. Свидания с адвокатом и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, предоставляются на основании заявления осужденного без ограничения их числа продолжительностью до 4 часов.

В условиях пандемии коронавируса возникает проблема с реализацией осужденными этого права – на получение свиданий, в том числе и с лицами, оказывающими юридическую помощь, поскольку карантинные правила ограничивают контакты с ними. Решение этой проблемы видится в возможности использования компьютерных технологий, позволяющих осуществлять общение на расстоянии. Действующий УПК РФ допускает использование «конференц-связи» в уголовном судопроизводстве (ст. 278.1 УПК РФ). На наш взгляд, внедрение информационных технологий на стадии исполнения приговора суда также допустимо. Предлагается дополнить ст. 89 УИК РФ частью 4.1. и изложить ее в следующей редакции: «Допускается проведение краткосрочных свиданий с родственниками или иными лицами, свиданий с адвокатами, или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, посредством «конференц-связи».

Действующий УИК РФ предоставляет осужденным право обращаться с жалобами, заявлениями, ходатайствами в государственные и общественные организации, перечень которых установлен в ч. 4 ст. 12 УИК РФ. Осужденные активно реализуют это право: количество их обращений в 2020 г. в различные структуры увеличилось на 18,9 %, что свидетельствует об имеющихся проблемах с обеспечением прав человека в исправительных учреждениях. Обращения осужденных касались вопросов, связанных с отбыванием наказания, неправомерными действиями сотрудников исправительных учреждений, с незаконным применением физической силы и специальных средств [7].

Реализация прав осужденными к лишению свободы часто сталкивается с проблемами, которые могут иметь системный характер, а также могут быть связаны с ненадлежащим исполнением законов должност-

ными лицами исправительных учреждений. Федеральным законом № 494-ФЗ от 27 декабря 2019 г. было закреплено новое право осужденных – право на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении (ст. 12.1 УИК РФ). Осужденные вправе обращаться в суд с административным иском о присуждении денежной компенсации в случае нарушения условий их содержания в исправительном учреждении, под которыми понимаются отступления от нормативных требований либо неисполнение предписаний закона, регулирующих пребывание в исправительном учреждении, если это повлекло негативные последствия для осужденного. Например, если осужденный по вине администрации не трудоустроен, он лишен возможности погашать иски потерпевшим, что препятствует положительному решению вопроса о его условно-досрочного

освобождения, что, безусловно, является негативным последствием для осужденного.

Как нам представляется, законодательное закрепление права на денежную компенсацию будет способствовать укреплению законности в деятельности должностных лиц исправительных учреждений и безусловной реализации прав осужденных к лишению свободы.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что законодательное закрепление основных прав осужденных к лишению свободы должно гарантировать их защищенность. Вместе с тем, в практике реализации некоторых прав осужденных к лишению свободы возникают проблемы, требующие своего разрешения на законодательном и организационном уровнях, и направленные на совершенствование правового статуса указанной категории граждан.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Резолюция принята 30 августа 1955 г. // Уголовно-исполнительное право: Сборник нормативных актов / Пономарев П. Г., Радкевич В.С., Селиверстов В.И. – М.: Новый Юрист, 1997. – 544 с.

2. Отчеты о деятельности ФСИН России за 2010, 2013, 2014 г.г. // ФСИН России: офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/> (дата обращения 30.04.2021 г.).

3. Доклад о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Калужской области и о деятельности Уполномоченного по правам человека в Калужской области в 2018 году / [Ю.И. Зельников]; Калужская область. Уполномоченный по правам человека. – Калуга: ООО научно-издательский центр «Моя Калуга», 2019. – С. 181.

4. Крачун, В.Д. Соотношение российского законодательства и международных правовых актов в сфере охраны прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / В.Д. Крачун // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 3. – С. 15 – 20.

5. Дерюгина, О. Психологическая помощь осужденным / О. Дерюгина // Преступление и наказание. – 2011. – № 6. – С. 17 – 20.

6. Курганов, С.И. Комментарий к судебной практике по проблемам исполнения уголовного наказания / С.И. Курганов; под ред. С.А. Разумова. – М.: Юрайт, 2009. – 322 с.

7. Обзор о работе с обращениями граждан и организаций в Федеральной службе исполнения наказаний за III квартал 2020 года // Минюст России: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/letters/> (дата обращения 30.10.2021 г.).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.1

*А.В. Ильяхи***УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА ПРИ ДОПРОСЕ СВИДЕТЕЛЯ,
ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО): КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты участия специалиста-психолога при производстве следственных действий. Обращается внимание на недостаточность правового регулирования участия специалиста в следственном действии, что порождает риск признания доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального права, недопустимыми. Указывается на несоответствие друг другу норм уголовно-процессуального кодекса, регламентирующих участие специалиста, что не позволяет в полной мере использовать возможности специалиста в уголовном процессе. Обоснована эффективность участия специалиста-психолога при производстве следственных действий, в том числе с позиций личного опыта автора.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, специалист-психолог, допрос.

*A.V. Ilyash***PARTICIPATION OF PSYCHOLOGIST IN INTERROGATION OF WITNESS, SUSPECTED (ACCUSED): CRIMINALISTIC AND PROCEDURAL ASPECTS**

The article examines the criminal procedural and forensic aspects of the participation of a specialist psychologist in the conduct of investigative actions. Attention is drawn to the lack of legal regulation of the participation of a specialist in the investigative action, which gives rise to the risk of recognizing evidence obtained in violation of the norms of criminal procedure law inadmissible. It is pointed out that the norms of the Criminal Procedure Code, which regulate the participation of a specialist, do not correspond to each other, which does not allow the full use of the specialist's capabilities in the criminal process. The effectiveness of the participation of a specialist psychologist in the production of investigative actions, including from the standpoint of the author's personal experience, has been substantiated.

Key words: criminal process, investigative actions, psychologist, interrogation.

О том, что допрос является одним из основных способов получения доказательств ни у кого не вызывает сомнения. На сегодняшний день об этом следственном действии существует множество научных трудов, описывающих как тактику допроса различных участников уголовного процесса в целом [6, с. 33], так и тактические особенности производства допроса по отдельным преступлениям [5]. Отдельные приемы тактики допроса можно найти и в литературных памятниках [1]. В частности, в своей книге «О скудости и богатстве», изданной в 1724 году, их так описывает И.Т. Посошков: «А буде же пред судьбою в канторе не повинитца, а в словах своих станет мятца, то такового надобно с великим притужанием напорно всякими образы разными допрашивать...»; «... надлежит в самую тонкость свидетелей допрашивать и все те дробные речи записывать имянно, как кто о чем ни скажет...»; «...на тонкостных распросех мудро ему ложь свою укрыть будет» [3, с. 66]. Еще в те времена использовался прием детализации показаний

как одного допрашиваемого лица, так и нескольких лиц, допрашиваемых об одних и тех же обстоятельствах для уличения их в недостоверности показаний.

Не оспаривается в науке и практике и то обстоятельство, что успех допроса во многом зависит от его профессионального проведения дознавателем или следователем (далее – следователь). Основу эффективности допроса составляет психологический контакт с допрашиваемым [4, с. 78]. Так, например, это превосходно отмечено в социально-психологическом романе Ф.М. Достоевского, когда пристав следственных дел Порфирий Петрович, подозревая в Раскольникове преступника, ведет с ним двусмысленные психологические беседы: «... вот вы о форме тоже давеча изволили упомянуть, насчет, знаете, допросика-то-с... Да что ж по форме! Форма, знаете, во многих случаях, вздор-с. Иной раз только по-дружески поговоришь, ан и выгоднее» [1, с. 319]. Несмотря на всю важность установления психологического контакта с допрашиваемым, не следует ума-

лять роль применения в ходе допроса отдельных приемов и методов.

Так некоторые исследователи отмечают тенденцию существенного снижения эффективности применяемых тактических приемов [6, с. 33]. Полагаем возможным согласиться с выводами исследования о том, что значительная часть следователей при выборе тактики допроса полагаются на свой профессиональный и жизненный опыт [7, с. 257]. Изучаемые при освоении образовательной программы специальные дисциплины, а именно криминалистика и юридическая психология, не могут в достаточной степени сформировать у будущего следователя знания, умения и навыки в области психологии допроса, которыми можно было бы достичь наибольшей его эффективности.

По нашему мнению, основанному, в том числе на личном опыте автора, восполнить недостаток в этом может участие в ходе допроса специалиста-психолога с широкими возможностями. Говоря о возможностях специалиста, следует начать с понятия, которое дается этому процессуальному лицу. Так, согласно статье 58 Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) РФ специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для:

- содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов;
- содействия в применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела;
- постановки вопросов эксперту;
- разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Для решения указанных задач специалист имеет следующие права:

- задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника

подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Анализ приведенной нормы показывает, что ни в одной из задач, для решения которых может привлекаться специалист, не содержится сама возможность его участия в ходе допроса для содействия следователю в его проведении. Нет указания на возможность участия специалиста и в статье 189 УПК РФ, регламентирующей общие правила проведения допроса. В то же время специалист обладает правом задавать вопросы участникам следственного действия, но исключительно с разрешения следователя.

Несмотря на то, что по результатам проведенных ранее исследований половина респондентов из числа практических работников, расследующих уголовные дела, отрицательно оценивают влияние участия специалиста на процесс допроса [4, с. 78], полагаем, что следователи и дознаватели не способны оценить положительное и отрицательное влияние участия специалиста-психолога в процессе допроса в полной мере.

Убедиться в эффективности участия специалиста-психолога в допросе можно исключительно на основе собственного опыта, а также при изучении следственной практики. Так согласно исследованию, проведенному Л.Н. Костиной, более половины опрошенных респондентов из числа опытных следователей, показали, что обратились бы к помощи психолога для распознавания лжи или правды в показаниях обвиняемых [2, с. 132]. Результаты приведенного исследования подтверждают тезис о том, что на успешность допроса с участием специалиста влияет множество факторов, зависящих, в том числе, от следователя, его опыта и личностных качеств.

Считаем, что задача: «содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов», для решения которой может быть привлечен специалист, должна быть уточнена как «содействие в обнаружении, закреплении и изъятии сведений, имеющих значение для дела, предметов и документов».

Список литературы:

1. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/27.htm>. (дата обращения 05.10.2021).

2. Костина, Л.Н. Участие практического психолога в расследовании групповых преступлений несовершеннолетних / Л.Н. Костина // Психология в правоохранительных органах. – 2006. – № 3 (27). – С. 131 – 134.
3. Посошков, И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И. Т. Посошков; ред., [послесл.] и коммент. д-ра ист. наук Б.Б. Кафенгауза. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 409 с.
4. Славгородская, О.А. Актуальные вопросы тактики допроса свидетелей / О.А. Славгородская // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 1 (9). – С. 75 – 83.
5. Смирнова, И.Г. Тактические особенности производства допроса по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации / И. Г. Смирнова, В. В. Коломинов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права): электронный научный журнал. – 2015. – Т. 6. – № 3. URL: <http://sgal.bgu.ru/pub.aspx?id=24943> (дата обращения: 05.10.2021).
6. Хайбрахманова, А.Д. Тактические особенности производства допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших / А. Д. Хайбрахманова // Актуальные проблемы права: материалы VIII Международной научной конференции (г. Казань, декабрь 2019 г.). – Казань: Молодой ученый, 2019. — С. 33 – 36.
7. Шаевич, А.А. Криминалистическая тактика, юридическая психология и практика производства допросов // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Международной научно-практической конференции / Вост.-Сиб. филиал ФГБОУВО «РГУП»; отв. ред. Д. А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 257 – 260.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.2

*А. В. Ильаш, И. В. Грачева***УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: PRO ET CONTRA**

Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц является одним из дискуссионных вопросов действующего права. В данной статье делается анализ правовой регламентации института уголовной ответственности юридических лиц в ряде стран. Приводятся и оцениваются аргументы в пользу введения уголовной ответственности для юридических лиц. Анализируются негативные последствия установления данного вида ответственности для организаций.

Ключевые слова: право, уголовное право, уголовный кодекс, уголовная ответственность, организация, юридическое лицо, преступность.

*A. V. Ilyash, I. V. Gracheva***CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES: PRO ET CONTRA**

The issue of criminal liability of legal entities is one of the controversial issues of current law. This article analyzes the legal regulation of the institution of criminal liability of legal entities in a number of countries. The arguments in favour of introducing criminal liability for legal entities are presented and evaluated. The negative consequences of establishing this type of responsibility for organizations are analyzed.

Key words: law, criminal law, criminal code, criminal responsibility, organization, legal entity, crime.

Преступность юридических лиц представляет собой качественно новый вид неправомерной деятельности, на данный момент времени признанный в ряде зарубежных стран и упоминаемый в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенции ООН против коррупции, Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Правоприменители, ориентируясь на низкие показатели привлечения к административной ответственности в сфере госзакупок, отмечают, что существующий порядок наказания юридических лиц является неэффективным [4, с. 52].

Институт уголовной ответственности в отношении организаций действует во всех странах англо-американского права, в том числе в США, Канаде, Великобритании, Ирландии, Австралии, в странах континентального права – государствах Евросоюза, на постсоветском пространстве – в Грузии, Казахстане, Латвии, Литве, Эстонии, Молдове, Украине, а также в Китае и ряде стран Ближнего Востока (Иордания, Ливан, Сирия).

Дискуссия по вопросу целесообразности установления в отечественном уголовном законодательстве уголовной ответственности юридических лиц ведется на протяжении почти двух

десятилетий. Проект Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривал такую возможность, однако законодатель от этой идеи отказался [5, с. 91].

В марте 2015 г. в Государственную Думу депутатом А.А. Ремезковым был внесен законопроект Федерального закона, подготовленный совместно со Следственным комитетом РФ, который до сих пор не рассмотрен [7]. Это позволяет утверждать, что вопрос уголовной ответственности юридических лиц является противоречивым и многоаспектным.

Сопоставляя уголовное право Российской Федерации и Франции, можно сразу отметить, что подход к решению вопроса об уголовной ответственности организаций отличается. Данная ответственность не исключает ответственности физических лиц, что очень схоже с административной ответственностью в Российской Федерации.

В настоящее время во Франции действует Уголовный кодекс, принятый в 1992 г. и вступивший в силу с 1 марта 1994 г. Кодекс пришел на смену кодексу Наполеона 1810 г., просуществовавшему более 180 лет [2, с. 170].

В отличие от французского уголовного законодательства, российское не регулирует институт уголовной ответственности

организаций. Отказ от этого института в Российской Федерации не означает, что организации не привлекаются к ответственности и не подвергаются наказанию – наказания, предусмотренные французским уголовным законом за совершение нарушений, очень похожи на те наказания, которые предусмотрены КоАП РФ.

Отличие заключается только в том, что Уголовный кодекс Франции включает различные вариации одного и того же вида наказания от более строгого к более мягкому:

- 1) прекращение деятельности;
- 2) бессрочное или сроком не более пяти лет закрытие всех заведений либо одного, или нескольких из заведений предприятия;
- 3) бессрочное или сроком не более пяти лет запрещение обращаться с публичным призывом к размещению вкладов или ценных бумаг.

Положения, регулирующие вопросы уголовной ответственности юридических лиц, в случае совершения преступлений с согласия или в случае допущенной небрежности со стороны руководителей или иных должностных лиц, находят закрепление в разнообразных нормативно-правовых актах Великобритании.

Кроме того, в Великобритании в 2017 г. был принят Закон о криминальных финансах, устанавливающий уголовную ответственность за неуплату налогов за рубежом в отношении организаций, зарегистрированных в Великобритании.

Что касается американского законодательства, то юридические лица могут быть привлечены к ответственности как самостоятельно, так и за действие своих сотрудников (представителей), действующих в пределах своих полномочий, в соответствии со своей должностью и имели намерение принести пользу организации [1, с. 59].

При этом для того, чтобы привлечь юридическое лицо к уголовной ответственности по американскому законодательству, наличие какой-либо выгоды от осуществления противозаконных действий не будет являться обязательным.

Характерной чертой американского законодательства является наличие возможности у организации признать вину и тем самым уменьшить или отсрочить наказание за совершенное преступление,

либо получить испытательный срок как альтернативу уголовному наказанию.

Основные аргументы в пользу установления такой ответственности, отраженные в уголовно-правовой теории, сводятся к следующему:

1) участие в преступлении юридического лица существенно повышает общественную опасность совершенного деяния, поскольку у коллективного субъекта есть большие финансовые, организационные и иные возможности для подготовки, совершения, сокрытия того или иного преступления;

2) отсутствие уголовной ответственности организаций не соответствует принципу справедливости уголовного наказания;

3) наличие уголовной ответственности организаций способствует повышению превентивного значения уголовного закона;

4) введение уголовной ответственности организаций позволит привести отечественное законодательство в соответствие со стандартами международного сообщества;

5) возможность доказывания в административном производстве в сравнении с уголовным судопроизводством ограничены, в частности по делам не могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия.

Достаточно часто сторонники уголовной ответственности организации обращаются к зарубежному законодательству.

В противовес этим доводам стоит указать на возможные последствия в экономической сфере общества, представляющиеся наиболее очевидными в связи с введением уголовной ответственности организаций.

Во-первых, изменения могут стать причиной сокращения организаций. С одной стороны, это будет проявляться в действиях правоохранительных органов. На ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что сохраняются проблемы в сфере обоснованности и законности возбуждения и расследования уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательства. «Реагировать на подобные злоупотребления нужно своевременно и жёстко, действовать в постоянном, открытом контакте с деловым

сообществом» [6]. С другой стороны, в боязни граждан принимать участие в организациях (в основном кредитных) в качестве вкладчиков либо акционеров. Так как один из наиболее устойчивых субъектов экономических отношений – организация, ставится под угрозу. Данный вывод получил обоснование в работе В.В. Долинской [3, с. 46].

Во-вторых, подобное новшество в уголовном праве неизбежно станет причиной деградации общего экономического уровня. Такая мера приведет к подавлению гражданской предпринимательской инициативы. Представляется очевидным, что уголовная ответственность организаций значительно повышает риски для желающих заниматься бизнесом граждан.

В-третьих, новый уголовно-правовой институт отразится и на участии иностранного капитала в российской экономике. Иностранные организации будут ограничивать свое присутствие на отечественном рынке, как в форме открытия

подразделений на территории России, так и участия в инвестициях.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время существует достаточный арсенал правовых мер, которые позволяют привлекать к ответственности физических лиц и организации при совершении ими противоправных деяний, что является обстоятельством, исключающим необходимость введения уголовной ответственности организаций.

Нестабильность закона, в том числе и уголовного, является причиной снижения его эффективности. Любые происходящие в законе изменения должны быть по своему характеру взвешенными и продуманными, а не осуществляться рефлекторно. Более того, установление уголовной ответственности организаций станет причиной необходимости проведения реформирования административного, гражданского и налогового законодательства, к чему отечественная правовая система вряд ли готова в настоящее время.

Список литературы:

1. Абрамян, Т.А. Уголовная ответственность юридических лиц: зарубежный опыт и перспектива введения в России / Т.А. Абрамян // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 2. – С. 59 – 63.
2. Богданова, Э.Ю. Уголовный кодекс Франции как гарант соблюдения принципа законности / Э.Ю. Богданова // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 10. – С. 170 – 173.
3. Долинская, В.В. Общая характеристика и правосубъектность юридических лиц: новеллы гражданского законодательства / В.В. Долинская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 2 (27). – С. 46-52.
4. Карягина, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в России: быть или не быть / А.В. Карягина // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации / Отв. ред. И.Г. Рагозина, Ю. В. Деришев. – Омск: Омская юридическая академия, 2017. – С. 52 – 56.
5. Кольцов, Е.Г. Юридическое лицо как субъект преступления в уголовном праве России и Франции / Е.Г. Кольцов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. – № 527. – С. 91 – 97.
6. Расширенное заседание коллегии МВД России 3 марта 2021 года // Московский Кремль: официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 05.10.2021).
7. Проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129896#0HPPLNTN914HSqQ> (дата обращения: 05.10.2021).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 340

*Е.Н. Красина***ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О ПРАВЕ ГРАЖДАН НА ДОСТОВЕРНУЮ
ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Статья посвящена анализу обеспечения конституционного права граждан на экологическую информацию. Констатируется, что определение экологически значимой информации и конкретизация права граждан Российской Федерации на нее имеют важное теоретическое и практическое значение. Приводятся рассуждения о соотношении понятий «экологически значимая информация» и «достоверная информация о состоянии окружающей среды» и доказывается, что некорректное название экологически значимой информации в ФЗ «Об охране окружающей среды» не позволяет в полной мере реализовать право граждан РФ на неё.

Ключевые слова: Экологическая информация, достоверная информация о состоянии окружающей среды, экологически значимая информация, окружающая среда, природная среда, созыв общего собрания, доступ к экологической информации.

*E. N. Krasina***CERTAIN ASPECTS OF ISSUE OF RIGHT
OF CITIZENS TO RELIABLE INFORMATION ABOUT STATE OF ENVIRONMENT**

The article is devoted to the analysis of the ways of ensuring the constitutional right of citizens to environmental information. It is stated that the definition of environmentally significant information and the specification of the right of citizens of the Russian Federation to it are of great theoretical and practical importance. There is given the reasoning of the relationship between the concepts of “environmentally significant information” and “reliable information about the state of the environment” and proves that the incorrect name of environmentally significant information in the Federal Law “On Environmental Protection” does not allow full realizing the right of citizens of the Russian Federation to it.

Keywords: Environmental information, reliable information about the state of the environment, environmentally significant information, environment, natural environment, convocation of the general meeting, access to environmental information.

Конституция Российской Федерации [1] гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Именно вопрос о достоверной экологической информации вызывает в настоящее время споры не только в части содержания правовой дефиниции, но и в правовом обеспечении доведения информации до граждан, а, следовательно, реализации гарантированного Конституцией РФ права.

Для того, чтобы понять содержание права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, необходимо понять, чем наполнено само понятие экологической информации и является ли информация о состоянии окружающей среды частью экологической информации.

При исследовании вопроса о том, что входит в понятие «экологическая информа-

ция», можно обнаружить несколько подходов к определению этого понятия.

Так, О.С. Карху [5, с. 45] и А.А. Попов [6, с. 9] предлагают рассмотреть это понятие через перечень сведений (данных), которые включаются в состав экологической информации. На наш взгляд, такой подход не совсем оправдан, так как не позволяет в полной мере раскрыть содержание исследуемого понятия.

Через общественные отношения, являющиеся предметом экологического права, либо через область эколого-правового регулирования в целом, раскрывают понятие экологической информации С.А. Боголюбов [7, с. 144] и О.Л. Дубовик [4, с. 6] соответственно. Изложенные позиции авторов позволяют более чётко очертить границы понятия, сделать это понятие более наполненным по содержанию. Однако и этот подход является, по мнению автора, спорным.

Наиболее удачным представляется определение понятия «экологическая информация», предложенное Г.В. Выпхановой, из ко-

того следует, что экологической информацией являются «любые сведения (сообщения, данные о состоянии окружающей среды и ее компонентов, их изменении под влиянием негативной хозяйственной и иной деятельности, источниках такой деятельности, принимаемых мерах и др.) независимо от формы представления, характеризующие состояние и специфические особенности сферы взаимодействия общества и природы, необходимые для охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности, охраны жизни и здоровья граждан, а также имеющие значение (являются значимыми) для обеспечения общественных, частных и государственных экологических интересов и потребностей, осуществления и защиты экологических прав граждан и юридических лиц» [3, с. 170]. Именно такое определение, на наш взгляд, даёт возможность наиболее качественно определить содержание той информации, право на получение которой имеют граждане в силу гарантированных Конституцией РФ прав.

Взяв за основу понятие экологической информации, предложенное Выпхановой Г.В., попытаемся теперь понять, что же входит в понятие «достоверная информация о состоянии окружающей среды».

Из ст.1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 09.03.2021) «Об охране окружающей среды» [2] следует, что окружающая среда это – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. Таким образом, к природной среде законодатель относит совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов.

При этом компонентами природной среды являются земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле.

Законодатель также определяет, что природным объектом является естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства; природно-антропогенным – природный объект, изме-

нённый в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объект, созданный человеком, обладающий свойствами природного объекта и имеющий рекреационное и защитное значение; антропогенным объектом является объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов (ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Таким образом, каждый российский гражданин имеет право получать достоверную информацию об указанных компонентах природной среды и совокупности природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов.

Обладание достоверной информацией о состоянии окружающей среды, её компонентов и их загрязнении, любом другом негативном воздействии, а также об источниках такого воздействия, позволит выработать меры по восстановлению.

Полагаем одной из серьёзнейших проблем в части получения и использования достоверной информации о состоянии окружающей среды в целях обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду, недоступность сведений о реальном состоянии производственных предприятий, об их влиянии на окружающую среду, о рациональном использовании недр, почвы, поверхностных и подземных вод.

Поскольку суть права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды заключается в свободном поиске, получении, передаче экологически значимой информации любым законным способом, ограниченность сведений из официальных источников такой информации, а также ограниченность самих источников такой информации, не способствует реализации рассматриваемого права. Именно ограниченность специализированных источников и представляемой ими информации, приводит к отсутствию её полноты, достоверности и объективности. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды носит, скорее, декларативный характер.

Следует также отметить, что доводимая до граждан экологическая информация представляет собой зачастую лишь новостные сообщения о произошедших событиях, повлекших за собой негативные последствия для окружающей среды. Так, например, в 2019 году на территории Российской Феде-

рации произошли крупнейшие в истории страны лесные пожары, погубившие миллионы гектаров лесных насаждений. Наиболее часто в качестве последствий лесных пожаров называют потери от вырубки и продажи леса. Однако для здоровья человека наиболее важными являются другие факторы – содержание вредных веществ в воздухе, потеря естественной защиты почвы от выветривания и высыхания и т.п.

Безусловно, экономическая составляющая важна и, на наш взгляд, также имеет отношение к экологической информации в целом, но более важно донести до общественности объективную оценку произошедшего с позиций понятия экологии, спрогнозировать последствия и предложить пути решения, как, например, предложила в описанной с лесными пожарами ситуации авиакомпания S7 Airlines. Авиакомпания в связи с гибелью сибирских лесов в августе 2019 года временно вернула к использованию своё первое название «Сибирь» и использовало его до тех пор, пока сумма перечислений с каждого проданного билета не стала достаточной для посадки 1 000 000 деревьев. Информация о ситуации с лесными пожарами и программой по восстановлению лесов доводилась до общественности путём размещения на сайте компании и объявлений в салонах самолётов. Этот пример демонстрирует не только существующие возможности донесения информации, но и показывает, как именно бизнес может участвовать в восстановлении ущерба, причинённого окружающей среде.

Звучащие на протяжении многих лет предложения о принятии закона «О доступе к экологической информации», не утратили актуальность. Принятие такого акта поможет закрепить виды и способы донесения информации, которая должна стать достоянием общественности. Кроме того, важным считаем закрепить на законодательном уровне понятие «достоверная информация» и предусмотреть ответственность за предоставление

недостоверных сведений о реальном состоянии окружающей среды.

Возможным решением вопроса о доступе к достоверной информации об окружающей среде стало бы создание специальной платформы с использованием существующих технических возможностей, куда смогли бы стекаться информационные потоки, в том числе поступали бы сведения о чрезвычайных ситуациях, экологических правонарушениях, действиях предприятий и предпринимателей, нарушающих экологическое законодательство, а также предприятий и предпринимателей, создающих условия для восстановления и поддержания благоприятной окружающей среды. Полагаем, использование современных технологий станет помощью в реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Так, например, летом 2019 года подписчиками сети Интернет в одном из социальных сообществ была размещена информация об использовании прекратившей функционирование свалки в Дзержинском районе Калужской области предпринимателями из Московской области. При этом участники социальных Интернет-сообществ установили и зафиксировали тот факт, что транспортное средство для этих целей использовалось с подменой государственных регистрационных номеров. Благодаря информации открытого доступа о произошедшем узнали не только подписчики социального сообщества, но и органы прокуратуры, и следственные органы, а также администрация района. Противозаконная деятельность была предотвращена благодаря возможности донести достоверную информацию до общественности.

К сожалению, в настоящее время отсутствует система нормативных актов, которая бы регламентировала процедуру доступа к информации и, что немаловажно, обеспечивала участие граждан в принятии важных решений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации ((принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.01.2021).
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об охране окружающей среды» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 02.04.2021).

3. Выпханова, Г.В. К дискуссии о правовом понятии и составе экологической информации / Г.В. Выпханова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 169-171.
4. Дубовик, О.Л. Экологическая информация: понятие, виды, режим, защита / О.Л. Дубовик // Зеленый мир. – 2003. – № 21 – 22. – С. 6 – 7.
5. Карху, О.С. Юридическая ответственность за нарушение законодательства об экологической информации: дисс. ... канд. юрид. наук / О.С. Карху. – М., 2004. – 231 с.
6. Попов, А.А. Правовое регулирование экологической информации: дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Попов. – М., 2005. – 189 с.
7. Экология. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. проф. С.А. Боголюбова. – М.: НОРМА, 2000. – 430 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 340

*Е.А. Магомедова, М.А. Зайцева***К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена формированию аргументации по вопросу целесообразности научной разработки методологии правового регулирования. Авторами предпринята попытка обосновать самостоятельную составляющую теории правового регулирования – методологию правового регулирования. В связи с чем предложено использование деятельностного подхода к исследованию правового регулирования. Далее обозначена целесообразность рассматривать правовое регулирование как разновидность правовой деятельности. В заключительной части статьи предлагается авторское определение понятия методологии правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая наука, правовое регулирование, методология правового регулирования, научное исследование, правовая деятельность, деятельностный подход, эффективность правового регулирования.

*Е. А. Magomedova, M. A. Zaitseva***ON ISSUE OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT EXPEDIENCY OF LEGAL REGULATION METHODOLOGY**

The article is devoted to the formation of arguments on the expediency of scientific development of legal regulation methodology. The authors attempt to substantiate an independent component of the theory of legal regulation – the methodology of legal regulation. In this connection, the use of an activity-based approach to the study of legal regulation is proposed. Further, the expediency of considering legal regulation as a type of legal activity is indicated. In the final part of the article, the authors' definition of the concept of the legal regulation methodology is proposed.

Keywords: legal science, legal regulation, methodology of legal regulation, scientific research, legal activity, activity approach, effectiveness of legal regulation.

Фундаментальные изменения в социально-экономической сфере нашей страны на рубеже XX – XXI веков предопределили глобальные трансформации правовой системы России, что в свою очередь породило активное развитие юридической науки. Причем обновляется как теория государства и права, так и отраслевые и специальные юридические науки. Смысловое и функциональное многообразие государственно-правовых явлений и процессов порождает обогащение научного аппарата юриспруденции новыми терминами, категориями, понятиями, концепциями. В условиях интенсивной динамики развития отечественной государственно-правовой действительности все большее значение приобретает фундаментальное юридическое знание, отражающее процессы структурно-функционального построения государственно-правовых явлений. В этом разрезе наиболее сложными в теоретическом плане и наиболее актуальными в практическом являются вопросы правового регулирования. Данное явление в юридической науке относят к достаточно сложным и многоуровневым. Так, например, Ф.Н. Фаткуллин выде-

лил базовый уровень (касается исходных общественных отношений), средний, или развивающийся, уровень (затрагивает общественные отношения, которые моделируются в кодифицированном законодательстве) и детализирующий уровень правового регулирования (присущ преимущественно ведомственным инструкциям и другим нормативным правовым актам местного или локального значения) [8, с. 91 – 96]. Использование уровневоего подхода при исследовании и характеристике правового регулирования позволяет говорить о целесообразности введения в научный оборот теоретической конструкции «методология правового регулирования».

Следует констатировать, что на современном этапе развития российской юридической науки теория правового регулирования как составляющая теории государства и права во многом уже сложилась и получила достойное оформление. Однако в условиях выхода правовой системы России на качественно новый уровень представляется возможным сфокусировать внимание именно на методологии правового регулирования и попы-

таться охарактеризовать этот правовой феномен. Для наиболее корректной характеристики процесса правового регулирования необходимо обратиться к дефиниции данного понятия. Так, профессор С.С. Алексеев предлагал следующее определение: «Правовое регулирование – это осуществляемое при помощи правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя» [1, с. 211].

Однако понятие «правовое регулирование» имеет в науке теории государства и права несколько значений: функционирование, действие права; правовая регламентация общественных отношений [3, с. 10]. Кроме того, необходимо также отметить, что в юридической науке существуют *узкий* и *широкий* подходы к данному понятию. *Узкий подход* предполагает, что правовое регулирование заключается в возникновении правоотношений на основе норм права и последующей реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений. Сторонники *широкого подхода* в содержании правового регулирования выделяют три основные стадии: правовую регламентацию общественных отношений, действие права и реализацию права. Правовая регламентация общественных отношений – это процесс правотворчества, то есть принятия и издания нормативных правовых актов, содержащих нормы права. Вторая стадия – действие права, – предполагает функционирование правовых норм, возникновение правоотношений, в рамках которых у их субъектов появляются юридические права и обязанности. На третьей стадии происходит реализация права, то есть воплощение в жизнь субъективных прав и юридических обязанностей в виде конкретных поведенческих актов.

В правовой доктрине в целом и в теории права в частности методология как специальный предмет исследования выделяется достаточно редко. В связи с чем представляется целесообразным обратиться к смысловой нагрузке данного понятия, чтобы затем предпринять попытку обосновать необходимость разработки методологии правового регулирования в контексте общей теории права.

В современной науке существует ряд подходов к определению понятия методологии. Так, советский энциклопедический словарь определяет: «Методология (от «метод» и «логия») – учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности» [7]. Философский энциклопедический словарь предлагает рассматривать методологию как систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе [9].

А.М. Новиков и Д.А. Новиков в своей работе «Методология: словарь системы основных понятий», предлагают следующее определение: «Методология – это учение об организации деятельности». По их мнению, «такое определение однозначно детерминирует и предмет методологии – организация деятельности. Методология рассматривается очень широко – как учение об организации любой человеческой деятельности: и научной, и любой практической профессиональной деятельности, и художественной, и игровой, и т.д. – с одной стороны. С другой стороны – и индивидуальной, и коллективной деятельности» [5, с. 76].

Вышеприведенная характеристика правового регулирования как упорядочивающего воздействия права на общественные отношения представляется всего лишь одним из возможных аспектов исследования этого сложного правового феномена. Обращаясь к обоснованию необходимости введения в научный оборот теоретической конструкции «методология правового регулирования», считаем целесообразным сконцентрировать внимание на содержательной стороне правового регулирования.

Рассуждая об организующем и упорядочивающем воздействии права на общественные отношения в процессе правового регулирования, необходимо обозначить, что в этом контексте содержанием правового регулирования является специфическая человеческая деятельность, осуществляемая в различных организационных и правовых формах.

Инструментарий деятельностного подхода в настоящее время весьма результативно используется в целом ряде областей обществоведения, в том числе и при анализе различных сторон правовой действительности (в частности, реализации права) [6, с. 22]. Деятельностный подход к исследованию правового регулирования представляется весьма плодотворным и создает конструк-

тивную основу для обоснования понятия «методология правового регулирования». В этом считаем необходимым согласиться с Л.Т. Бакулиной, которая констатирует, что «благодаря использованию деятельностного подхода в познании правового регулирования исследователю открывается целостное видение этой сферы правовой действительности, тогда как до сих пор юридическая наука ограничивалась системным анализом лишь одного из компонентов праворегулятивной деятельности – механизма правового регулирования» [2, с. 17]. Кроме того, если проводить ретроспективный анализ взглядов ученых-теоретиков на возможность использования научного потенциала деятельностного подхода при характеристике правового регулирования, то стоит привести позицию Ф.Н. Фаткуллина, который определяет правовое регулирование «как специфическую деятельность государства, его органов, должностных лиц и уполномоченных на то общественных организаций по принятию нормативно- или индивидуально-правовых решений в пределах своей компетенции, выступающих в роли общих или персонально-регламентаторов упорядочиваемых общественных отношений» [8, с. 134]. Анализируя и развивая данный доктринальный подход, считаем возможным определить, что правовое регулирование – это разновидность правовой деятельности. Кроме того, следует признать, что теория правовой деятельности в современной юридической науке в целом оформилась и её постулаты стали благодатной почвой для системно-структурного анализа правовой действительности современной России. Вновь обращаясь к позиции проф. Ф.Н. Фаткуллина, необходимо констатировать, что правовая деятельность складывается из всех действий субъектов права, осуществляемых на основе правовых норм и в соответствии с ними. В развитие данного подхода считаем возможным обозначить мнение Р.В. Шагиевой, которая в своей монографии «Концепция правовой деятельности в современном обществе» определяет, что «правовая деятельность по сути своей представляет такую социальную активность (свободу выбора и свободу самовы-

ражения), которая осознанно и целенаправленно предпринимается субъектами – носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях организации удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом – в рамках правоотношений и которая поэтому признается обществом и государством правильной, справедливой, а значит – юридически значимой» [10, с. 84 – 85].

Принимая во внимание все вышеизложенное, представляется вполне обоснованным использование деятельностного подхода при исследовании правового регулирования. По нашему мнению, именно такой подход сформирует основу для формулирования определения новой теоретической конструкции «методология правового регулирования». А в последующем – и нового научного направления в рамках теории правового регулирования. Как отмечает Д.А. Керимов, «всякое подлинное научное юридическое понятие не только имеет конкретно-познавательное значение, поскольку вскрывает истинную сущность соответствующего правового явления, но и представляет собой средство, инструмент дальнейшего, более углубленного познания данного явления. Цель создания научных юридических понятий состоит не в простой любознательности; они образуются ради возможности более глубокого и всестороннего познания, а затем и преобразования правовой действительности» [4, с. 167].

Исповедуя данную научную позицию, считаем возможным предложить следующее определение понятия «методология правового регулирования»: это система научных положений, характеризующих совокупность средств, приемов, способов и методов, а также весь юридический инструментарий результативного и эффективного воздействия права на общественные отношения. Безусловно, предложенное определение отражает лишь попытку дефинировать крайне сложный правовой феномен и является схематичным, а также представляет собой основу для дискуссии как в теоретическом, так и в практическом плане.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / С.С. Алексеев. – М.: ТК-Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 480 с.
2. Бакулина, Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования / Л.Т. Бакулина // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 8. – С. 14 – 19.

3. Гавриков, В.П. Теория государственно-правового регулирования: монография / В.П. Гавриков. – М.: Проспект, 2016. – 280 с.
4. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. / Д.А. Керимов. – М.: Аванта+, 2001. – 560 с.
5. Новиков, А.М., Новиков, Д.А. Методология: словарь системы основных понятий / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. – М.: Либроком, 2013. – 112 с.
6. Решетов, Ю.С. Правовое регулирование / Ю.С. Решетов // Актуальные проблемы юридической науки и образования: Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию восстановления юридического факультета в Казанском государственном университете (Казань, 30 – 31 октября 2002 г.). – Казань, 2003. – С. 19 – 24.
7. Советский энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 890 с.
8. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1987. – 315 с.
9. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Ф. Губский и др. – М.: Инфра-М, 2003. – 570 с.
10. Шагиева, Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе / Р.В. Шагиева. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. – С. 81-87.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 34

*Н.К. Семенова***НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
АТТЕСТАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ**

В статье обосновывается значение аттестации муниципальных служащих для обеспечения принципов профессионализма и компетентности муниципальной службы. Определяются правовые основы аттестации, сравниваются положения муниципальных правовых актов, посвященных аттестации. Выявляются основные проблемы правового регулирования в этой области и предлагаются некоторые пути их решения.

Ключевые слова: муниципальная служба, муниципальный служащий, аттестация, профессионализм, компетентность.

*N.K. Semenova***SOME ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF MUNICIPAL EMPLOYEES'
CERTIFICATION**

The article substantiates the importance of municipal employees' certification to ensure the principles of professionalism and competence of the municipal service. The legal basis for certification is determined, the provisions of municipal legal acts dedicated to certification are compared. The main problems of legal regulation in this area are identified and some ways of their solution are proposed.

Key words: municipal service, municipal employee, certification, professionalism, competence.

Принципами муниципальной службы, закрепленными в ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», наряду с некоторыми другими, являются профессионализм и компетентность муниципальных служащих. Качественная реализация этих принципов способствует достижению главной цели местного самоуправления – эффективного управления в интересах местного населения. Эти принципы сформулированы на основе международных стандартов, содержащихся в Европейской хартии местного самоуправления.

Требование хартии о необходимости подбора «высококвалифицированных кадров, основанного на принципах учета личных достоинств и компетентности» [1] для реализации задач местного самоуправления, предполагает наличие у муниципальных служащих соответствующих моральных качеств и определенного уровня профессиональной подготовки, обусловленных опытом и образованием.

Закрепляя принцип профессионализма и компетентности, федеральный закон определяет, что для граждан, претендующих на замещение вакантных должностей, или для муниципальных служащих, находящихся на муниципальной службе, устанавливаются требования, предъявляемые к уровню и виду образования, профессиональному стажу, знаниям, умениям и навыкам –

квалификационные требования. В силу того, что муниципальным служащим может являться только гражданин, соответствующий квалификационным требованиям, установленным соответствующим муниципальным правовым актом, для определения его возможности надлежащим образом исполнять свои должностные обязанности, вопрос об оценке претендентов на соответствие этим требованиям знаний, умениям и навыков лица представляется достаточно актуальным.

Квалификационные требования, необходимые для замещения должностей муниципальной службы, должны приниматься с учетом «Методических рекомендаций по установлению квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы и организации оценки на соответствие указанным требованиям (Версия 2.0)», утвержденных Министерством труда и социальной защиты РФ в 2015 году.

Для оценки профессионального уровня муниципальных служащих в рамках определения их соответствия замещаемым должностям ФЗ № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02 марта 2007 г. предусматривает процедуру аттестации (ст. 18 указанного ФЗ).

Субъектами РФ утверждаются типовые положения о проведении аттестации муниципальных служащих, на основе

которых муниципальные органы разрабатывают собственные положения о проведении аттестации муниципальных служащих. Приведем пример некоторых таких актов. Так, в Калужской области действует принятый 3 декабря 2007 г. закон № 382-ОЗ «О муниципальной службе в Калужской области», который содержит Приложение 3 «Типовое положение о проведении аттестации муниципальных служащих».

Ст. 15 закона Брянской области № 156-З «О муниципальной службе в Брянской области» от 16 ноября 2007 г. устанавливает, что процедура аттестации муниципальных служащих определяется приложением 6 к указанному закону – «Положением о проведении аттестации муниципальных служащих».

Закон Московской области «О муниципальной службе в Московской области» № 137/2007-ОЗ от 11 июля 2007 г. в ст. 18 определяет, что «Типовое положение проведения аттестации муниципальных служащих Московской области» утверждается законом Московской области. Закон Московской области «Об утверждении типового положения о проведении аттестации муниципальных служащих Московской области» № 199/2007-ОЗ, принятый 3 ноября 2007 г. утверждает соответствующее типовое положение.

В муниципальном образовании «Город Калуга» действует Постановление Городской Думы г. Калуги от 16 июля 2008 г. № 123 «Об утверждении Положения о проведении аттестации муниципальных служащих муниципального образования «Город Калуга», которое более точно устанавливает и конкретизирует саму процедуру аттестации. Данное Положение определяет цели и сроки аттестации, устанавливает порядок ее проведения, который включает в себя вопросы организации проведения аттестации (в частности, требования к правовому оформлению аттестации, требования к образованию и работе аттестационной комиссии, графику аттестации) и порядку ее проведения. Положение определяет виды решений, которые правомочна принимать аттестационная комиссия, требования к их оформлению, порядок и сроки обжалования указанных решений.

Приложение 2 к Закону г. Москвы «О муниципальной службе в городе Москве» от

22 октября 2008 г. содержит «Типовое положение о проведении аттестации муниципальных служащих органов местного самоуправления, муниципальных органов внутригородских муниципальных образований в городе Москве» в соответствии с которым муниципальным правовым актом утверждается Положение о проведении аттестации.

Аналогичные правовые акты принимаются в других субъектах РФ и муниципальных образованиях.

Указанные документы закрепляют цель аттестации – определение соответствия муниципального служащего замещаемой должности муниципальной службы. При этом ни федеральный закон, ни законы субъектов, ни муниципальные правовые акты не содержат определения термина «аттестация». Думается, что текст статьи 18 Федерального закона должен быть дополнен таким определением. Аттестация муниципального служащего – оценка его профессионального уровня, проводимая в рамках установленных процедур, с учетом личных достоинств лица, занимающего должность муниципальной службы.

При анализе нормативных правовых актов субъектов РФ и местных правовых актов, регулирующих вопросы аттестации муниципального служащего, мы можем обратить внимание на то, что эти документы практически полностью дублируют федеральное законодательство, что представляется нецелесообразным, поскольку положения Закона о муниципальной службе имеют прямое действие на территории РФ, а следовательно и на территориях субъектов, которые входят в ее состав. Следует согласиться с мнением Н.А. Курганова о том, что «вполне достаточным представляется использование в региональных и муниципальных актах отсылочных норм». [6, с. 20]. Кроме того, излишним видится принятие в каждом муниципальном образовании правового акта, регламентирующего процедуру аттестации. Указанные документы во многом идентичны, так как основываются на ФЗ и региональном законодательстве, которое, как отмечалось выше, само повторяет положения федерального закона. Думается, что порядок проведения аттестации муниципальных служащих следовало бы урегулировать в одном подзаконном акте федерального уровня.

Проанализировав положения правовых актов, касающиеся аттестации муниципальных служащих, можно выделить основные задачи аттестации: выявление профессионального уровня сотрудников муниципальных органов, поощрение муниципальных служащих, успешно прошедших аттестационные испытания и тем самым мотивация их на более качественное выполнение трудовых обязанностей, а также выявление круга сотрудников, нуждающихся в повышении или понижении в должности.

Поощрение, повышение в должности могут быть применены нанимателем к сотрудникам, успешно прошедшим аттестацию и могут быть признаны положительными последствиями аттестации. Понижение, напротив, может быть применено к служащему, по результатам аттестации признанному не соответствующим замещаемой должности. Это последствие следует считать негативным. Тем не менее понижение в должности применяется представителем нанимателя с согласия муниципального служащего и при соблюдении определенных условий. Помимо такого решения, представитель нанимателя в срок не более одного месяца со дня аттестации вправе принять решение об увольнении с муниципальной службы в связи с несоответствием замещаемой должности вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации. Это также негативное последствие аттестации для муниципального служащего. В связи с тем, что по результатам аттестации, могут быть приняты решения об изменении должностного положения лица, проходившего аттестацию, а в ряде случаев эти решения могут негативно сказаться на правовом положении аттестуемых, представляется целесообразным расширить для них круг прав и гарантий, связанных с рассматриваемой нами процедурой аттестации. В частности, Л.В. Андриченко предлагает «нормативно закрепить право муниципального служащего на подготовку к аттестации, ознакомление с требованиями, предъявляемыми к аттестуемому, объему знаний, которыми он должен обладать, примерным кругом вопросов» и т. д. [5, с.21].

Методические рекомендации по установлению квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы и организации

оценки на соответствие указанным требованиям (Версия 2.0) определяют, что оценка знаний муниципального служащего, предусмотренных функциональными квалификационными требованиями возможна в форме тестирования. Для этого уполномоченному органу субъекта Российской Федерации рекомендуется сформировать единую базу тестовых заданий по областям деятельности, реализуемым в органах местного самоуправления соответствующего субъекта Российской Федерации [4]. Вопросы или тесты для аттестации должны быть составлены таким образом, чтобы их тематика соответствовала уровню профессиональных знаний и навыков, необходимых для замещения муниципальной службы по соответствующей группе должностей муниципальной службы.

Думается, что желательным было бы размещение в сети Интернет примерных тестовых заданий для лиц, проходящих аттестацию муниципального служащего и указание на обязательность такого размещения в муниципальных актах. Так, примерный перечень тестовых вопросов для кандидатов на вакантные должности муниципальной службы размещен в сети Интернет в качестве приложения к Распоряжению № 66 г. Аксай «Об утверждении методических рекомендаций в целях развития муниципальной службы в органах местного самоуправления Аксайского района» от 12.07.2013 г. Аналогичный перечень содержится в приложении к Распоряжению № 229 ст. Егорлыкская от 30.12.2013 г. «Об утверждении положения по подбору кадров в Администрации Егорлыкского района и ее отраслевых (функциональных) органах». Аналогичным образом можно было бы составить и разместить тесты для аттестуемых муниципальных служащих.

В настоящее время в сети Интернет мы можем найти только примерные вопросы общей компетенции по определению уровня знаний муниципального служащего, его профессиональной подготовки и соответствия замещаемой должности муниципальной службы. Например, подобные вопросы размещены на сайтах некоторых муниципалитетов республики Башкортостан: г. Уфа, сельского поселения Акъярский сельсовет муниципального района Хайбуллинский район Республики Башкортостан.

В качестве проблемных аспектов правового регулирования процедуры аттестации муниципального служащего можно отметить вопросы, связанные с формированием аттестационной комиссии. Обычно, она состоит из председателя, его заместителя, секретаря и членов комиссии. К работе в комиссии также привлекаются независимые эксперты. Поскольку в формировании аттестационной комиссии участвует представитель нанимателя, следовательно, в эту комиссию могут быть включены нужные и зависимые лица, в качестве экспертов. В связи с этим в правовые акты необходимо включать положения, направленные на обеспечение их независимости. Аттестационная комиссия должна формироваться так, чтобы была исключена возможность возникновения личной заинтересованности.

К сожалению, пока существенным недостатком является ограниченный набор инструментов проведения аттестации муниципальных служащих. Так, аттестационная комиссия рассматривает предоставленные документы, заслушивает отчеты муниципального служащего о своей профессиональной деятельности, и, при необходимости – его непосредственного руководителя [2].

Проведение аттестации в виде, когда муниципальный служащий выступает с отчетом о своей профессиональной служебной деятельности, не может считаться оптимальной. При выборе такой формы как отчет возникает повторение, так как в отзыве муниципального служащего уже содержится отчет о его служебной деятельности и с таким отчетом в ходе аттестации может выступить непосредственный руководитель аттестуемого. Поэтому, думается, что указанные положения правовых актов нужно конкретизировать таким образом, чтобы была возможность оптимизировать процедуру аттестации, избежать ненужного дублирования предоставляемой аттестационной комиссии информации.

Нужно отметить также, что муниципальные правовые акты содержат требования только к уровню профессиональной подготовки муниципального служащего. Однако, как указывалось выше, в Европейской Хартии местного самоуправления определяется, что подбор высококвалифицированных кадров должен основываться на совокупности

принципов: компетентности и учета личных достоинств [1]. Вопрос о личных качествах муниципального служащего применительно к процедуре его аттестации затрагивается в рассмотренных нами законах весьма поверхностно. Например, в Законе «О муниципальной службе в Брянской области» в п. 2 Типового положения о проведении аттестации муниципальных служащих говорится, что «обсуждение профессиональных и личностных качеств муниципального служащего применительно к его должностным обязанностям и полномочиям должно быть объективным и доброжелательным» [3]. Аналогичные положения содержатся и в документах Калужской области и ряда других субъектов РФ. Однако в таком варианте оценка личных качеств не может быть объективной, да и вообще не содержит каких-либо критериев оценки. Думается, что использование психологического тестирования для личностно-профессиональной диагностики муниципальных служащих могло бы быть вполне обоснованным.

В настоящий момент, существующее законодательство, определяющее порядок проведения аттестации, не содержит требований по определению личностно-профессиональных характеристик. Следует согласиться с О.В. Рудаковой в том, что «необходимо законодательное закрепление комплексной оценки личностно-психологических качеств муниципального служащего в виде соответствующего тестирования, а также обеспечение организации и установление порядка деятельности органов муниципальной власти по ее проведению». [7, с. 55].

В настоящей статье обозначены некоторые проблемы, возникающие при проведении процедуры аттестации муниципального служащего, решение которых требует внесения изменений как в муниципальное, региональное, так и федеральное законодательство. Думается, что устранение указанных проблем будет способствовать повышению значения аттестации, а также достижению ее цели – обеспечению профессионализма муниципальных служащих. Это, в свою очередь, повысит качество муниципального управления и авторитет муниципальной службы.

Список литературы:

1. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20361/9eefe6d73dde71ede0df32248c02f6cd4c5146aa/ (дата обращения 25.05.2021).
2. Закон Калужской области от 3 декабря 2007 г. № 382-ОЗ «О муниципальной службе в Калужской области» (ред. от 30 декабря 2020 г.) // Справочно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/16024341/> (дата обращения 25.05.2021).
3. Закон Брянской области от 16 ноября 2007 г. № 156-З «О муниципальной службе в Брянской области» (с изменениями на 28 июля 2020 года) // Docs.cntd.ru – электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/974009767?section=text> (дата обращения 28.05.2021).
4. Методические рекомендации по установлению квалификационных требований для замещения должностей муниципальной службы и организации оценки на соответствие указанным требованиям (Версия 2.0) (подготовлены Минтрудом России) // СПС Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188283/6129e8263ba358178ac889db1228ff48e64d6c4f/ (дата обращения 28.05.2021).
5. Андриченко, Л.В. Муниципальная служба в Российской Федерации / Л.В. Андриченко // Журнал российского права. – 2008. – № 7 (139). – С. 12 – 22.
6. Курганов, Н.А. Правовое регулирование аттестации муниципальных служащих (по материалам Южного федерального округа) / Н.А. Курганов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – №4 (31). – С. 15 – 20.
7. Рудакова, О.В. Совершенствование института аттестации муниципальных служащих в системе муниципального управления / О.В. Рудакова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2019. – №1 (26). – С. 55 – 57.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94

И.Б. Белова

РЕЦЕНЗИЯ НА: ЕЛИСЕЕВ А.И.

САМАРСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК: 5.6.1 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ. – САМАРА: САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА, 2022. – 229 с.

В рецензии анализируется исследование А.И. Елисеева, посвященное рассмотрению проходивших в Самарской губернии избирательных кампаний в Государственную думу, определению социального и политического состава избранных самарских депутатов, а также выявлению основных направлений их работы в Государственной думе Российской империи I – IV созывов. Отмечаются как сильные стороны исследования, так и недостаточно аргументированные моменты. Рецензент делает вывод о соответствии в целом представленной работы требованиям ВАК РФ.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи I – IV созывов, депутаты Государственной думы от Самарской губернии, избирательные кампании, политические партии, деятельность и выступления депутатов.

I.B. Belova

REC. AD OP: ELISEEV A.I.

SAMARA DEPUTIES IN STATE DUMA OF RUSSIAN EMPIRE: CANDIDATE DISSERTATION IN HISTORY: 5.6.1 – NATIONAL HISTORY. – SAMARA: SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY NAMED AFTER ACADEMICIAN S.P. KOROLEV, 2022. – 229 P.

The review analyzes research of A.I. Eliseev, devoted to the consideration of the election campaigns to the State Duma, which were held in Samara province, the determination of the social and political composition of the elected Samara deputies, as well as the identification of the main directions of their work in the State Duma of the Russian Empire of the I-IV convocations. The reviewer notes both the strengths of the research and insufficiently reasoned points. The reviewer concludes that the scientific research on the whole corresponds to the requirements of the Federal Assessment Committee of Russian Federation.

Keywords: State Duma of the Russian Empire of the I-IV convocations, deputies of the State Duma from Samara province, election campaigns, political parties, activities and speeches of deputies.

Изучение многоаспектной проблематики российского парламентаризма ведется уже более века и продолжает оставаться одним из приоритетных направлений в работах отечественных историков, краеведов, юристов, социологов, культурологов и представителей других гуманитарных наук. Однако приходится констатировать, что до последнего времени целый ряд аспектов, самым непосредственным образом связанных с историей Государственной думы Российской империи, еще не получил в отечественной исторической науке должного всестороннего изучения или требует переосмысления на основе новых введенных в научный оборот в последнее время документальных источников, а также трудов эмигрантской

ветви историографии, развивавшейся изолированно от советской.

Несмотря на наличие многочисленных трудов по истории депутатского корпуса Самарской губернии, данную проблему, думается, нельзя считать полностью исчерпанной. Диссертант отмечает, что до сих пор в историографии отсутствует исследование, где бы комплексно изучался ход выборов в Самарской губернии, социально-политический состав депутатов и анализировалась их деятельность в Государственных думах I – IV созывов. В этой связи тема диссертационного исследования А.И. Елисеева представляется актуальной.

Сформулированная автором концепция исследования, включающая оценку деятельности самарских депутатов в Государственной думе Российской империи 1906 – 1917 гг., предполагает, на наш взгляд, и определенную практическую значимость его выводов, так как исторический опыт может быть востребован при поиске оптимальных моделей народного представительства и законотворческой практики в современной России.

Во введении целью исследования автор обозначил анализ работы самарских депутатов в Государственной думе Российской империи I – IV созывов и определение их роли и значимости в деятельности данного представительного учреждения (с. 18) и выделил пять исследовательских задач.

Объектом исследования диссертант определил Государственную думу Российской империи 1906 – 1917 годов; предметом – выборы в Государственную думу по Самарской губернии и деятельность избранных от Самарской губернии депутатов в Государственных думах четырех созывов (с. 4). Хронологические рамки диссертации возражений не вызывают. Вполне обоснованы и территориальные рамки исследования, которые включают в себя 7 уездов Самарской губернии и Санкт-Петербург, где проходили заседания парламента. Однако уезды изучаемой губернии следовало бы перечислить, а губернию кратко охарактеризовать по основным параметрам.

Анализ историографии вопроса дан в проблемно-хронологическом ключе. При решении собственных исследовательских задач автор в основном опирается на фактический материал, содержащийся в опубликованных исторических исследованиях, что, думается, в целом не снижает научной значимости, проделанной диссертантом работы.

А.И. Елисеев справедливо отмечает, что существенное влияние на рассмотрение истории российского парламента в советское время оказали взгляды, высказанные в работах В.И. Ленина (с. 6), но вместе с тем не называет эти работы ни в историографическом разделе, ни в библиографическом перечне. Вызывает вопрос помещение и рассмотрение автором в историографическом разделе диссертации сборника документов «Государственная дума в России» (сост. Ф.И. Калинычев. М., 1957). Путаница относительно источников и литературы наблюдается, к сожалению, и в библиографическом списке диссертации. Так, сборник «1905 год в Самарском крае: материалы по истории РКП(б) и революционного движения» (Самара,

1925), состоящий из воспоминаний, прокламаций самарского комитета РСДРП, сообщений печати, а также всевозможные энциклопедии помещены автором в раздел «монографии и научные издания» при наличии разделов «сборники документов» и «справочные издания».

В историографическом обзоре, к сожалению, не нашел отражение вопрос о том, Государственные думы каких созывов и их депутатский корпус изучены полнее?

Источники разделены автором на 7 групп и проанализированы: 1. материалы центральных и региональных архивов; 2. законодательные акты; 3. делопроизводственные документы Государственной думы (стенографические отчеты заседаний и др.); 4. справочные и энциклопедические издания начала XX века; 5. сборники документов; 6. материалы периодической печати; 7. материалы личного происхождения (воспоминания и публицистические произведения политических деятелей). Между тем следует отметить, что выделение первой группы – материалы центральных и региональных архивов – представляется необоснованным, так как в рамках первой группы находятся источники из других выделенных автором групп, например, стенографические отчеты думских заседаний и другая делопроизводственная документация (группа 3), источники личного происхождения (группа 7).

Особенностью весьма широкой разноплановой источниковой базы представленного исследования является явное преобладание опубликованных материалов, в том числе стенографических отчетов заседаний Государственной думы (3 группа), широкое привлечение источников личного происхождения (1 и 7 группа). Автором использованы материалы одной центральной и пяти региональных газет (6 группа), безусловно, разнообразящие «сухие» стенографические отчеты, указатели и приложения к ним. Однако диссертантом не объяснен выбор для анализа из всех наименований центральной прессы периода 1906 – 1917 гг. только *трех* номеров за 1906 г. *одной* центральной газеты, издаваемой кадетской партией?

При работе над диссертацией автор вполне обоснованно сочетал различные методологические подходы и методы исторического исследования.

Структура диссертации обусловлена целевой установкой и характером решаемых в ней исследовательских задач. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на 2

параграфа каждая, заключения, списка источников и литературы, четырех приложений, в которых приведена справочная информация о депутатах от Самарской губернии всех четырех думских созывов.

Во введении диссертантом также указана научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены данные по апробации.

В первой главе «Депутаты от Самарской губернии в Государственной думе первого созыва» автор подробно осветил избирательную кампанию в I Государственную думу в Самарской губернии, борьбу октябристов и кадетов за голоса крестьян-выборщиков, которую октябристы тогда проиграли (с. 35 – 38). В итоге в Думу прошли 7 представителей кадетской партии и 4 беспартийных депутата. Далее представлен сословный, национальный и возрастной состав 13 избранных депутатов, род их занятий, образовательный уровень. Во втором параграфе подробно рассматривается участие самарских депутатов в работе I Государственной думы. Автор обстоятельно перечисляет, каким депутатом и какой законопроект был поддержан, инициирован, какие заявления им были подписаны и в какую думскую комиссию он вошел. Интересными представляются приведенные воспоминания депутата Д.Д. Протопопова, освещающие подробности работы думских комиссий (с. 61). Отмечается, что 6 самарских депутатов из 13 поддержали Выборгское воззвание.

Во второй главе «Самарское представительство в Государственной Думе второго созыва», построенной по аналогичному с первой главой принципу, проанализированы избирательная кампания января – февраля 1907 г., проходившая по прежнему законодательству, социально-политический состав избранных депутатов и их участие в работе парламента. Автор отмечает, что представители региональной власти постарались оказать большее влияние на результаты выборов, а партии пересмотрели выборные тактики. Однако среди избранных депутатов вновь доминировали представители крестьянского сословия, причем вдвое сократилось число дворян (с. 84). Диссертант приходит к обоснованному выводу, что самой популярной темой выступлений депутатов от Самарской губернии во II Думе стал продовольственный вопрос и связанная с ним проблема борьбы с голодом (с. 102).

В третьей главе «Самарский депутатский корпус в Государственной думе третьего созы-

ва» рассматриваются выборы, проходившие по новому избирательному законодательству, и основные направления работы депутатов-самарцев в III Думе в составе фракции «Союза 17 октября», прогрессистов и мирнообновленцев. Диссертант отмечает, что 12 из 13 избранных депутатов имели опыт общественной или административной работы (с. 117), а потому их выступления отличались большей компетентностью и конструктивностью, чем их коллег по предыдущим Думам. Интерес представляет сюжет о думских выступлениях самарских депутатов, где, помимо статистических данных, диссертант приводит выдержки из выступлений парламентариев (с. 136 – 138). А.И. Елисееву удалось показать напряженную работу самарских депутатов в Думе и вне её, в том числе и по развитию народного образования в родной губернии.

Четвертая глава «Избранники от Самарской губернии в Государственной думе четвертого созыва» посвящена описанию процедуры выборов, социально-политического облика депутатов и рассмотрению направлений их работы в IV Думе. В ходе избирательной кампании, отмечает соискатель, в Самарской губернии появилась новая партия – «Партия реальной законодательной работы», состоявшая из одних чиновников (с. 154). Далее автор констатирует, что левые партии не сумели провести своих кандидатов, а большинство мест в Думе заняли умеренно-правые самарские депутаты. Диссертант приходит к выводу, что самарские парламентарии активно участвовали в работе различных комиссий (с. 168), но их ораторская деятельность была ниже, чем в предыдущем составе (с. 175). Автором отмечается, что настроения депутатов изменила Первая мировая война, которая на начальном этапе вызвала широкий патриотический подъем и консолидацию в обществе. 26 июля 1914 г. Дума была созвана на однодневную сессию, во время которой лидеры всех «буржуазно-помещичьих фракций» выступили с призывом сплотиться вокруг «своего державного вождя», отмечает диссертант, ссылаясь на историка Е.Д. Черменского (с. 170 – 171). Несколько раз А.И. Елисеев пишет о создании в IV Думе в августе 1915 г. Прогрессивного блока, в который, в том числе вошли 9 самарцев (с. 162, 172). Два раза повторено предложение о том, что пятеро самарских депутатов поддержали законопроект о возмещении убытков, причиненных войной (с. 177). Автор прослеживает судьбу ряда самарских депутатов после прекращения работы Государственной думы 25 февраля 1917 г., к

примеру, В.Н. Львов стал во Временном правительстве обер-прокурором Синода.

В заключении автор подводит итоги исследования и делает обобщающие выводы.

Отмечая достоинства диссертационного исследования, следует указать на некоторые его недостатки (в дополнение к изложенным выше).

Обращает на себя внимание, что диссертант в положениях, выносимых на защиту, военный период работы IV Думы не выделяет, при том, что чрезвычайная и третья – пятая сессии работали в период мировой войны.

Сам же соискатель отмечает, что «существенное изменение в расстановку сил и деятельность нижней палаты внесло появление в 1915 году Прогрессивного блока, объединившего многих депутатов» (с. 161). При этом создание Прогрессивного блока непосредственно связано с войной, как было сказано выше, существенно повлиявшей на деятельность Государственной думы. Это свидетельствует об особой важности связанной с войной деятельности Государственной думы, которую автору следовало бы показать и сделать соответствующий вывод, не ограничиваясь констатацией принятия государственного бюджета в январе 1915 г. и вхождения 9 из 13 самарских депутатов в Прогрессивный блок (Заключение, с. 188, 189).

Говоря о созыве Государственной думы 26 июля 1914 г. на экстренную однодневную сессию, диссертант почему-то не упоминает о реальном результате экстренного заседания, т.е. о голосовании всех депутатов, кроме большевиков, за выделение военных кредитов. При этом автор, цитируя Е.Д. Черменского, сказал лишь о выступлениях лидеров всех «буржуазно-помещичьих фракций» с призывом сплотиться вокруг «своего державного вождя» (с. 170 – 171).

Несмотря на сделанный автором в Заключении соответствующий историческим реалиям вывод о том, что «существенное изменение в деятельность Думы четвертого созыва внесла Первая мировая война» и поначалу депутатов охватил патриотический подъем и они в ходе третьей сессии в январе 1915 г. приняли государственный бюджет (с. 188, 189), период работы IV Думы, связанный с войной, и деятельность в этот период депутатов выглядят в диссертации недостаточно освещенными из-за явного недостатка фактического материала. Между тем именно парламентарии в августе 1915 г. приняли в трех обсуждениях законопроект о порядке призыва и

назначения ратников государственного ополчения II разряда. Благодаря этому закону была снята проблема способности армии продолжать войну – уже в начале сентября 1915 г. начался первый в российской истории призыв ратников ополчения II разряда. Затем в трех обсуждениях был утвержден законопроект о размере контингента новобранцев. В стенографических отчетах четвертой сессии IV Думы содержится обсуждение и утверждение в августе 1915 г. важнейшего для миллионов российских граждан закона об обеспечении нужд беженцев, который впервые ввел понятие «беженец» и лег в основу создания системы попечения о беженцах в Российской империи. Кроме того, депутаты обсуждали и приняли закон «Об учреждении Особых совещаний...» и другие важные законы и иные мероприятия, связанные с войной. Так что депутатам, в том числе самарским, хватило патриотического порыва не только для принятия в январе 1915 г. государственного бюджета.

Текст местами явно перегружен избыточной информацией. Например, имеет ли принципиально важное значение для исторической науки то, что депутат II Думы М.М. Атласов подписал запрос № 16 о противоправных действиях стражников в деревне Бураево Бирского уезда Уфимской губернии именно третьим, а не вторым?

Критические замечания не отменяют в целом положительного отношения к проделанной соискателем работе и высказаны в качестве рекомендации для разработки темы в дальнейшем. Можно констатировать, что представленная диссертация является квалификационным, самостоятельным и завершённым исследованием, обладающим внутренним единством и последовательностью изложения. Достоверность научных результатов обеспечена комплексным подходом соискателя к научному исследованию, а также апробацией основных положений работы. Основные положения диссертации отражены в 8 научных статьях (три из которых опубликованы в рецензируемых изданиях ВАК РФ), докладывались автором на самарских научных конференциях различного уровня. Текст диссертации, автореферат, а также публикации А.И. Елисеева вносят свой определённый вклад в развитие исторических представлений о самарских депутатах Государственной думы Российской империи всех созывов, специфике их работы. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертационного исследования.

Таким образом, представленная к защите диссертация А.И. Елисеева «Самарские депутаты в Государственных думах Российской империи» соответствует требованиям, изложенным в пп. 9–14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого поста-

новлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11 сентября 2021 г. № 1539), а её автор – Андрей Иванович Елисеев, заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Андрей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: aleksandrovay@tksu.ru

Бороненков Илья Егорович – ведущий архивист Госархива документов новейшей истории Калужской области. E-mail: boronenkov.klg.olg@mail.ru

Васильева Татьяна Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: vasilyevatv@tksu.ru

Гаврилюк Наталия Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Голубева Анна Николаевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «История и иностранный язык». E-mail: golubevaan@studklg.ru

Грачева Иоланта Витальевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Юриспруденция». E-mail: grachevaiv@studklg.ru

Гуреев Я.В. – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: gureevyv@studklg.ru

Зайцева М.А. – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин государственно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет. E-mail: magomedovaea@tksu.ru

Ильяш Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: ilyashav@tksu.ru

Кометчиков Игорь Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kometchikoviv@tksu.ru

Красина Елена Николаевна – доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: krasinaen@tksu.ru

Курков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kurkovvv@tksu.ru

Лапина Диана Олеговна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «История международных отношений и мировой политики». E-mail: lapshinado@studklg.ru

Магомедова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: magomedovaea@tksu.ru

Митрушкина Марина Алексеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская програ «Регионоведение». E-mail: mitrushkinama@studklg.ru

Мытник Елена Валентиновна – старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. E-mail: alena_mjtnik@mail.ru

Нгуен Тхи Тхао Куинь – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: nguentt@studklg.ru

Никишин Борис Андреевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 46.03.01 История, профиль «История». E-mail: nikishinba@studklg.ru

Семенова Наталья Константиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: semenovank@tksu.ru

Тарасова Л.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: tarasovalv@tksu.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

